Международная Объединенная Академия Наук

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Научный журнал

Октябрь 2018 г.

НОМЕР 43

ЧАСТЬ 1

Самара 2018

УДК 001.1
ББК 60

Т34

Тенденции развития науки и образования. «Тенденции развития науки и образования» Октябрь 2018 г. Часть 1 Изд. НИЦ «Л-Журнал», 2018. - 84с.

SPLN 001-000001-0346-LJ
DOI 10.18411/lj-10-2018-1
IDSP 000001:lj-10-2018-1

В выпуске журнала собраны материалы из различных областей научных знаний.

Журнал предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Все материалы, размещенные в журнале, опубликованы в авторском варианте. Редакция не вносила коррективы в научные статьи. Ответственность за информацию, размещенную в материалах на всеобщее обозрение, несут их авторы.

Информация об опубликованных статьях будет передана в систему ELIBRARY

Электронная версия журнала доступна на сайте научно-издательского центра «Л-Журнал». Сайт центра: ljournal.ru

УДК 001.1
ББК 60

SPLN 001-000001-0346-LJ

<http://ljournal.ru>

Содержание

РАЗДЕЛ I. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ	5
Бердалиев К.Ч., Джоробекова А.М., Джоробеков Ж.М. К вопросу обновления системы обеспечения национальной безопасности Кыргызской Республики.....	5
Бердалиев К.Ч., Джоробекова А.М., Джоробеков Ж.М. Соотношение правоохранительной функции с другими функциями государства: взаимовлияние и взаимообусловленность	9
Бочарова Н.Н. Цифровая экономика в России: актуальное состояние и перспективы правового регулирования	12
Ванин Д.Н. Проблемы защиты прав потребителей при дистанционном способе продажи товаров.....	14
Ванина А.А. Психолого-криминологическая характеристика лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы	17
Гарник Л.Ю. К вопросу о создании Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации	20
Жовниренко В.В. Трансформация нормативно-правовой базы регулирования механизма функционирования регионом в Российской Империи и процесс ее реализации в условиях великих реформ	21
Жовниренко В.В. Изменения нормативно-правовой базы организации и функционирования органов регионального управления в Российской Империи в условиях контрреформ.....	25
Зудаева В.В. К вопросу о правовом регулировании льгот, гарантий и компенсаций, предоставляемых государственным гражданским служащим	28
Каудыров Т.Е. Некоторые вопросы внедрения элементов прецедентного права в национальное законодательство Республики Казахстан.....	30
Конахина Е.С. Деятельность уездной и городской полиции по пресечению пожаров в 1890-1900 гг.	34
Конахина Е.С. Нормативное обеспечение деятельности уездной и городской полиции по розыску преступников в 1860 - 1910 годы	38
Малкин И.Н. Организация и полномочия органов регионального управления в Российской Империи в XIX - начале XX вв.	41
Малкин И.Н. Эволюция системы нормативно-правового регулирования механизма регионального управления в Российской Империи в 1905-1907 гг. и 1914-1917 гг.	45
Насибуллина Р.Р. Состояние наследственного права в Российской Империи в начале XX века.....	47

Насибуллина Р.Р. Основные тенденции развития отечественного наследственного права в советский и постсоветский периоды	50
Попова О.А. Удержания из заработной платы: проблемы и перспективы	54
Салина Е.С. Баланс публичных и частных интересов в правовом регулировании национальной платежной системы: поиск ориентиров	56
Сулайманова А.Э., Джоробеков Т.М., Абдикерим кызы Г. К вопросу о профилактике вандализма	60
Сулайманова А.Э., Джоробеков Т.М., Абдикерим кызы Г. Вандализм и его отличие от иных смежных составов преступлений по уголовному законодательству Кыргызской Республики	63
Суховецкий М.И. Правовые возможности усиления роли Европейского союза в формировании доходов наднационального бюджета	67
Шибанов А.А. Полномочия органов прокуратуры российской империи во второй половине XIX века	70
Шибанов А.А. Организация органов прокуратуры Российской Империи во второй половине XIX века	73
Щербатенко Е.А. Актуальные вопросы правового регулирования лесопарковых зеленых поясов	77
Яцученко В.К. Особенности исполнения пожизненного лишения свободы в зарубежных странах	79

РАЗДЕЛ I. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Бердалиев К.Ч.¹, Джоробекова А.М.², Джоробеков Ж.М.³
К вопросу обновления системы обеспечения национальной безопасности
Кыргызской Республики

¹Министерство внутренних дел Кыргызской Республики

²Академия МВД Кыргызской Республики

³Международный университет Кыргызстана
(Кыргызстан, Бишкек)

doi: 10.18411/lj-10-2018-01

idsp: 000001:lj-10-2018-01

Аннотация

В статье актуализируется вопрос реформирования системы обеспечения национальной безопасности Кыргызской Республики, с учетом новых вызовов и угроз. Описывается соотношение положений Концепции национальной безопасности Кыргызской Республики и нынешнего состояния системы безопасности. Затрагиваются как внешние, так и внутренние угрозы национальной безопасности. Обозначены проблемы и предлагаются решения в указанной сфере.

Ключевые слова: система национальной безопасности, концепция, программа, внешние и внутренние угрозы, вызовы, опасности, национальные интересы, киберпреступность, интеграционные процессы, СНГ, ШОС, ОДКБ, экстремизм, терроризм, борьба с преступностью.

В современном технологическом мире, характеризующейся целым рядом вызовов и угроз национальной безопасности, государством уделяется все возрастающее внимание к ее эффективному обеспечению. Следует отметить, что сфера обеспечения национальной безопасности всегда была центром внимания в исследовании многих ученых. Поскольку, национальная безопасность охватывает широкий спектр общественных отношений, данная категория рассматривает государственную, экономическую, информационную, экологическую и иные виды безопасности.

Повышенное внимание к данному вопросу обусловливается тем, что мировое сообщество столкнулось с новыми угрозами безопасности: международный терроризм, транснациональная преступность, киберпреступность и т.д.

Учитывая транснациональный характер преступной деятельности, координация усилий правоохранительных органов многих государств – требование времени. Противодействие транснациональной преступности осуществляется как через заключение соответствующего международного договора путем обмена информацией, проведением совместных операций, направлением компетентной стороной своих сотрудников и специалистов, исполнением запросов, производством специфических сложных экспертиз по запросу одной из сторон, созданием межгосударственных следственно-оперативных групп, привлечением международных организаций, так и принятием мер по укреплению национальных границ, усилению ответственности за отдельные виды преступлений, повышению эффективности деятельности и оптимизации организационной структуры правоохранительных органов.

Фундаментальным программным документом по вопросу обеспечения национальной безопасности выступает Концепция национальной безопасности утвержденная Указом Президента Кыргызской Республики.

Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики – формализованная государством система принципов, идей и взглядов по обеспечению

безопасности трех защищаемых государством категорий: личности, общества и государства от угроз как внутренних, так и внешних, охватывающий все сферы жизнедеятельности на долгосрочной основе.

В указанном документе отмечается экономическое замедление роста основных игроков мировой экономики – как в странах Европы, так и в Китае – мировом локомотиве экономического роста. Также отмечается, что кризис в России и Казахстане – в странах-соседах, с кем Кыргызстан ведет внешнеэкономические связи может негативно повлиять на экономику республики. Однако, после принятия данного документа, кардинально изменилась геополитическая обстановка в мире. Например, такие как – санкции в отношении России по Крыму; «сирийский конфликт»; новая политика президента США Д. Трампа по снижению финансирования международных организаций в сфере безопасности и правопорядка, наконец, вступление Кыргызстана в Евразийский экономический союз и др. – внесли свои коррективы. Как результат, небольшое снижение государственной поддержки вопросам безопасности, смещение акцента на экономическую составляющую, а также уменьшение активности международных финансовых организаций и традиционных стран-доноров в Кыргызстане, в отмеченной сфере.

В документе указаны основные мировые точки конфликта, которые в настоящее время не столь актуальны, как было в 2012 году. Внимание мирового сообщества с тех пор, уже перекочевало на другие государства и регионы.

Актуализируется сотрудничество органов внутренних дел, органов национальной безопасности в рамках Содружества Независимых Государств путем проведения совместных командно-штабных, антитеррористических и тактических специальных учений. Здесь следует отметить, что активное сотрудничество ведется только с Россией и соседними странами по региону. Вместе с тем, по настоящее время, мало чем можно похвастаться – каждый озабочен своими внутренними социально-экономическими, политическими проблемами. Вместе с тем, в рамках таких интеграционных площадок как Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) ведется определенная работа по обеспечению региональной безопасности, в том числе в вопросах борьбы с религиозным экстремизмом, терроризмом, незаконным оборотом наркотиков. Периодически проводятся штабные и антитеррористические учения, страны-организаторы отчитываются о проделанной работе и результатах. Но к сожалению, до сих пор мало внимания уделяется на такие сферы как информационная безопасность, киберпреступность, кибертерроризм. Недостаточное внимание уделяется комплексному и системному противодействию транснациональной преступности.

Если затронуть последствия вступления Кыргызстана в ЕЭС, то несоизмеримость уровня экономики Кыргызстана со странами союза вызывают определенные проблемы в миграционных процессах, вопросах пограничной и таможенной безопасности. Относительная свобода передвижения по территории союза, проблемы учета въезжающих и выезжающих ведет к диссонансу в указанных сферах. Учитывая, что выдача паспортов передана в Государственную регистрационную службу при Правительстве Кыргызской Республики, участились случаи незаконной выдачи паспортов. По данным фактам, в настоящее время органами следствия ведутся уголовные дела, однако, указанное обстоятельство никак не поднимает престиж республики в союзе.

Конечно, актуальность регионального сотрудничества все более в усиливающихся мировых интеграционных процессах по всему миру очень высока. Вместе с тем, данные отношения в большей степени носят фрагментарный характер, нету сложившейся широкой и полномасштабной системы, регулирующей весь спектр отношений. Мировые геополитические «нюансы» также отпечатываются во взаимоотношениях стран-участников СНГ. Во-многом сотрудничество основывается на

договорах между соседними государствами и то не по всем направлениям, указанным в международных договорах и как следствие охватывается небольшая часть от всего объема реально возможных отношений. Здесь же, нельзя не отметить, что политика сотрудничества зависит от взаимных симпатий первых лиц государства. Ну и международно-правовые акты носят декларативный характер, что отражается на его применимости. Отсутствие реальной научно обоснованной стратегии-программы развития, обоюдных согласованных интересов государств-участников, а также конкретных целей в их реализации, недостаточное совершенство организационной, международно-правовой основы сотрудничества в настоящее время выступает основными барьерами в развитии отношений внутри СНГ. Это все объясняется тем, что Устав СНГ не ставит перед государствами-участниками никаких конкретных целей и задач, а лишь декларирует их намерение сотрудничать. Разноскоростной уровень развития экономики в этих странах дополнительно усложняет нахождение точек соприкосновения.

В Концепции говорится о создании единой центрально-азиатской площадки по вопросам безопасности. Данный тезис до сих пор является актуальным, поскольку вопросы гидроэнергетики, водопользования, делимитации и демаркации границ, борьбы с экстремизмом, терроризмом и незаконным оборотом наркотиков не снят с повестки дня.

До сих пор, в Кыргызстане отсутствует общенациональная идея, вокруг которой можно было бы консолидировать полиэтническое общество Кыргызстана. Меры, принимаемые государством пока, остаются исключительно на бумаге. Вместе с тем, силовыми структурами принимаются самые строгие меры по недопущению межэтнических конфликтов. Данный вопрос должен всегда стоять на особом контроле у руководства страны, поскольку посредством Интернета любая провокация за очень короткие сроки может иметь непредвиденные последствия.

Внутренние угрозы такие как организованная преступность, экстремизм, незаконный оборот наркотиков, киберпреступность с каждым годом все больше трансформируются и нынешнему государственному аппарату все сложнее получается выстроить адекватную систему противодействия элементам угрозы национальной безопасности. Все больше актуализируется активное участие институтов гражданского общества в разрешении действующих проблем.

В этой связи, нельзя не отметить, об усилении эффективности стратегического государственного управления, повышении кадрового потенциала в государственном аппарате и устойчивости его институциональной памяти, в том числе. Учитывая, революционные технологические инновации в различных сферах жизнедеятельности, устоявшиеся еще с советских времен принципы и механизмы государственного управления необходимо перенастраивать. Поскольку, многие государственные функции, которые до настоящего времени выполнял человек, в развитых странах переложены на плечи современных программно-аппаратных комплексов. За счет расширения сфер, выполняемых указанными комплексами, исключаются негативные факторы и условия, вызывающие конфликт интересов, злоупотребление дискреционными полномочиями, коррупцию. Как результат, это приводит к открытости государства, прозрачности его управленческих решений, минимизации недовольства государственными услугами, экономией государственных расходов на огромный штат государственного аппарата. К сожалению, нынешние субъекты управления каждой волной реформы государственного аппарата все больше стараются сократить штатную численность государственных органов. Этим они переносят «передовой зарубежный опыт» других успешных стран. Однако, не учитывают при этом то, что формальные и неформальные институты в указанных странах вкупе с повсеместным использованием передовых технологий могут позволить исключение дублирующих функций разными государственными органами, сокращение штатной

численности и др. Поскольку, практически многие функции управления организационного цикла обеспечиваются программным софтом, заточенными на оптимизацию всего цикла, вплоть до мониторинга, оценки и анализа результатов деятельности, что исключает человеческий фактор. При этом правосознание и правовая культура населения развитых стран намного выше нашего и это все в комплексе, приводит к положительному синергетическому эффекту.

На сегодняшний день, стратегическое управление все больше теряет свою привлекательность. Это обуславливается тем, что все инновации и нововведения не обеспечены в финансовом плане или для реализации необходимо предварительно подготовить финансовую устойчивость системы в целом, включая входящие в нее элементы. В этой связи, все предложенное остается мертвым грузом в программах, стратегиях, планах на разных уровнях управления. Исполнители на местах (государственные органы) чтобы хоть как-то выполнить поставленные перед ними задачи начинают искусственно «добиваться», чем еще больше рушат устоявшийся строй вводя систему в состояние повышенной энтропии. По истечении определенного времени, субъект управления отчитывается о том, что введенная ранее инновация не оправдала надежд и возвращает все обратно на свои круги. Этим республиканскому бюджету наносится урон. Поскольку ранее на достижение «инновационных целей» были затрачены колоссальные ресурсы. Самое главное, отличная созидательная и перспективная идея дискредитируется не за счет своей несостоятельности, а за счет отсутствия финансирования.

Подобная картина вырисовывается в свете реализации Указа Президента Кыргызской Республики «О мерах по реформе системы правоохранительных органов Кыргызской Республики» №161 от 18 июля 2016 года. Поскольку предложенные позиции, должным образом финансово не обеспечены, хотя отдельные нормы при достаточном финансировании могли привести к созидательным, системным изменениям.

Таким образом и на основании изложенного, можно обозначить три вывода:

1. Систему национальной безопасности, ее параметры, структуру и механизмы необходимо обновить с учетом возникших за последние годы как региональных, так и мировых вызовов, угроз и опасностей. Формализовать это - переработав Концепцию национальной безопасности Кыргызской Республики. Определить новые национальные ориентиры, освежить перечень национальных интересов, обновить предполагаемые ориентиры развития в указанной сфере.
2. С учетом имеющихся финансовых возможностей перестроить систему государственного управления с аппаратно-бюрократического на инновационно-технологический.

Учитывать финансовую составляющую любого государственного проекта изменения. Не запускать ни один проект, до нахождения источника финансирования.

1. Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики. Утверждена Указом Президента Кыргызской Республики от 9 июня 2012 года УП № 120 // Эркин-Тоо. – 2012. – № 53. – 15 июня.
2. Булавин В.А. Национальная безопасность современной России: дисс. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 1999.
3. Каламанов В.А. Национальная безопасность Российской Федерации и межнациональные конфликты: Теоретико-правовой анализ: дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1999.
4. Возжеников А.В. Национальная безопасность в контексте современного политического процесса России: Теория и политика обеспечения: дисс. ... докт. полит. наук. – М., 2002.
5. Холин О.В. Национальная безопасность – политика реализации национального интереса: дисс. ... канд. философ. наук. – М., 2003.

Бердалиев К.Ч.¹, Джоробекова А.М.², Джоробеков Ж.М.³

**Соотношение правоохранительной функции с другими функциями государства:
взаимовлияние и взаимообусловленность**

¹Министерство внутренних дел Кыргызской Республики

²Академия МВД Кыргызской Республики

³Международный университет Кыргызстана
(Кыргызстан, Бишкек)

doi: 10.18411/lj-10-2018-02

ids: 000001:lj-10-2018-02

Аннотация

В статье рассматривается соотношение правоохранительной функции государства с другими имеющимися основными функциями. Актуализируются отдельные проблемы развития общества и роль функций государства в разрешении указанных вопросов. Отмечается смена парадигмы развития государства и как результат роль государства в предоставлении общественных благ.

Ключевые слова: государство, система, функция государства, правоохранительная функция, развитие общества, киберпространство, правоохранительная служба, субъект, объект, развитие, информационные технологии.

Вступление человечества в XXI век сопровождается острейшим кризисом его основного политического института – государства. В ходе истории государство превратилось в общепринятую форму организации и развития человеческого общества.

В мире, у всех государств разные уровни социально-экономического, политического и культурно-нравственного развития. Отдельные государства идут впереди, а другие осуществляют догоняющую стратегию развития. Степень развития Кыргызстана носит догоняющий характер и по отдельным показателям ее разрыв увеличивается.

В Кыргызстане, в настоящее время, имеются следующие проблемы: высокий уровень коррупции, низкий уровень доверия населения к институту власти, усиление транснациональной преступности, сращивание организованной преступности с религиозно-экстремистскими группами и др. Указанные проблемы на фоне дефицита профессиональных кадров в государственном управлении; отсутствии институциональной памяти в государственных структурах; несоразмерности потенциала правоохранительной системы надвигающимся новым угрозам и вызовам негативно влияет на инвестиционный климат и туристическую отрасль республики. Учитывая, что агропромышленный комплекс страны, а именно сельское хозяйство в виде животноводства, овощеводства, садоводства в условиях Евразийского экономического союза не выдерживает конкуренции, а внутренний небольшой рынок не дает достаточного экономического эффекта, надежда экономики Кыргызстана ложится исключительно на иностранные инвестиции, инновационные технологические проекты и туристическую отрасль. В этой связи, постановка вопроса о роли государства в обеспечении правоохраны имеет большое как теоретическое, так и практическое значение. Правоохранительная система любой страны – ресурсоемкая составляющая, поэтому на реализацию своей правоохранительной функции государство ежегодно выделяет немалые суммы. Поэтому экономический уровень развития государства и потенциал правоохранительной системы прямо пропорционален. Государство реализует свою правоохранительную функцию в зависимости от экономического развития. В ином случае, правоохранительные органы вынуждены обращаться в международные организации, проектная деятельность которых охватываются вопросам борьбы с преступностью, защиты прав и свобод

человека и т.д. Как видно, из вышеизложенного экономическая составляющая напрямую влияет на уровень реализации правоохранительной функции.

Здесь следует отметить, что не только успешная реализация своей экономической функции благотворно влияет на систему правоохраны. Образовательная функция государства также играет немаловажную роль. В новейшей истории, отдельные специалисты считают, что в современном мире, активная борьба уже идет не за обладание материальными ценностями, а за способность к инновациям, в том числе в правоохранительной сфере. А это надо отметить напрямую зависит от наличия качественного человеческого капитала в стране. Поэтому, значительную часть своего бюджета государство направляет на сферу образования. Однако, не всегда количество вложенных денежных средств прямо пропорционально эффективности образования и как результат, качеству образования, ведущему к инновационным открытиям. К примеру, в Кыргызстане имеется разрыв в следующем цикле: среднее/средне-специальное образование/высшее образование/получение специалиста высокого класса. После окончания 11 классов почти каждый перспективный абитуриент поступает в зарубежные ВУЗы. Поэтому идет колоссальная утечка интеллектуальных ресурсов Кыргызстана, которые, если даже не полностью, но были подготовлены системой образования республики. После окончания зарубежного высшего учебного заведения возвращаются на родину единицы, поскольку последние не востребованы на родине и увидевшие за годы студенчества высокое качество жизни не видят перспектив у себя в стране. Это обстоятельство наносит большой урон бюджету страны. Поскольку нет обратной связи от вкладываемых в образование денег.

Такая же плачевная ситуация, но в другой форме в учебных заведениях органов внутренних дел, где исторически выпускались и выпускаются будущие сотрудники правоохранительных органов Кыргызской Республики. Из-за низкого престижа службы в правоохранительной системе, желающих посвятить себя служению родине среди креативной, лучшей части молодежи все меньше и меньше. Данное обстоятельство через определенное время может привести к ожидаемым негативным последствиям. Популярность среди молодежи традиционно занимает служба в органах прокуратуры. Причина этому находится вне контекста нашего исследования.

Получение качественного образования индивидом еще не залог успеха и не окончательная социальная цель государства. Поскольку, любые знания индивид может применить как в сторону созидания, так и в сторону разрушения. Например, человек может выбрать путь программиста и помогать дальше улучшать инновационные технологии или выбрать дорогу взлома киберсистем в корыстных целях и стать хакером. А все это зависит от морально-нравственных устоев данного человека. В этой связи, государству необходимо акцентировать свое внимание на улучшение своей воспитательной функции.

Эти и другие проблемы должны рассматриваться как сигнал к поиску новых, более оптимальных решений в теории государства и права, совершенствование системы государственных функций, в том числе правоохранительной функции государства.

Это обуславливается тем, что именно в функциях проявляется сущностная составляющая государства, его социальное предназначение. Как социальный феномен, государство выражено огромным многообразием как наблюдаемых, так и воспринимаемых характеристик. Это определяется во-первых, разнообразием имеющихся задач, поставленных перед государством в разных сферах жизнедеятельности человека, во-вторых, многообразием элементов (органов, организаций) методов, механизмов, форм и инструментов (средств) реализации государственной деятельности. Поэтому через функцию познаются главные и определяющие факторы в государстве. Поскольку, через функции государства

определяются структура, способы и закономерности организации компонентов государства как суперсложной социальной системы.

Изучение функций государства может помочь выяснить возможности (потенциал) последнего, поспособствовать более расширенному пониманию механизма взаимодействия с другими участниками системы в разрешении социально-экономических, политических, культурно-нравственных и других задач.

Оптимальность его организационного построения зависит от того, как полно и четко выявлены и выстроены функции государства и определены формы осуществления данных функций.

Дополнительно, нельзя не отметить, что государство как социальная система с каждым годом приобретает новые черты. Границы этой системы становятся прозрачными в силу либерализации движения ресурсов между странами. Информационно-коммуникационная сеть все больше усложняет регулирующе-координирующую и контролирующую роль государства. А это в свою очередь приносит значительные изменения в правоохранительную систему государства. Субъект управления постоянно при построении, формировании соответствующей системы правоохраны должен учитывать особенности изменения информационных трендов развития. Рассчитать ожидаемый результат и достичь поставленной цели с каждым годом становится все сложнее. Поэтому каждому субъекту управления приходится рассчитывать на оптимальность имеющихся параметров системы. В процессе достижения цели, постоянно приходится корректировать и вносить правки в первоначальный план достижения.

Каждое государство реализовывает свои основные функции: начиная от политического руководства обществом, заканчивая обеспечением безопасности (охрана границ, сохранение политической и экономической стабильности), правопорядка и законности. Между ними есть такие как решение социальных проблем общества, обеспечение образованием, медицинским обслуживанием и др. Все функции между собой взаимосвязаны и взаимообусловлены. Проблемы в одной сфере влияют на реализацию других.

Общеизвестно, что у субъекта всегда стоит дилемма выбора между «либеральным минимумом функций» и тотальным охватом всех сфер жизнедеятельности.

Выделяется либеральный минимум функций государства: законодательство и правопорядок; оборона и безопасность; недопущение инфляции и устойчивость национальной валюты.

Вследствие впечатляющих результатов среди развитых стран, реализующих либерализацию экономики, так называемая либеральная доктрина – стала мейнстримом и ориентиром для развивающихся стран. Механический перенос либеральной доктрины может привести к неконтролируемым, негативным последствиям для республики. Поскольку параметры национальной системы, такие как субъект и объект (формальные и неформальные институты), субъектно-объектные отношения (коммуникационная сеть), особенности развития в определенном пространственно-временном отрезке, а также условия внешней среды могут кардинально повлиять на конечный результат.

В этой связи, любую модель развития необходимо рассмотреть и проверить на возможность приложения, с учетом национальных особенностей и специфики развития государства.

Таким образом, функции государства как составные компоненты суперсложной системы – государства, взаимообусловлены и органично дополняют друг друга. Проблемы в реализации одних функций автоматически сказываются на реализации других функций. В этой связи, роль субъекта управления оптимально настроить

параметры государства, чтобы минимизировать последствия как от внутренних, так и внешних перетрубадий.

1. Андреева Е.М. Социальная функция демократического государства (конституционно-правовой аспект): Дис. ...канд. юрид. наук. – М., 1998. – 176 с.
2. Коробов С.Е. Социальная функция государства: Дис. ...канд. юрид. наук. – М., 2001. – 181 с.
3. Остапюк С.Ф., Филин С.А. Формирование и оценка эффективности научно-технических и инновационных программ. – М.: Изд-во фирма «Благовест-В», 2004. – 320 с.
4. Сырых В.М. Теория государства и права: Учебник. – М., 1998. – 532 с.
5. Черданцев А. Ф. Теория государства и права. Учеб. для вузов. – М., 1999. – 432 с.

Бочарова Н.Н.

Цифровая экономика в России: актуальное состояние и перспективы правового регулирования

*Южный федеральный университет
(Россия, Ростов-на-Дону)*

doi: 10.18411/lj-10-2018-03

idsp: 000001:lj-10-2018-03

«Что касается цифровой экономики, без цифровой экономики мы не сможем перейти к следующему технологическому укладу, а без этого перехода к новому технологическому укладу в российской экономике, а значит у страны, нет будущего. Поэтому это задача номер один в сфере экономики, которую мы должны решить» - справедливо отмечает Президент РФ В.В. Путин [1].

Россия, согласно отчету BCG «Россия-онлайн. Догнать нельзя отстать», по уровню развития цифровой экономики находится лишь на 39-м месте. Доля сектора в ВВП страны составляет 2,8% или \$75 млрд, из них \$63 млрд приходится на сферу потребления. Аналитики BCG делают вывод о том, что Россия отстает по цифровизации экономики от стран-лидеров на 5-8 лет, а в случае сохранения текущих темпов развития разрыв может достичь 15-20 лет [2].

Но одновременно цифровая экономика в России имеет большой потенциал – страна занимает 6-е место в мире и первое в Европе по числу интернет-пользователей. Ставка на цифровизацию экономики может стать ключевым инструментом роста конкурентоспособности России.

Россия занимает 41-е место по готовности к цифровой экономике со значительным отставанием от десятки лидирующих стран. С точки зрения экономических и инновационных результатов использование цифровых технологий Россия занимает 38-е место. Такое отставание объясняется как пробелами законодательства, так и недостаточно благоприятной средой для ведения бизнеса. Россию цифровая экономика не может обойти стороной, так как это процесс глобальный. Криптовалюты и смежные направления уже не являются для многих россиян чем-то далеким и непонятным. Очевидным является тот факт, что в настоящее время развитие цифровой экономики в России значительно опережает состояние нормативно-правовой базы. Только в 2016 году пришло окончательное осознание необходимости разработки соответствующего законодательства с целью создания правовых условий для развития современных технологий и их внедрения в экономику.

В послании Федеральному Собранию 2016 г. Президент РФ В.В. Путин поручил Правительству РФ утвердить программу «Цифровая экономика» [3], в том числе, предусмотрев меры по созданию правовых условий для ее развития и интеграции со странами – членами Европейского экономического союза.

Распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р программа «Цифровая экономика Российской Федерации» была утверждена [2]. Постановлением

Правительства РФ от 28.08.2017 № 1030 «О системе управления реализацией программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [4] утверждены функциональная структура системы управления реализацией программы и правила разработки и реализации планов мероприятий по реализации программы. Майским Указом Президента РФ [5] предложенная программа стала национальной.

Расходы федерального бюджета на национальную программу «Цифровая экономика» в 2019-2024 гг. могут составить 1,2 трлн руб., из которых пока что в росписи предусмотрены деньги только на 2019-2021 гг. и чуть больше 120 млрд, так что изыскать придется 1,08 трлн руб. Расходы 2018 г. гораздо скромнее: 8,4 млрд руб., из которых большая часть (7,3 млрд руб.) уже предусмотрена в бюджете.

Деньги пойдут на шесть направлений цифровой экономики. Дороже всех обойдется направление информационной инфраструктуры – развитие сетей связи и дата-центров, пятое поколение связи, внедрение платформ работы с данными, – которое потребует 627,9 млрд. Новое направление цифрового госуправления (ИТ-технологии для госслужбы и контрольно-надзорной деятельности) будет стоить 233,1 млрд. Кадры для цифровой экономики (совершенствование системы образования, создание системы мотивации по освоению цифровых навыков) потребуют 138,9 млрд. А на цифровые технологии (создают новые рынки или радикально меняют старые: большие данные, искусственный интеллект, квантовые технологии) нужно 125,3 млрд. Самые скромные направления – это информационная безопасность (защита граждан и государства от ИТ-угроз) за 18 млрд руб. и нормативное регулирование (правовой режим для создания и работы новых технологий) – всего 1,5 млрд руб. [6]

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» рассчитана на период до 2024 года и включает в себя пять ключевых направлений: «Нормативное регулирование», «Кадры и образование», «Формирование исследовательских компетенций и технологических заделов», «Информационная инфраструктура» и «Информационная безопасность».

Программа описывает целевое состояние экономики к 2024 году. Видение этого состояния можно свести к трем ключевым вещам: в нашей стране находится десять компаний – глобальных цифровых лидеров; наша юрисдикция привлекательна для самых современных цифровых инноваций; наши граждане и бизнес подготовлены к жизни в условиях цифровой экономики.

Это обширная и достаточно подробная программа, определяющая цели и задачи перехода на новый уровень использования информационных технологий в экономике страны. В ней определены восемь основных направлений внедрения новых технологий в экономику: государственное регулирование; информационная инфраструктура; исследования и разработки; кадры и образование; информационная безопасность; государственное управление; умный город; цифровое здравоохранение.

Подробнее остановим наше внимание на первом направлении Программы – Государственное регулирование, план мероприятий по которому включает в себя:

- 1) снятие правовых ограничений для развития цифровой экономики (внесение изменений в нормативные акты с целью формирования базовых понятий и институтов цифровой экономики, установление особенностей безбумажного оформления трудовых отношений, др.);
- 2) обеспечение условий для сбора, хранения и обработки данных; защита прав и интересов субъектов и владельцев данных (правовое обеспечение использования технологии блокчейн; правовое обеспечение сбора, передачи, обработки и защиты данных при использовании информационных технологий гражданами и юридическими лицами; др.);

- 3) правовое обеспечение условий формирования единой среды цифрового доверия (правовое определение статуса доверенной третьей стороны в цифровой среде; определение способов идентификации физических и юридических лиц; др.);
- 4) внедрение системы управления изменениями законодательства в цифровой экономике;
- 5) проведение правового эксперимента по созданию условий для развития информационных технологий в экономике страны;
- 6) обеспечение стимулирования развития цифровой экономики;
- 7) подготовка решений по совершенствованию норм технического регулирования;
- 8) оптимизация системы подготовки проектов нормативных правовых актов;
- 9) разработка системы подготовки юридических кадров для нужд цифровой экономики;
- 10) внедрение модели «квалифицированного заказчика» при распределении бюджетных средств.

В настоящее время рассматриваются несколько законопроектов, так или иначе касающихся регулирования цифровой экономики в России:

- Законопроект Минфина «О цифровых финансовых активах», который призван заложить основы создания, выпуска, хранения и обращения цифровых финансовых активов;
- Законопроект ЦБ РФ «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинг)», устанавливающий правила ведения токенизированных;
- Законопроект В.В. Володина и П.В. Крашенинникова «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации».

1. <https://ria.ru/economy/20170615/1496585016.html>
2. <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>
3. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379>
4. <http://static.government.ru/media/files/zutOPH6TyKz2ciJAFcn74orvpb89UCMa.pdf>
5. <http://prezident.org/articles/ukaz-prezidenta-rf-204-ot-7-maja-2018-goda-07-05-2018.html>
6. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/08/20/778600-v>

Ванин Д.Н.

Проблемы защиты прав потребителей при дистанционном способе продажи товаров

*АНО ВО «Российский новый университет»
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/lj-10-2018-04

idsp: 000001:lj-10-2018-04

Аннотация

Статья посвящена исследованию актуальных проблем правового регулирования защиты прав потребителей при дистанционном способе продажи товаров. Автор обобщает основные проблемы, существующие в данной сфере, а также высказывается мнение по поводу разрешения данных проблем.

Ключевые слова: сеть Интернет, интернет сервисы, дистанционный способ продажи товаров, законодательство, права потребителей, купля-продажа, информация о

товаре, продавец, покупатель, организация посредник, Роспотребнадзор, реестр интернет-магазинов, ответственность, срок доставки товара, разумный срок.

На данный момент, с процессом глобализации, развитием различных технических средств, все больше начинают приобретать популярность интернет сервисы. Множество людей начали совершать покупки дистанционным способом, но, к сожалению, законодательство в данной области обладает довольно низким уровнем защиты прав потребителей и имеет ряд проблем.

Особенность договора купли-продажи, заключаемого дистанционным способом, выражается в том, что продажа товара производится на основании ознакомления покупателя с предоставленным продавцом описанием товара, которое содержится в каталогах, проспектах, буклетах, представлено на фотоснимках или с использованием сетей почтовой связи, сетей электросвязи, сети Интернет, а также сетей связи для трансляции телеканалов и радиоканалов или иным образом, исключая непосредственное ознакомление покупателя с товаром.

Основными нормативными правовыми актами, регулирующими данный способ продажи, являются:

- Гражданский кодекс РФ от 30.11.1994 № 52-ФЗ;
- Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»;
- Постановление Правительства РФ от 27.09.2007 г. № 612 «Об утверждении Правил продажи дистанционным способом».

Принимая решение о приобретении товара дистанционным способом, покупателю необходимо уделять особое внимание на информацию о товаре и условиях покупки, предоставляемых продавцом. Правила продажи товаров дистанционным способом устанавливают для продавца обязанность предоставить покупателю всю необходимую информацию: об основных потребительских свойствах товара, адресе (месте нахождения) продавца, месте изготовления товара, полном фирменном наименовании продавца, цене и условиях приобретения товара и так далее. И вот здесь возникает довольно серьезная проблема.

Покупая товар в обычных магазинах, мы знаем все их данные: наименование магазина, юридический адрес, ОГРН и прочее. С этими данными у нас есть возможность обратиться в государственные органы и общественные организации для защиты своих нарушенных прав. При осуществлении покупок дистанционным путем довольно часто мы можем увидеть только название сайта, контактный телефон и адрес.

В данном случае вся информация о продавце находится на сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Однако довольно часто продавцы не являются собственниками серверов сайта, и для размещения информации им приходится обращаться к организациям посредникам, владеющим необходимым для этого оборудованием и оказывающим данные услуги. И здесь может возникнуть ситуация, когда содержащаяся на сайте информация о продавце и товаре недействительна, и к кому тогда обратиться, если вы захотите вернуть товар и забрать деньги?

Соответственно здесь возникает проблема допустимой меры ответственности продавца и посредника, который оказывает услуги по содержанию сайта и размещению информации о продавце и товаре. Необходимо установление ответственности посредников за предоставление недостоверных или неполных сведений. Помимо этого, требуется установление обязательного перечня сведений о юридическом лице, которые размещаются на сайте, а также информации о посреднике, регулирующем работу самого сайта.

В 2017 году Роспотребнадзор выступил с инициативой создания обязательного реестра интернет-магазинов, в котором будут содержаться актуальные сведения о

продавце. Сайты будут осуществлять привязку в реестре к определенному юридическому лицу и жалобы покупателей будут направляться непосредственно ему. Предполагается, что интернет-магазины, исключаемые из реестра, будут блокироваться. Взгляды участников рынка на тему правомерности и необходимости таких действий различаются. Одни считают, что это требовалось сделать много лет назад, другие же, что подобные меры не нужны.

Я считаю, что создание данного реестра необходимо. Это позволит решить ряд проблем, в частности, таких как мошенничество в интернет торговле и непредоставление покупателю информации о продавце и товаре.

На данный момент регистрация интернет-магазинов в торговом реестре на территории Российской Федерации осуществляется в добровольном порядке и ответственность за отсутствие данных в этом реестре не предусмотрена. К примеру, в Республике Беларусь торговля через интернет строго регламентируется и осуществлять продажу через интернет возможно только после регистрации в торговом реестре.

Законодательство не допускает передачу потребителю товаров, которые не соответствуют предварительной договоренности, если такую передачу сопровождает требование об обязательной оплате товаров. На практике же мы имеем ситуации, когда потребитель получает товар с использованием почтовой связи и в почтовом отделении ему необходимо произвести оплату за получаемую посылку, а после её вскрытия выясняется, что товар, получаемый потребителем, не соответствует заказанному или пришел не в полной комплектации. За данные действия продавца предусмотрена административная ответственность, но она не всегда является эффективной.

Присутствует проблема, связанная со сроками доставки товара. Правила продажи товаров дистанционным способом устанавливают для продавца обязанность по передаче товара покупателю в порядке и сроки, устанавливаемые договором. В том случае, если срок доставки товара не определен и отсутствует возможность определить этот срок, товар должен быть передан продавцом в разумный срок. Обязательство, которое не исполняется в разумный срок, продавец обязан выполнить в 7-дневный срок со дня предъявления покупателем требования о его исполнении.

К примеру, ситуация, покупатель заполняет стандартную форму заказа на сайте и не имеет договора на руках, на сайте не указывается срок доставки товара. В данном случае законодательством предусматривается разумный срок, но что в этом случае потребителю нужно понимать под разумным сроком? Ведь порой получение товара можно ожидать по несколько месяцев.

Решение в данном случае заключается в законодательном определении временных границ для выполнения заказа дистанционным способом. В случае, когда данный срок не устанавливается договором, оптимальный срок можно установить в 30-40 дней с момента заказа.

Подводя итоги, следует отметить, что в законодательстве, регулирующем дистанционную продажу товаров, существует ряд проблем и пробелов. Решение данных проблем, по моему мнению, должно осуществляться путем внесения изменений в законодательство, а также с помощью повышения уровня государственного надзора в данной сфере. Также следует сказать, что перечень рассмотренных проблем в сфере дистанционной продажи не является исчерпывающим и требует дальнейшего научного исследования.

1. Конституция Российской Федерации принята 12 декабря 1993 г.// «Российская газета». 25.12.1993. № 237.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 52-ФЗ// «Собрание законодательства РФ». 21.03.2002. № 31.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ// «Российская газета». 31.12.2001. № 256.

4. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»// «Российская газета». 07.04.1992.
5. Постановление Правительства РФ от 27.09.2007 г. № 612 «Об утверждении Правил продажи дистанционным способом»// «Российская газета». 03.10.2007. № 219.
6. Баранов С.Ю. Гражданско-правовые средства охраны прав потребителей. – М.: Статут, 2014. – 159 с.
7. Пустовойтов В.Н. Закон о защите прав потребителей с комментариями. – М.: АСТ, Омега-Л, 2016. – 100 с.
8. Симонян А.Л. Защита прав потребителей при дистанционном способе продажи товаров // Молодой ученый. 2018. № 4. С. 154-156.
9. Переверзев В.В. Нарушения прав потребителей при дистанционном способе продажи товаров // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 4-2. С. 43-45.

Ванина А.А.

Психолого-криминологическая характеристика лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы

*Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского
Томского государственного университета
(Россия, Новосибирск)*

doi: 10.18411/lj-10-2018-05

idsp: 000001:lj-10-2018-05

Аннотация

В статье представлен анализ уголовного законодательства, мнения ученых, психологов, статистических данных в отношении особой категории лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы. На основании результатов проведенного исследования составлен психолого-криминологический портрет лица, отбывающего данный вид наказания.

Ключевые слова: уголовное наказание, пожизненное лишение свободы, личность осужденного.

Уголовный кодекс Российской Федерации содержит положения о смертной казни, исполнение которой регламентируется уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации. Однако, в настоящее время смертная казнь не применяется на практике, по причине введения моратория на ее исполнение. В связи с этим в 1993 году был введен новый самостоятельный вид уголовного наказания – пожизненное лишение свободы.

Пожизненное лишение свободы является самым строгим видом наказания после смертной казни, которое назначается за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, здоровье населения, общественную нравственность, общественную безопасность и половую неприкосновенность несовершеннолетних и отбывается в колонии особого режима. Согласно данным на 2018 год, в системе ФСИН РФ функционирует 7 колоний для осужденных к пожизненному лишению свободы, в которых содержится около 2000 человек.

Существование института пожизненного лишения свободы является спорным и дискуссионным. Безусловно, тенденции сокращения использования пожизненного заключения с учетом принципа пропорциональности и негативного воздействия на личность осужденного, условия содержания данной категории заключенных, должны соответствовать минимальным стандартам, установленным в Правилах Нельсона Манделы [1].

Пожизненное лишение свободы в советское время специалистами в области уголовного права признавалось наказанием, не соответствующим гуманным целям общества, эффективным целям защиты и обеспечения безопасности общественных отношений [2]. Многие ученые и сегодня считают, что данное наказание является негуманным и противоречит конституционным принципам. Так, например, И.И.

Карпец писал, что «Можно даже усомниться, что гуманнее – расстрелять человека, совершившего тяжкие преступления сразу после суда или обречь его на медленную и мучительную смерть» [3]. Кроме того, немало специалистов уголовного и уголовно-исполнительного права так же ссылаются на то, что многочисленные исследования, проведенные не только на территории Российской Федерации, но и за рубежом, показали, что исправительное воздействие оказывается только в первые пять лет отбывания наказания [4].

Пожизненное лишение свободы вызывает особый интерес у психологов и педагогов, так как является значительным психотравмирующим фактом, который может привести к эмоционально-психическим расстройствам и вызывать нарушения в структуре личности.

Осужденные, отбывающие наказание в условиях тотальной изоляции и жесткой регламентации жизнедеятельности, наиболее подвержены к чувству одиночества и потери связи с родными и близкими. Так же, фактором, ухудшающим психологическое состояние осужденного, является бессрочность приговора. В качестве примера приведу высказывание одного из осужденных: «Люди, попав в такие условия, как правило, психологически ломаются от того как к ним относятся. Когда от них отрекаются, выживают единицы, хоть и с небольшими отклонениями в психике»; «Человек может разговаривать сам с собой, не обращая на сокамерников внимания; это уже сдвиг..., ночью кричит, с таким тяжело в камере» [5].

Осужденные к пожизненному лишению свободы - это особая категория осужденных не подлежит ни амнистии, ни освобождению по причине тяжелой болезни. Единственная надежда осужденных к пожизненному лишению свободы - ст. 97 УИК РФ, в которой закреплено право на условно-досрочное освобождение через 25 лет. Важно отметить, что пенитенциарная система зарубежных стран также свидетельствует о наличии прогрессивного порядка отбывания наказания, предусматривающего возможность освобождения пожизненно осужденных после отбытия ими установленного судом или законом обязательного срока, а также при условии соблюдения специальных условий [6]. Однако большинство населения не поддерживает возможность реализации такого права у заключенных: «Вы же сами работали с этой категорией несколько лет. Вы сможете спать спокойно, зная, что эти люди ходят где-то на свободе? Я лично, нет!» [7]. Учитывая право лица, которое провело 25 лет своей жизни в изоляции, на освобождение, вопрос о необходимости психологического изучения личности и составления его психологического портрета становится более важным и актуальным.

Для составления социально-демографической и криминологической характеристики лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы, мною были изучены доступные официальные документы и статистика. Так, возраст лица, совершившего преступления варьируется от 18 до 54 лет. Однако 74% из них были совершены в возрасте от 22 до 38 лет.

Рецидив характерен почти для 80% заключенных, 11% из них были признаны особо опасными рецидивистами, имеющими от 4 до 7 судимостей. 37% лиц ранее были осуждены на срок от 4 до 10 лет, в то время как процент ранее осужденных на срок до четырех лет равен 23%. Данный факт указывает на то, что длительность предыдущего лишения свободы способствовала увеличению тяжести последующих преступлений, которые в результате привели к пожизненному лишению свободы.

Большинство лиц, которым было назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы, совершили убийство при отягчающих обстоятельствах. Из них было: 48% мужчин, из которых 3% пенсионного возраста; 30% женщин, из них 11% пенсионного возраста; 19% несовершеннолетних или малолетних детей. При этом около 20% женщин и 40% детей перед убийством были изнасилованы.

Наиболее распространенными мотивами совершения преступления были: завладение имуществом убитого - 23%, конфликтные и неприязненные отношения с родными и близкими - 20%, изнасилование и убийство с целью сокрытия преступления - 19%. Наиболее редким был мотив - убийство из ревности - 2%.

Для лиц, отбывающих наказание, поддерживающим и стимулирующим фактором является их семья. При этом стоит отметить, что на момент совершения преступления в браке состояли лишь 36% осужденных. Из числа лиц, состоявших в браке в первые 10 лет отбывания наказания развелся каждый третий, причем инициатива в большинстве случаев исходила не от заключенного. Наибольшее количество разводов приходится на первые 7-8 лет отбывания наказания. Лишь у 2% осужденных, не состоящих в браке на момент совершения преступления, изменилась ситуация. В основном это были те лица, которые до момента осуждения проживали в гражданском браке. Первые 5 лет поддерживают связь с семьей 77%, от 5 до 10 лет 50%, от 10 и более лет 45%. 60% лиц имеют детей, в том числе и несовершеннолетних. Так же важным критерием при составлении психологического портрета преступника являются сведения о том, в полной или неполной семье они воспитывались. Сами заключенные так же относят воспитание в неполной семье к криминогенному фактору. Один из заключенных говорил: «За время тринадцатилетнего пребывания в условиях тюремного заключения около 90% осужденных, с которыми мне довелось столкнуться, происходили из неполных семей. Для них самой благоприятной социальной обстановкой являлась улица» [8].

Большая часть осужденных на момент совершения преступления проживала в городе (55%). Для них характерны преступления с корыстным умыслом. Для лиц, проживавших с сельской местности (35%) характерны насильственные преступления в отношении несовершеннолетних.

В сравнении с другой категорией осужденных, содержащихся в обычных условиях отбывания наказания, образовательный уровень несколько ниже: среднее профессиональное образование 64%, среднее либо начальное – 30%, высшее образование – 4%. Многие осужденные хотели бы получать образование, так как это является одним из факторов выживания и сохранения адекватности в строгих условиях. Однако уголовно-исполнительным законом не предусмотрено получение образования в строгом режиме, поэтому осужденные могут лишь читать книги, тем самым развивая и усвершенствуя свои навыки и таланты. По словам осужденных «Книги – это самый большой вопрос. Если бы вы только видели лица моих собратьев в библиотечный день! Они просто светятся от радости и счастья! Не в силах скрыть волнения, жадно рассматривают и листают выданные книги, намечая, кто и какую книгу может читать. На неделю, можно сказать, в камере воцаряется тишина, не больше. А что потом? Изнуряющее ожидание следующей библиотеки, да и вдруг кому-нибудь что-нибудь пришлют» [9].

Анализ статистических данных в аспектах трудовой занятости показал, что, лишь каждый пятый, совершивший преступление, работал: нигде не работали 64%, имели временный заработок 18%, учились или работали по специальности 7%. В момент отбывания наказания всего 5% осужденных занимается оплачиваемым трудом.

Особый режим, большое количество свободного времени, и ограниченное общение оказывает влияние на изменение ценностей и ориентаций, тем самым повышая интерес к религии. Так, 87% осужденных считают себя верующими людьми, однако спустя 10-15 лет отбывания наказания процент снижается до 75%. Из числа осужденных признаны хроническими алкоголиками или употребляли наркотики – 36%, имеют психические заболевания – 30%. 25% осужденных стоят на учете у психологов и относятся к категории лиц, склонным к побегу, нападению на сотрудников и

суицидальному поведению. К сожалению, большинство осужденных необратимо регрессируют.

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно составить психолого-криминологический портрет лица, осужденного к пожизненному лишению свободы. Это - мужчина, средний возраст 30 лет, имеющий рецидив, городской житель, разведенный, верующий, не повышающий уровень образования и не выполняющий оплачиваемую трудовую деятельность.

1. Oliver de Ros. Global Prison Trends 2018 // Penal Reform International and Thailand Institute of Justice. 2017. – 60 с.
2. Гнездилова П.Ю., Минстер М.В. Сравнительный анализ некоторых аспектов пожизненного лишения свободы и смертной казни в России и США//«Конституционно-правовые и уголовно-правовые инструменты обеспечения безопасности в России, Франции и Молдове». Сб. ст. по мат. студ. научно-практической конференции. Новосибирск: Издательство Новосибирского государственного технического университета. 2017. С. 124-127.
3. Карпец И.И. Высшая мера: За и против. // Советское государство и право. – 1991. - №7. С. 49- 53.
4. Ялунин В.У. Лишение свободы на длительный срок и пожизненно: законодательство и применение // Материалы 14-го заседания Руководящей группы по реформированию УИС России. Санкт-Петербург – Мурманск, (13-17 мая 2002 г.). Вологда: ВИПЭ Минюста России. С. 39-40.
5. Баламут А.Н. Осужденные к пожизненному лишению свободы и пути оказания им психологической помощи: Монография. – Москва: PRI, 2009. – 198 с.
6. Минстер М.В. Пожизненное лишение свободы в России и практика его применения за рубежом//Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран. Материалы V Международной научно -практической конференции. отв. ред. С. И. Суслова, А. П. Ушакова. Иркутск, 2016. С. 107-111.
7. Славинская Ю.В., Кокурин А.В. О необходимости разработки комплексного подхода к психологическому сопровождению лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы // Прикладная юридическая психология. – 2009г. - №3.- С. 108-115.
8. Мухина В.С., Хвостов А.А. Пожизненно заключенные: мотивация к жизни // Развитие личности. – 2002. - №2. С. 51-61.
9. Мухина В.В. Отчужденные: абсолют отчуждения: Монография. – М.: Прометей, 2009. – 704 с.

Гарник Л.Ю.

К вопросу о создании Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации

*Московский университет им. С.Ю. Витте, Филиал г. Нижний Новгород
(Россия, Нижний Новгород)*

doi: 10.18411/lj-10-2018-06

idsp: 000001:lj-10-2018-06

В современной юридической литературе содержатся практически единообразные определения функций государства, которое по своей сути конкретизирует «основные направления его деятельности выражающие сущность и социальное направление, цели и задачи государства по управлению обществом в присущих ему формах и присущими ему методами» [2.С.75].

Необходимо отметить, что в процессе развития государства происходят изменения и в его функциях.

Так, в своих трудах профессор С.Н. Кожевников утверждает, «что с изменением содержания государства изменяется и его деятельная сторона (возникают новые структуры и функции государства, средства и способы, их обеспечивающие)»[3.С.77].

Таким образом, для реализации важных задач государства «в целях обеспечения государственной и общественной безопасности, защитой прав и свобод человека и гражданина»[1] была создана Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации.

Структура указанной службы включает в себя войска национальной гвардии Российской Федерации, органы управления и подразделения Министерства внутренних дел Российской Федерации, осуществляющий государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства Российской Федерации в сфере оборота оружия и в сфере частной охранной деятельности, а также вневедомственную охрану, в том числе Центр специального назначения вневедомственной охраны Министерства внутренних дел Российской Федерации; специальные отряды быстрого реагирования территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации, отряды мобильные особого назначения территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации, а также Центр специального назначения сил оперативного реагирования и авиации Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Следует отметить, что в ведение Росгвардии было передано федеральное государственное унитарное предприятие «Охрана» Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Исходя из вышесказанного можно заключить, что на сегодняшний день в России существует специальный орган исполнительной власти, обладающий широким кругом полномочий по реализации правоохранительной функции.

Обращаясь к сотрудникам Федеральной службы войск национальной гвардии Президент отметил, что «Вы обладаете крепким кадровым составом и большим профессиональным опытом, необходимыми оперативными и техническими возможностями, и ваша прямая обязанность максимально использовать весь этот огромный потенциал для защиты национальных интересов России, прав и свобод наших граждан»[4].

Таким образом, создание Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации способствует реализации основных задач страны, связанных с обеспечением безопасности и укреплением государства.

1. Указ Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации»// СПС Консультант Плюс.
2. Алексеев С.С. Теория государства и права. – М.: Издательство БЕК., 1995.- С. 75.
3. Кожевников С.Н. Теория государства. Курс лекций. 3-е изд., перераб. И доп. – М.: Новый индекс, 2014.- С.77.
4. Климентьев М./ пресс-служба Президента РФ/ТАСС.- [Электронный ресурс].- – URL: [http:// tass.ru/](http://tass.ru/) (дата обращения 01.10.2018 г.)

Жовниренко В.В.

Трансформация нормативно-правовой базы регулирования механизма функционирования регионом в Российской Империи и процесс ее реализации в условиях великих реформ

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет»

doi: 10.18411/lj-10-2018-07

idsp: 000001:lj-10-2018-07

Аннотация

Данная статья подготовлена с целью показать особенности трансформации нормативно-правового регулирования функционирования органов региональной власти Российской империи и процесс ее реализации в условиях Великих реформ в 60-80-е годы XIX в. Проведенное исследование позволило автору статьи обосновать, что такая трансформация нормативно-правового обеспечения государственного механизма

управления европейской губернией в 60-начале 80-х гг. XIX в. была вызвана совокупностью объективных факторов, потребностями учета изменений. Деятельность губернаторов, иных губернских учреждений в этот период стала регулироваться целой совокупностью нормативных правовых актов - Сводом губернских учреждений, Положением о губернских и уездных земских учреждениях, судебными уставами 1864 г., указами императора, правилами, положениями и инструкциями.

Ключевые слова: Российская империя, региональная власть, великие реформы, губернии, губернатор, губернская власть, губернские учреждения, Свод губернских учреждений, Общее учреждение губернское.

Annotation

This article is prepared in order to show the features of the transformation of legal regulation of the functioning of the regional authorities of the Russian Empire and the process of its implementation in the conditions of the Great reforms in the 60-80-ies of the XIX century. The study allowed the author to justify that such a transformation of the legal framework of the state mechanism of management of the European province in the 60-early 80-IES of the XIX century was caused by a set of objective factors, the need to take into account changes. Activity of governors, other provincial institutions during this period began to be regulated by the whole set of regulatory legal acts-the Code of provincial institutions, Regulations on provincial and district Zemstvo institutions, judicial charters of 1864, decrees of the Emperor, rules, regulations and instructions.

Key words: Russian Empire, a regional power, the great reforms, the province, the Governor, the provincial government, provincial agencies, a Set of provincial institutions Total provincial institution.

Проблемы построения вертикали власти, организации эффективного управления, как в рамках всего государства, так и в рамках определенного региона, актуальны в России как ранее, так и в настоящее время. Проблема определения специфики трансформации нормативно-правового регулирования функционирования органов региональной власти Российской империи и процесс ее реализации, происходившая в условиях Великих реформ в 60-80-е годы XIX в., имеет значительное научное и практическое значение. Правильное понимание этих способностей позволяет провести исторические параллели, применить исторический опыт в современном региональном управлении.

С самого начала Великих реформ Александра II (с 1859 г.) началось активное изменение правового положения губернаторов и их учреждений полиции, иных органов центральной власти в губерниях и органов местной власти в системе государственного управления Российской империи. В результате проведенных преобразований была существенно модернизирована система управления губерниями, что выразилось в еще большей централизации власти и подчинении губернских органов центральным и высшим органам власти, профессионализации политики, усложнении бюрократической структуры, созданы новые органы самоуправления.

Губернские органы управления в 60-80-е годы XIX в. стали важнейшей частью единого механизма государственного управления и во многом смогли эффективно в реформаторских условиях выполнять возложенные на них полномочия. Региональная власть во второй половине - конце XIX в. сама являлась сложной системой, для которой наряду с единством, были характерны и внутренние противоречия, существенным образом оказывавшие влияние на ее развитие. Об этом пишут многие исследователи, в том числе дореволюционные.

А.Д. Градовский в своем исследовании «Начала русского государственного права», вошедшего в собрание его сочинений, изучал работу центральных и местных государственных учреждений, губернского аппарата власти и пришел к мнению, что

губернаторы выполняли как административно-хозяйственные полномочия, так и полномочия в области юстиции и полиции.

Н.М. Коркунов в работе «Русское государственное право», хотя и ставил целью выявить общие закономерности развития государственной системы управления в различных странах, обосновывал в разделе «Законодательство и управление в России» необходимость включения чиновничьего губернского аппарата в единую централизованную систему государственного управления Российской империи.

А.С. Алексеев, профессор Московского университета, в главе II «Правительственные органы местного управления в России» своего курса лекций «Русское государственное право», отмечал, что все правительственные органы администрации делились на две группы: органы общего надзора за местной властью (губернатор и губернское правление) и специальные органы власти (в частности, казенная палата, акцизное управление, губернская контрольная палата и др.), что губернатор – представитель высшей правительственной власти.

Сформированная в 60-80-е годы XIX в. нормативная основа функционирования органов региональной власти Российской империи включала не один, а целую совокупность актов, в соответствии с которыми осуществлялась устройство и деятельность власти в губерниях. Это, в частности, Свод губернских учреждений, Общее учреждение губернское, по которому и осуществлялось управление в губерниях европейской России, а также инструкции генерал-губернаторам, Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г., по которому генерал-губернатору (губернатору) предоставлялись широкие полномочия, наряду с полицией, по наведению общественного порядка, Судебные уставы от 20 ноября 1864 г., которыми определялись взаимоотношения губернской, уездной власти с судами, полицией, следствием и прокуратурой, иные акты. Немаловажную роль в регулировании организации, деятельности, взаимодействии губернаторов с иными органами власти имели и Правила, инструкции (Инструкция генерал-губернаторам от 29 мая 1853 г.).

Губернатор в Российской империи являлся наместником императора на своей территории, с другой стороны - являлся государственным служащим, который осуществлял общий надзор вне обычной министерской иерархии. В то же время губернатор был главным губернским агентом МВД, обязанным писать отчеты и дублировать работу департамента полиции, осуществляя через чиновников по особым поручениям координацию работы губернского жандармского управления. Губернатор возглавлял всю систему губернских земских учреждений.

В соответствии также с Положением 1864 г. к исключительным полномочиям губернских земских учреждений относились:

- распределение полномочий между губернскими и уездными земскими учреждениями в сфере управления недвижимым имуществом земств, путей сообщения, контроля за несением повинностей, заведывания учреждениями социальной помощи и поддержки нуждающимся (общественное призрение);
- ярмарочное дело;
- управление речным хозяйством, в том числе устройство и перенос пристаней на реках;
- передача в государственное ведение (по уважительным причинам) содержание дорог, дорожных сооружений;
- ведение дел, включая финансовую часть, по взаимному земскому страхованию имущества от огня;
- распределение между уездами финансовых средств, сформированных за счет государственных сборов;

- урегулирование споров в утверждении смет и расходов уездных сборов;
- рассмотрение жалоб, обращений на деятельность земских управ.

Усиление власти губернатора в начале 80-х годов XIX в. было связано с необходимостью борьбы с антиправительственным движением. 14 августа 1881 г. было принято «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», согласно которому Комитетом министров на местах могла вводиться усиленная или чрезвычайная охрана на срок до 3 лет. Губернатор по своему усмотрению мог закрывать собрания, различные заведения, подвергать их штрафам.

Губернатор в отношении земств были уполномочены выполнять контрольно-надзорные функции. В частности, в соответствии с Положением 1864 г. губернатор имел право «приостановить исполнение всякого постановления земских учреждений, противного законам, или общим государственным пользам», а, в случае не подчинения ему, он имел право в разрешения министра внутренних дел сам приступить к непосредственному исполнению полномочий земства.

Возобновить действие постановления земского учреждения, в частности, земского собрания, мог Кабинет министров. Однако контроль губернатора за земствами ограничивался, в отличие от следующего периода развития земств после 1890 г., только проверкой законности принятых земствами решений.

По Положению 1864 г. на утверждение губернатора должны были отправляться постановления: о приведении в действие земских смет и раскладок; о перераспределении земских путей сообщения на губернские и уездные; о причислении уездных земских дорог в разряд проселочных; об изменении направлений земских дорог; об учреждении земских выставок; о временном устранении от должностей членов губернских и уездных земских управ.

Таким образом, в условиях Великих реформ центральная власть Российской империи постоянно совершенствовала законодательную базу государственного управления в регионах. Трансформация нормативно-правового обеспечения государственного механизма управления европейской губернией в 60-начале 80-х гг. XIX в., а также сама деятельность губернаторов, иных губернских органов в Российской империи во второй половине XIX в., осуществлялась не одним актом, а целой совокупностью - актами Свода губернских учреждений, Положением о губернских и уездных земских учреждениях, судебными уставами 1864 г., указами императора, правилами, положениями и инструкциями, именно в них отразились основные изменения в организации региональной власти в ходе великих реформ 60-70-х годов девятнадцатого столетия.

Губернаторы, наделенные властными полномочиями, находясь во главе целого региона, усиленно занимались развитием экономики края и улучшением благосостояния населения. Опыт законодательной разработки губернаторского правления имеет практическое значение и в современных условиях. В результате сложившегося исторически положения губернатора, в силу относительной независимости от центральной власти, от личности губернатора, его политических взглядов зависело в губернии очень многое.

1. Алексеев А.С. Русское государственное право. Конспект лекций. - М.: Тип.я А. А. Гатцуга, 1892. - 473 с.
2. Градовский А.Д. Начала русского государственного права. Тома I-III. - СПб., Тип. М.М. Стасюлевича, 1875 г. (том I), 1876 г. (том II), 1883 г. (том III).
3. Инструкция генерал-губернаторам от 29 мая 1853 г. // Полное Собрание законов Российской империи (Второе). - Т. 28. - № 27293. - С. 260-264.
4. Коркунов Н.М. Русское государственное право / Н.М. Коркунов. - Изд. 5-е (без перемен). - СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904-1905. Т. 2. Часть особенная. 1905. - 596 с.

5. Положение о губернских и уездных земских учреждениях. 1864 год // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. - Т. 39. Отделение 1. СПб., 1867.
6. Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. I. СПб., 1881 г. № 350.
7. Свод губернских учреждений. Общее губернское учреждение (первонач. изд.) // Свод законов Российской империи. - Т. 2. Ч. I. - СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857-1868. <http://www.runivers.ru/lib/book7372>.

Жовниренко В.В.

**Изменения нормативно-правовой базы организации и функционирования органов
регионального управления в Российской Империи в условиях контрреформ**

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет»

doi: 10.18411/lj-10-2018-08

idsp: 000001:lj-10-2018-08

Аннотация

Данная статья подготовлена с целью анализа правового статуса и места губернаторской власти в системе регионального управления в Российской империи в 80-е - первой половине 90-х годов XIX века. Автор приходит к выводу, что правовой статус губернаторов в Российской империи в рассматриваемый период, благодаря трансформации нормативно-правовой базы организации и функционирования региональной власти, изменился. Губернаторы и их возглавляемые ими губернские учреждения стали выступать основным каналом реализации политики центральных властей в регионах - губерниях.

Ключевые слова: губернатор, губернская власть, губернские учреждения, Российская империя, контрреформы, Свод губернских учреждений, Общее учреждение губернское.

Annotation

This article is prepared to analyze the legal status and place of the Governor's power in the system of regional management in the Russian Empire in the 80s-the first half of the 90s of the XIX century. The author comes to the conclusion that the legal status of governors in the Russian Empire in the period under review, due to the transformation of the legal framework of the organization and functioning of regional authorities, has changed. Governors and their provincial institutions headed by them began to act as the main channel of implementation of policy of the Central authorities in regions - provinces.

Key words: Governor, provincial government, provincial institutions, Russian Empire, counter-reforms, Code of provincial institutions, General institution of the province.

Вопрос о реформировании административной власти регионах в условиях контрреформ поднимался в Российской империи неоднократно. В очередной раз это произошло в конце XIX в., что можно объяснить тем, что учреждения общего и частного губернских правлений, организованные в 1822 г. по Учреждению М.М. Сперанского не справлялись со своими все возрастающими управленческими задачами и после Великих реформ, к тому изменилась социально-экономическая и политическая обстановка в стране. При этом вторая половина XIX в. была отмечена для Российской империи достаточно быстрым социально-экономическим развитием, а потому решение вопроса о реформировании губернской власти имело большое значение для реформирования всего российского государства.

В конце XIX в. была осуществлена новая губернская реформа. Ее результатом стали, например, изменения в региональном управлении в Сибири. Однако с первых

дней своей деятельности губернское правление и до февральских событий 1917 г. занимало место высшего правительственного учреждения в губернии.

Правовой статус губернатора в Российской империи в 80-90-е годы XIX в. был, учитывая объем его прав и обязанностей, сложный, взаимоотношения губернаторской власти и с иными органами власти являлись важнейшей составляющей частью системы административного управления страны. Еще в дореволюционной России отечественными дореволюционными историками отмечались сложности в осуществлении полномочий губернаторами, его взаимодействии с правительственными, судебными, правоохранными органами Российской империи, с органами городского и земского самоуправления. В исследовании 1905 г. И.А. Блинова «Губернаторы», обосновывается вывод о том, что губернаторы имели определяющую роль в региональной системе управления [1]. И.М. Страховский, уделивший особое внимание кадровому вопросу губернских управлений, писал о том, что деятельность любого губернского ведомства зависела не столько от «чиновников его наполняющих», сколько от компетентности и профессионализма губернатора [2].

Об эффективности института губернской власти и его важнейшем месте в системе регионального управления российского государства в 80-90-е годы XIX в. свидетельствует тот факт, что и в современной России тоже есть институт губернаторства. Такие субъекты Российской Федерации, как области, края, автономная область, автономные округа возглавляются и управляются губернаторами. Соответственно, действующей властью были извлечены положительные моменты из исторического опыта осуществления в Российской империи губернаторской власти, заимствованы наиболее удачные правовые механизмы выстраивания отношений и взаимодействия губернатора с органами правительственной и местной власти.

Нормативная основа исследования губернской власти и в 80-90-е годы XIX века была представлена целой совокупностью актов Российской империи, в соответствии с которыми осуществлялась устройство и деятельность власти в губерниях и которые были включены в Полное собрание законов Российской империи, Свод законов Российской империи. Это, в частности, Свод губернских учреждений, Общее учреждение губернское [3], по которому и осуществлялось управление в губерниях европейской России, а также инструкции генерал-губернаторам, Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г., по которому генерал-губернатору (губернатору) предоставлялись широкие полномочия, наряду с полицией, по наведению общественного порядка [4], Судебные уставы от 20 ноября 1864 г. [5], которыми определялись взаимоотношения губернской, уездной власти с судами, полицией, следствием и прокуратурой, иные акты.

Полномочия губернаторов были значительными. Губернаторы обладали как административно-организационными, административно-хозяйственными полномочиями, так и судебными на территории губерний. Согласно Правил о местностях, объявляемых на военном положении от 18 июня 1892 г. [6] на территории генерал-губернаторств вводились военные порядки и все управление и суд переходили в руки военных властей).

После губернской контрреформы контроль губернатора за земствами уже не ограничивался только проверкой законности принятых земствами решений. Если по Положению 1864 г. [7] на утверждение губернатора должны были отправляться постановления о финансовых расходах, управлении путями сообщения, проведении региональных мероприятий, кадровых расстановках, то после 1890 г. по Положению о губернских и уездных земских учреждениях 1890 г. [8] их полномочия существенно меняются. Для надзора за законностью деятельности земств были губернские по земским делам присутствия (с 1892 губернские по земским и городским делам присутствия). Помимо надзорных функций за правильностью и законностью действий

земских учреждений, которые ранее были предусмотрены Положением 1864 г., губернатор наделялся по Положению 1890 г. функциями по контролю за делопроизводством земств (через назначаемого им секретаря, исполнению действия решений членов присутствия, приостановлению действия этих решений и передаче для рассмотрения министру внутренних дел таких дел, даче согласия на созыв избирательных собраний, утверждению списков лиц, участвующих в избирательных собраниях, рассмотрению жалоб на распоряжения уездных земских управ, отмене выборов в избирательные собрания земств, созыве, открытии и закрытии земских собраний, утверждению ряда земских постановлений финансово-хозяйственного назначения, приостановлению действия постановлений земского собрания, и др. (ст. 8, 12, 29, 35, 36, 47, 65, 69, 82, 87)).

После 1890 г. у региональной власти, в частности, губернаторов появились значительные полномочия, существенно ограничившие власть земств. Губернатор мог не согласиться с земским присутствием, приостановить его решение и передать далее дело для дальнейшего разрешения министру внутренних дел (ст. 12 Положения о губернских и уездных земских учреждениях от 12 июня 1890 г.). Министр же, в свою очередь, либо дает согласие губернатору на приведение постановления земства в исполнение либо вносит в Правительствующий Сенат представление об отмене акта земства. Тем самым, губернатор контролировал и губернские земства, губернские по земским делам присутствия, но и сами присутствия, которые должны были контролировать земства.

Таким образом, губернаторы в Российской империи конца XIX - начала XX века выступали основным каналом реализации политики центральных властей в регионах Российской империи. В тоже время на практике в деятельности органов регионального управления Российской империи периода в конце 80 - начале 90-х годов XIX вв. выявлялось множество недостатков в их функциях и структурах, которые негативно влияли на их продуктивность.

1. Блинов И.А. Губернаторы: историко-юридический очерк / И.А. Блинов. - СПб.: Ттипо-лит. К. Л. Пентковского, 1905. - 366 с. - Режим доступа: URL: <http://elibrary.ru/nodes/10802#page/1/mode/grid/zoom/1>.
2. Страховский И.М. Губернское устройство: (Правительств. учреждения) / И.М. Страховский. - СПб.: Сенат. тип., 1913. - 168 с. - Режим доступа: URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003810113>.
3. Свод губернских учреждений. Общее губернское учреждение (первонач. изд.) // Свод законов Российской империи. - Т. 2. Ч. I. - СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857-1868. - Режим доступа: <http://www.runivers.ru/lib/book7372>.
4. Высочайше утвержденное Положение о мерах по охранению Государственного порядка и общественного спокойствия (прин. 14 августа 1881 г.) // ПСЗ РИ. - Собр. III. - Т. 1. - С. 261-265.
5. Судебные уставы 20-го ноября 1864 года, с дополнениями и изменениями по 1-е сентября 1868 г. и с решениями кассационных департаментов Правительствующего сената; Указатель сроков для тяжущихся, подсудимых и свидетелей; Положение о нотариальной части // Полное собрание существующих узаконений с изменениями и дополнениями и с изложением в извлечении основных законов, издания 1857 года и продолж. 1863 и 1864 г. и с решениями кассационных департаментов Правительствующего сената, составленное по последним изданиям II отделения Собственной его императорского величества канцелярии. В 6 т. Т. 2. - СПб.: [Б. м.] : [б. и.]. - 1869.
6. Правила о местностях, объявляемых на военном положении, от 18 июня 1892 г. // Полное Собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. - Т. 12. - № 8787. - С. 479-483.
7. Положение о губернских и уездных земских учреждениях (Высочайше утв. им. Указом Александра II, данном Правительствующему Сенату, 1 января 1864 г.) // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (1825-1881). - Т. 39. - Ч. 1. - № 40457.
8. Положение о губернских и уездных земских учреждениях (Высочайше утв. им. Указом Александра III, данном Правительствующему Сенату, 12 июня 1890 г.) // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. - Т. 10. - Отд. 1-е. - № 6922.

Зудаева В.В.

**К вопросу о правовом регулировании льгот, гарантий и компенсаций,
предоставляемых государственным гражданским служащим**

*Восточно-Сибирский институт МВД России
(Россия, Иркутск)*

doi: 10.18411/lj-10-2018-09

idsp: 000001:lj-10-2018-09

Аннотация

Существующая на сегодня система льгот, гарантий и компенсаций государственных гражданских служащих имеет незавершенный характер и имеет тенденции к своему развитию. В связи с этим, проводится анализ государственной льготно-правовой политики в отношении государственных гражданских служащих.

Ключевые слова: правовая природа, льготы, гарантии, компенсации, государственные гражданские служащие.

В настоящее время при регулировании вопросов прохождения государственной гражданской службы наиболее часто используются такие правовые средства, как запреты и ограничения. Так, государственному служащему запрещено допускать ситуации, при которых возникает или может возникнуть конфликт интересов. При этом федеральное законодательство предусматривает наличие в органе государственной власти порядка сообщения о возникновении или возможности возникновения конфликта интересов, а также порядка рассмотрения указанного сообщения и принятия относительно него соответствующего правового решения. Приведенные нормы, регламентирующие процедуру урегулирования конфликта интересов, способствуют наилучшему исполнению государственным гражданским служащим служебных обязанностей, поскольку отсутствие конфликта интересов гарантирует наличие объективности и непредвзятости при исполнении должностных обязанностей.

Сегодня законодательством о государственной гражданской службе предусмотрено множество правовых процедур, обеспечивающих исполнение государственными гражданскими служащими служебных обязанностей. В качестве примера можно привести процедуру уведомления о склонении к коррупционному правонарушению, процедуру привлечения к дисциплинарной ответственности, процедуру присвоения классного чина, процедуру представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также процедура размещения указанных сведений в сети «Интернет» и пр. Данные процедуры тщательным образом регламентируют обязанности гражданских служащих, а также обязанности по отношению к ним органов государственной власти, в которых они проходят службу. Таким образом, создаются условия, при которых невозможен произвол по отношению к государственным гражданским служащим. Кроме того, приведенные процедуры защищают гражданских служащих от противоправных посягательств граждан и предупреждают совершение правонарушений самими гражданскими служащими.

Итак, правовая природа гарантий государственных гражданских служащих раскрывается термином «условия». При этом данные условия имеют совершенно различный характер – политический, экономический, социальный, юридический и пр. Все указанные гарантии являются правовыми гарантиями, поскольку закреплены в правовых нормах. Однако среди них имеются особого рода гарантии – юридические гарантии, которые представляют собой систему разного рода юридических средств, защищающих правовой статус государственных гражданских служащих.

В качестве наиболее удачного определения льгот была использована дефиниция А.В. Малько, который под льготами предлагал понимать «правомерное облегчение

положения субъекта, позволяющее ему полнее удовлетворить свои интересы и выражающееся как в предоставлении дополнительных, особых прав (преимуществ), так и в освобождении от обязанностей» [1]. Ключевым, на наш взгляд, признаком, объясняющим сущность льгот является облегчение положения субъекта. При этом данное облегчение имеет правовой характер, поскольку предусмотрено правовыми нормами. Конечно, определенного облегчения можно добиться и неправомерным путем. К примеру, руководитель органа государственной власти или его структурного подразделения намеренно снижает объем работы для определенной категории государственных служащих, при этом увеличивая объем работы для других служащих. В приведенном примере, несомненно, первая группа служащих получает облегченное положение. Однако вряд ли данное положение имеет правовой характер. В случае же со льготами речь идет о правомерном облегчении положения определенных субъектов права.

Говоря о правомерном облегчении положения субъектов права необходимо уделить внимание целям подобного облегчения. Применительно к льготам целью должно быть достижение определенного уровня социальной защищенности. Весьма точно об этом высказался О.А. Скutelный: «Законодатель при установлении льгот преследует важную цель, а именно обеспечить социальную защиту и улучшенное положение для конкретных лиц, создав для них более благоприятный режим в рамках которого совершается процесс удовлетворения их интересов. При этом особое значение следует придать целям, ведь не всякое расширение правовых возможностей и освобождение от обязанностей есть льгота» [2]. Следует согласиться с мнением исследователя о том, что не всякое облегчение положения является льготой. При этом, если цель иная, нежели обеспечение социальной защиты, тогда правовое явление точно не является льготой. Например, освобождение иностранного гражданина от срочной службы в армии существенным образом облегчает его нахождение на территории Российской Федерации. Однако цель, которую преследует законодатель, не возлагая подобных обязанностей на иностранцев, кроется совсем в другом. В указанном случае речь идет о недопустимости к государственной службе чужеродных элементов.

В качестве еще одного примера можно привести расширение прав органов государственной власти и государственных служащих в случае введения чрезвычайного положения и иных специальных правовых режимов. Целью указанного увеличения прав является не облегчение положения органов государственной власти, а наделение их полномочиями, которые позволят более оперативно решать сложившиеся проблемы.

Таким образом, льгота - это такое облегчение положения, которое необходимо исключительно для социальной защиты субъекта правоотношения. Отметим, что именно признак социальной защиты отличает льготу от привилегии. Следующий признак, составляющий правовую природу льгот, заключается в формах, в которых предоставляются льготы. В одних случаях льготы представляют собой определенные права, в других случаях льготы являются освобождением от обязанностей. Надо сказать, что именно спор по поводу данного признака до сих пор порождает вопросы относительно правовой природы льгот. Для гражданских служащих, как правило, устанавливаются льготы в форме права. К примеру, право на медицинское страхование и право на государственное социальное страхование (пп. 5 и 6 ч. 1 ст. 52 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации») [3]. Хотя думается, что имеет смысл предоставления льгот в форме освобождения от каких-либо обязанностей. В частности, было бы целесообразно освободить некоторых государственных служащих от налога на доходы физических лиц.

Теперь проанализируем признаки, составляющие правовую природу компенсаций. В качестве определения компенсаций, предоставляемых

государственным гражданским служащим принята следующая дефиниция: «денежные выплаты, установленные в целях возмещения государственным гражданским служащим затрат, связанных с исполнением ими, предусмотренных законодательством должностных обязанностей». Основное смысловое содержание данной дефиниции кроется в словах возмещение затрат. Именно этим компенсации отличаются от льгот. Если льготы компенсируют недостатки социального положения, то компенсации призваны покрыть реальный ущерб понесенный субъектом права. При этом компенсации имеют исключительно денежное выражение. В связи с этим довольно часто употребляется фразеологический оборот «денежная компенсация» [4]. Следующий признак заключается не во всяком возмещении ущерба, а именно того, который связан с исполнением должностных обязанностей. Наиболее характерным примером компенсации, предоставляемой государственным гражданским служащим является компенсация за использование личного транспорта в служебных целях и возмещение расходов, связанных с его использованием (п. 2 ст. 53 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации») [3].

Исходя из сказанного, правовая природа льгот, гарантий и компенсаций кроется в реальных общественных отношениях, связанных с прохождением государственной гражданской службы. Если же попытаться в общих чертах охарактеризовать правовую природу льгот, гарантий и компенсаций, то она раскрывается в понятии социальной защиты. При этом у льгот, гарантий и компенсаций имеется самостоятельная правовая природа, заключающаяся в описанных выше сущностных признаках данных правовых явлений.

1. Малько А.В. Льготная и поощрительная правовая политика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
2. Скутельник О.А. Налоговая льгота как один из стимулов правовых стимулов в налоговом праве // Экономика. Право. Общество. – 2016. – № 4. – С. 78.
3. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (в ред. Федерального закона от 28 дек. 2017 г.) // Собр. Законодательства РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215; 2018. – № 1 (ч. 1). – Ст. 7.
4. Бочаров А.Н. Критический анализ развития института компенсации в отечественном гражданском законодательстве // Вестник СЕВКАВГТИ. – 2016. – № 1. – С. 66.

Каудыров Т.Е.

Некоторые вопросы внедрения элементов прецедентного права в национальное законодательство Республики Казахстан

*Академия правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан
(Казахстан, Астана)*

doi: 10.18411/lj-10-2018-10

idsp: 000001:lj-10-2018-10

Аннотация

В статье рассмотрены некоторые вопросы применения прецедентного права в Казахстане. Проведен анализ международного опыта применения прецедентного права. Определены возможности и перспективы внедрения элементов прецедентного права в национальное законодательство Республики Казахстан. Анализируя правовую систему определены наиболее приемлемые сферы законодательства, где возможно внедрение элементов прецедентного права.

Ключевые слова: прецедент, английское право, правовые системы, судебная власть, судебный акт, верховный суд

Казахстан поставил перед собой задачу - к 2050 году войти в число 30 наиболее развитых стран мира. Казахстану, при экономическом росте в первом десятилетии XXI

века, необходимо найти новые стимулирующие факторы, позволяющие развиваться более надежно и устойчиво. Для этого необходимо быть готовым к проведению структурных реформ. Идея введения института прецедентного права вызвана объективными потребностями правоприменительной практики, развитием международных экономических связей.

В Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года отмечено, что казахстанская правовая система должна быть способна на равных конкурировать с законодательством развитых стран мира в вопросах удобства применения и надежности защиты прав инвесторов. В условиях всеобщей глобализации и роста мировой конкуренции многие страны столкнулись с необходимостью модернизации правовых систем и максимального приближения их к нуждам и потребностям людей и интересам инвесторов [1].

В свою очередь, судебная реформа является составной частью правовой реформы, которая должна обеспечивать экономические интересы государства, инвестиционную привлекательность страны и создание новых рабочих мест посредством стимулирования бизнеса.

Это прекрасно понимает и высшее руководство страны, так Лидером Нации – Президентом Республики Казахстан в программе «План нации – 100 конкретных шагов» были озвучены инициативы по созданию Международного финансового центра «Астана» (МФЦА), в котором будут применяться англосаксонские правовые институты, на примере Арбитража Международного финансового центра в г. Дубаи. Казахстан заслужил высокую оценку ОЭСР в создании при МФЦА независимого финансового суда, основанного на принципах английского права [2].

Судебный прецедент – решение высшего судебного органа по определённому делу, которое в дальнейшем является обязательным для судов при разрешении аналогичных дел.

Известно, что наиболее широко судебный прецедент применяется в странах англо-саксонской правовой системы (Великобритания, США, Канада и др.).

Так, прецедентное право составляет подавляющую часть английского права. Целями судебного решения является решение юридического вопроса или дела по существу, а также осуществление воспитательной функции права, путем судебного воздействия на общественные отношения, но при этом, английское судебное решение выполняет дополнительную, характерную только для него функцию – создание правила поведения (нормы, образца), которое впоследствии становится источником разрешения аналогичных дел, т.е. создает юридический прецедент.

В Соединенных Штатах принцип следования прецеденту имеет свои особенности. Американские судьи в своих решениях все чаще ссылаются на законы, а не на судебные прецеденты. Постоянное усложнение и расширение круга общественных отношений, заставляет судей обращаться к законам. Однако позже суды уже могут ссылаться и на закон, и на судебный прецедент или только на судебный прецедент.

Прецедентное право в Канаде возникло на основе рецепции английского права и в начале своего формирования включало в себя не только общее право, но и обычаи, которые действовали в тот период. Высшие судебные инстанции Канады (Верховный суд и высшие суды провинций) не связаны своими собственными решениями, вынесенными ранее. В то же время, высшие судебные инстанции провинций должны следовать практике Верховного суда Канады. Для нижестоящих судов практика вышестоящих является обязательной [3].

Как видно из указанного краткого обзора, прецедент развит и является частью правовой системы в странах с «устоявшимся» законодательством и многовековой историей развития системы права (в Англии, к примеру, прецедент возник в XIII веке).

Республика Казахстан по историческим меркам все еще является «молодым» государством, находящимся на раннем этапе своего становления. Экономические и общественные институты нашей страны продолжают постоянно развиваться и изменяться, многие реформы, осуществляемые в республике, являются революционными на постсоветском пространстве.

Не являются исключением правовая система и законодательство нашей страны, которые стремительно эволюционируют и совершенствуются. Мы видим, как часто вносятся изменения и дополнения в законы и другие нормативные правовые акты.

Поэтому при решении вопроса о введении прецедента должен учитываться постоянный процесс развития национального законодательства.

Соглашаясь с выводами профессора Сулейменова М.К., изложенными в статье «Английское право и правовая система Казахстана», считаем, что английское прецедентное право в том виде, в каком оно существует в англо-саксонской правовой системе, мало подходит для казахстанской системы права. Искусственно вставленные в нашу систему, «вырванные» из английского права институты и понятия могут негативно повлиять на правовую систему страны в целом [4].

Риски бесконтрольного смешения двух правовых систем связаны с возможным возникновением конфликта между законом и прецедентом при преюдициальном/превалирующем значении закона перед прецедентом; отсутствием опыта у действующих судей; чрезвычайной свободой судей в вопросе толкования права, что ставит выносимые ими акты на один уровень с актами законодательных органов; возможность проявления коррупционных явлений или риск возникновения коррупционных ситуаций, риск имиджевых потерь страны в случае неудачного результата реформирования судопроизводства.

Для введения прецедента потребуются колоссальная работа по внесению изменений в основополагающие нормативные правовые акты страны – начиная с Конституции Республики Казахстан и Конституционных законов, заканчивая кодексами и законами, регулирующими деятельность судов и судебной системы.

Стоит иметь в виду, что существует весомое противоречие прецедента к Конституции страны, статье 4 в которой установлено, что действующим правом в Республике Казахстан являются нормы Конституции, соответствующих ей законов, иных нормативных правовых актов, международных договорных и иных обязательств Республики, а также нормативных постановлений Конституционного Совета и Верховного Суда Республики [5].

Без внесения изменений в Основной закон страны говорить о внедрении прецедента и смешении тем самым деятельности судебной и законодательной ветвей власти неверно.

Вместе с тем, представляется возможным изучить вопрос о внедрении в правовую систему Казахстана отдельных элементов прецедента.

Сразу необходимо оговориться, что рассмотрение такой правовой возможности должно ограничиваться гражданско-правовыми спорами, поскольку применение уголовного закона по аналогии не допускается.

Частично уже в настоящее время судебная система использует отдельные признаки прецедента.

Так, статьей 438 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан [6] и пунктом 5 Нормативного постановления Верховного суда Республики Казахстан от 15 января 2016 года № 1 «О праве доступа к правосудию и полномочиях Верховного Суда Республики Казахстан по пересмотру судебных актов» [7] установлено, что единообразие судебной практики обусловлено задачами обеспечения законности, защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина, поэтому пересмотр судебных актов, вступивших в законную силу, сопряжен с их высокой общественной

значимостью, а также значением для развития права, его единообразного толкования и применения.

Исходя из указанных задач, процессуальным законодательством в качестве оснований кассационного пересмотра судебных актов определены нарушение единообразия в толковании и применении судами норм права подпункт 3 части 6 статьи 438 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан.

Во всех странах континентального права, в том числе и в Казахстане, наблюдается влияние судебных решений на рассмотрение аналогичных дел.

Так, в Федеративной Республике Германия прецедент, не будучи признанным в качестве источника романо-германского права формально, выступает в качестве такового реально. Решения по некоторым категориям дел, разрешаемых на уровне Верховного Суда, обязательно публикуются. Нижестоящие суды следуют такому решению Верховного Суда, при этом даже делая ссылку на данные судебные акты в своем решении. Следовательно, при формальном непризнании судебного решения в качестве источника права, германская правовая система на деле признает их регулирующий эффект.

Аналогично, судьи первой инстанции в Казахстане при принятии решения руководствуются единой судебной практикой по той или иной категории дел, формируемой Верховным Судом и судами апелляционной инстанции.

Выступая на VII Съезде судей Казахстана, Президент Республики Казахстан Назарбаев Н.А. особо подчеркнул, что в условиях правового унитарного государства на всей территории страны должны быть единый режим законности и единая судебная практика. Поэтому вопросы повышения уровня правовой определенности, формирования единообразной судебной практики и обеспечения единства толкования законодательства являются одним из пяти приоритетных задач, поставленных Главой государства перед судебским сообществом страны по итогам VII Съезда [8].

Бесспорно, что уже сейчас местные суды и иные правоприменители в своей деятельности фактически используют постановления кассационной инстанции Верховного Суда как прецедент, поскольку основываются на них при принятии решений по аналогичным спорам.

Постановление коллегии Верховного Суда, вынесенное по делу, для судов республики является практикообразующим, по сути прецедентным, поскольку не только суды всех регионов страны, но и налоговые органы и частные судебные исполнители ориентированы на применение норм права в сложившейся спорной ситуации.

Таким образом, неформально в судебной системе уже применяются элементы прецедента. Необходимо лишь перевести такое применение в рамки закона.

В итоге можно отметить, что в свете процессов глобализации и конвергенции правовых систем общего и континентального права растёт значение прецедента как источника права даже в правовых системах, где исторически превалируют нормативно-правовые акты.

Прецедент применяется в странах с различным географическим положением, историческим и правовым развитием.

Даже без формального закрепления роли прецедента, как в странах общего права или как в некоторых смешанных правовых системах, суды часто обращаются к предыдущим судебным решениям, особенно к решениям высших судебных инстанций.

В казахстанском праве, относящемся к романо-германской правовой семье, судебная практика в качестве источника не получила закрепление в законодательстве. Конечно, какое-либо принципиальное изменение правовой системы Казахстана было бы необоснованным и нецелесообразным, так как оно не только разрушило бы казахстанскую систему права, но и создало угрозу основам казахстанской

государственности, сложившимся и развивающимся международным экономическим и культурным связям Казахстана. Вместе с тем, в правовой действительности судебная практика должна играть более авторитетную роль. Не случайно западные юристы указывают на несоответствие между формальной оценкой судебной практики и ее действительным значением. Отмечается, что благодаря судебной практике судьи фактически вносят многочисленные изменения в действующее право. Особенно это касается случаев, когда содержащиеся в законодательстве формулировки страдают неопределенностью или имеют правовые пробелы и коллизии.

1. Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года №858 «О Концепции правовой политики Республики Казахстан с 2010 до 2020 года»
2. Секретариат ОЭСР и эксперты мониторинговой группы дали положительную оценку судебным реформам Казахстана // <http://sud.gov.kz/rus/news/sekretariat-oesr-i-eksperty-monitoringovoy-gruppy-dali-polozhitelnuyu-ocenku-sudebnym-reformam>
3. Прецедентное судопроизводство и прецедентное право (сравнительно-правовой анализ): учебное пособие / под ред. Т.Е. Каудырова – Астана, ТОО «Мастер ПО», 2018. – 99 с.
4. Сулейменов М.К. Английское право и правовая система Казахстана // <https://www.zakon.kz/4760217-anglijskoe-pravo-i-pravovaja-sistema.html>.
5. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года // http://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_
6. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 года // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000377>
7. О праве доступа к правосудию и правомочиях Верховного Суда Республики Казахстан по пересмотру судебных актов Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан от 15 января 2016 года № 1 // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P160000001S>
8. Выступление Президента Казахстана Н.Назарбаева на VII съезде судей Казахстана // http://www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_speeches_and_addresses/vystuplenie-prezidenta-kazahstana-nnazarbaeva-na-vii-sezde-sudei-kazahstana

Конахина Е.С.

Деятельность уездной и городской полиции по пресечению пожаров в 1890-1900 гг.

*ФГБОУ ВО Ульяновский государственный университет
(Россия, Ульяновск)*

doi: 10.18411/lj-10-2018-11

idsp: 000001:lj-10-2018-11

Аннотация

В представленной статье освещаются нормативная база и реализация функций уездной и городской полиции европейской части Российской империи по предупреждению и борьбе с пожарами в 1890-1900 гг. Исследование проведено на примере Симбирской губернии.

Ключевые слова: история полиции, борьба с пожарами, пожарные команды, полиция Симбирской губернии

Актуальность изучения деятельности по борьбе с пожарами не меняется на протяжении всего существования человечества, а потому особенности организации полицейского противостояния огню являются предметом настоящего исследования. Целью настоящей работы является изучение нормативной базы и реализация функций уездной и городской полиции европейской части Российской империи по предупреждению и борьбе с пожарами в 1890-1900 гг.

Настоящая проблема изучалась как современниками – И.Т. Тарасовым, И.Е. Андреевским, труды которых затрагивали по большей части нормативную сторону вопроса, так и современными учеными, в частности Жеребчиковым Д.П. Однако большинство ученых рассматривают проблему противопожарной обороны с

практической стороны изучая методы и способы тушения и предотвращения пожаров, материальное обеспечение пожарных команд, в то время как нормативный аспект данного вопроса остается открытым.

Предмет ведения полицейских органов конца XIX–начала XX века неоднороден, в круг обязанностей полиции входило не только обеспечение порядка и соблюдения закона, но и множество других полномочий, преимущественно в хозяйственной сфере[4].

Одной из немаловажных обязанностей полицейских органов была работа по пресечению, тушению пожаров и расследованию поджогов. Для этой цели были созданы пожарные команды, входившие в состав полиции.

Как отмечает Пресс А.А. в статье «Пожарные команды» в 1893 г. на ведение пожарного дела губерниями (за исключением Привислянского края, Кавказа, Финляндии и областей Уральской и Войска Донского) были потрачены ничтожные суммы, а в 10% - ни копейки. Там же отмечается общее неудовлетворительное состояние пожарной охраны городов[14, с.152-154].

По мнению Андреевского И.Е. для улучшения противопожарной обстановки необходимо сочетание мер по предупреждению пожаров (контроль за строительством и осторожностью в обращении с огнем), по тушению пожаров (устройство караулов, пожарной команды, наличие достаточного оборудования), по возмещению вреда, причиненного пожаром[6, с.607].

Если последний пункт не затрагивал напрямую деятельности полиции, то первые два относились к ее компетенции.

Симбирская губерния по числу и силе пожаров по оценке с 1895 по 1910 год находилась на уровне Смоленской, Волынской, Пензенской губерний. При этом надо отметить, что каждые пять лет количество пожаров возрастало примерно на 300 единиц в год, а сила пожаров (число пострадавших домов) практически не менялась и составляла около 3,2 дворов за один пожар (в среднем по России эта цифра составляла 2,6 единиц) [11, с.10-12]. Каждые пять лет количество пострадавших домов снижалось, что, безусловно, является следствием противопожарных мер, производимых на всех уровнях.

Диаграмма 1

Процентное соотношение причин пожаров в Симбирской губернии с причинами пожаров в среднем по Российской империи[11]

В Пожарном уставе содержатся следующие указания относительно определения причин возгорания: при тушении пожара, местная полиция обязана немедленно

исследовать причины и обо все случившемся донести Начальнику Губернии, с подробным описанием, сколько, чего и от какой причины погорело[2, с.19].

Как видно из представленной Диаграммы 1, более половины всех происходивших пожаров приходились на неосторожность в обращении с огнем, в прямой зависимости от которой находится несоответствие возводимых построек требованиям уставов по пожарной безопасности, строительного устава, правил благоустройства.

Разрушительность пожаров во многом являлась следствием недостаточного уровня огнестойкости построек. С целью недопущения строительства опасных сооружений полиция осуществляла контроль за соблюдением требований означенных уставов. В случае несоответствия постройки нормативам, полиция не давала разрешения на ее ввод в эксплуатацию[5].

Нормативное обеспечение такого контроля составляли положения Уставов строительных и пожарных.

Согласно положения об устройстве городских улиц, площадей мостов и переправ в полицейском ведении находилось и попечение об устройстве и исправном состоянии оных[1, с.62]. Отсюда логически следует вывод о контроле полицией за соблюдением правил городской застройки: достаточной ширины улиц, использования качественных материалов (каменного мощения вместо деревянного) и т.п.

Статьей 367 Строительного Устава предусмотрены такие противопожарные положения для строительства домов как запрет плотной застройки, соблюдение расстояния между домом и баней, запрет на пристрой печей к деревянным стенам, указание на строительство широких печных труб, запрет на деревянные трубы[3, с. 87-88].

Полиция обязана наблюдать, чтобы нежилые деревянные строения во дворах, возводимые с надлежащего дозволения, не были впоследствии перестроены в жилые (т.е. с печами) [3, с.93].

17 июня 1888 году в истории Симбирска происходит знаменательное событие – на должность полицмейстера назначается исправник Пифиев В.А. [7, с.316] 29 июня того же года в Симбирске произошел последний крупный пожар[7, с.198]. Это связано в том числе и с тем, что новый глава полиции усилил работу по исполнению положений Строительного Устава и запретил размещать рядом деревянные постройки, а уже построенные велел сносить, заставил чинить дороги, а также возродил пожарную команду города.

С целью предупреждения пожаров и поджогов, а также наблюдения за соблюдением правил безопасности по распоряжению губернского начальства города и селения были распределены на участки, подконтрольные старостам, которые наблюдали за исправностью печей и труб, соблюдением правил и несением дневного и ночного караула[9, с.53].

Как видно из Таблицы 1, случаи фиксации таких нарушений были единичны. Отслеживание состояния построек целиком ложилось на плечи граждан. Примечателен один случай, описанный в «Жалобе мещанина Шишилина на постановление городской управы»: «..он объяснил, что у соседа по правую сторону...существует деревянный флигель, возведенный в 1867 году, с нарушением ст. 361 Устава Строительного без соблюдения четырехсаженного разрыва...что Городская Управа разрешила...что такое разрешение он находит неправильным...ввиду угрожающей ему, как соседу, опасности в пожарном отношении....о таковом разрешении сообщено к сведению Городскому Полицейскому Управлению»[12, с.350].

Таблица 1

Число зафиксированных нарушений строительного и пожарного уставов в 1881, 1884, 1886 годах (Симбирская губерния) [10]

Вид нарушения	1881	1884	1886
Нарушение устава строительного (ст. 1058-1075)	0	1	0
Нарушение правил осторожности от пожаров (ст.1076-1077)	0	0	0

Как отмечает Андреевский И.Е., наблюдение полиции за соблюдением правил застройки «является возможным, и то при больших усилиях, только в значительных центрах. В маленьких городах, местечках и особенно в селах, постановления строительного устава остаются неприменимой теорией и наблюдение за исполнением строительных правил несбыточной мечтой» [6, с.607].

Помимо наблюдения за строительством, полиция принимала меры по обеспечению пожарной безопасности в уже готовых постройках. Так, к примеру, на публичных сходбищах по поводу публичных зрелищ, увеселений, процессий и т.п., происходящих в закрытых пространствах, «полиция принимает особые меры, касающиеся свойства помещения, в котором проходит сходбище, санитарных условий, безопасности от огня, свободного выхода и т.п. [8, с.135]»

Полиция следила за пожарной обстановкой и на улицах, например, без ее ведома нельзя было пускать фейерверки и зажигать иллюминацию [2, с.12].

Особое внимание в ключе изучения деятельности полиции по борьбе с пожарами следует уделить поджогам. Уголовное законодательство Российской империи квалифицировало в качестве поджога пожар, сделанный с преступным умыслом.

Еще современниками было отмечено небывалое количество поджогов, возросшее с начал 1880-х годов: «Если взять абсолютные числа, то увеличение [числа поджогов] получается еще более поразительное: вместо 37 тыс. пожаров от поджога в 1900—1904 г., находим 65 тыс. в 1905—1909 г. Конечно, в этих числах находит себе выражение та печальная смута, которую пережила Россия в эти годы» [11, с.2].

Одной из проблем являлось определение поджога как причины пожара. Сложность расследования поджогов заключалась в том, что поджигателей редко можно было поймать с поличным. В случаях, когда пожар удавалось потушить незадолго от его начала, можно было обнаружить следы преступления [13, с.78]. Статьей 149 Пожарного устава установлена обязанность всякого, кто обнаружит зажигателя задержать его и передать местному полицейскому начальству, а если задержать его будет невозможно, то известить о нем в городах полицию, а в уездах исправника, Земский Суд или Станового пристава [2, с.30].

Таким образом, в изучаемый период существовало обширное количество разноуровневых нормативных актов, регулирующих обязанности полиции по предупреждению и борьбе с пожарами.

1. Положение об устройстве городских улиц, площадей мостов и переправ // Свод законов Российской империи. Том двенадцатый. Часть I. Уставы путей сообщения, почтовый, телеграфический, строительный, и пожарный. Спб. Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В.Канцелярии, 1857.– 664с. – Ст. 280
2. Устав пожарный // Свод законов Российской империи. Том двенадцатый. Часть I. Уставы путей сообщения, почтовый, телеграфический, строительный, и пожарный. Спб. Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В.Канцелярии, 1857 – 664 с. – Ст. 88

3. Устав строительный // Свод законов Российской империи. Том двенадцатый. Часть I. Уставы путей сообщения, почтовый, телеграфический, строительный, и пожарный. Спб. Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В.Канцелярии, 1857. – 664 с. – Ст. 367
4. Высочайше утвержденные временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых от 25 декабря 1862 года // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. II. Отд. 2 Т. 37. № 39087.
5. ГАУО Ф. 688. Оп. 1. Д. 34. Л. 176.
6. Андреевский И.Е.. Полицейское право: [В 2-х т.] / И. Е. Андреевский. - 2-е изд., испр. и доп. Т. 1 : Введение и Ч. 1, Полиция безопасности. Спб.- 1874. XVIII. – 648 с.
7. Мартынов П.Л. Город Симбирск за 250 лет его существования. Систематический сборник исторических сведений о г. Симбирске./ П.Л. Мартынов - Издание Симбирской Губернской Учёной Архивной Комиссии. Симбирск. Типо-литография А.Т. Токарева, 1898. – 318 с.
8. Тарасов И.Т. Очерк науки полицейского права / Тарасов И.Т. М.: Печатня С.П. Яковлева, 1897.–703 с.
9. Обзор Симбирской губернии за 1871, Симбир. губ. стат. комитет. - Симбирск : Тип. Губ. правления, 1871. – 106 с.
10. Обзор Симбирской губернии за 1881 год, / Симбир. губ. стат. комитет. - Симбирск : Тип. Губ. правления, 1882.– 137 с.; Обзор Симбирской губернии за 1884 год Симбир. губ. стат. комитет. - Симбирск : Тип. Губ. правления, 1885.– 121 с.; Обзор Симбирской губернии за 1886 год Симбир. губ. стат. комитет. - Симбирск : Тип. Губ. правления. 1887.–120 с.
11. Статистика пожаров в Российской империи за 1895-1910 годы: Ч. 1-2./ Санкт-Петербург. Центр. стат. ком. М-ва вн. Дел, 1912. – 276 с.
12. Жалоба мещанина Шишилина на постановление городской управы//Журнал Симбирской городской думы №1-38.–Типо-литография Н.Г. Анучина –1883–№23,15 июля – С.350
13. Жеребчиков Д.П. Поджоги в городах и уездах Центрального Черноземья во второй половине XIX – начале XX века/ Д.П. Жеребчиков//Научно-теоретический и прикладной журнал История: факты и символы – 2016- №8 – С. 78
14. Пожарные команды //Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. — С.Пб.: Брокгауз-Ефрон. 1898 Том XXIV.– С. 152-154.

Конахина Е.С.

Нормативное обеспечение деятельности уездной и городской полиции по розыску преступников в 1860 - 1910 годы

*ФГБОУ ВО Ульяновский государственный университет
(Россия, Ульяновск)*

doi: 10.18411/lj-10-2018-12

idsp: 000001:lj-10-2018-12

Аннотация

В представленной статье освещен вопрос законодательного закрепления объема обязанностей и методов работы чинов полиции по розыску преступников в 1860 - 1910 годы, исследованный на примере Симбирской губернии.

Ключевые слова: история полиции, розыск преступников, сыскные отделения, сыскная полиция

Организация розыска преступников чинами полиции – актуальное направление работы как министерства внутренних дел в частности, так и государства в целом. Изучение этого вопроса в историческом ключе необходимо для совершенствования работы в данном направлении.

Большое внимание правоохранительному направлению работы полиции уделено в трудах Н.П. Ерошкина и В.М. Курицына, а также в работах многих современных ученых, из которых следует выделить В.Л. Рассказова, С.А. Невского. Несмотря на большое количество работ, посвященных изучению деятельности по розыску преступности, в современной науке недостаточно освещен региональный аспект поставленной проблемы.

Главным направлением деятельности любого правоохранительного органа является борьба с преступностью. Как отмечает Никитин А.А. в своей работе, «во

время реализации мер по противодействию преступности полицейские органы осуществляли деятельность по следующим направлениям: предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений. Наиболее плодотворно действовали сотрудники при раскрытии противоправных преступлений, менее удачно осуществлялись предупреждение и пресечение преступлений»[8, С.15]. Рыжов Д.С. связывает такие неудачи с тем, что борьба с преступностью долгое время была лишь одной из многочисленных обязанностей общей полиции. С течением времени непосредственные правоохранительные функции передаются специализированным отделениям и процесс этот был запущен в середине XIX века[10, С.7].

В связи с проведением судебной реформы, в 1860 году из ведения полиции были исключены следственные функции, переданные созданному институту судебных следователей. В ведении правоохранительных органов остались функции по розыску и преступников и производству дознаний. Дознание и розыск преступников в уездах возлагались на станowych приставов, волостных старшин и сельских старост, а в городах – на городских приставов и полицейских надзирателей[6, С. 488]. Такое распределение обязанностей оставалось в силе вплоть до 1917 года.

В то же время, Никитин А.А. в своем диссертационном исследовании приходит к выводу о том, что в подавляющем большинстве случаев именно сотрудники полиции осуществляли первоначальное расследование противоправных деяний, так как у судебных следователей не было возможности своевременно реагировать на донесения полицейских служащих ввиду интенсивной работы по расследованию преступлений[8, С.21]. Такое положение дел требовало мер по увеличению прав полицейских.

О необходимости расширения полномочий полиции и увеличения ее самостоятельности говорилось и в Указе об упразднении должности Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора: «для предоставления полицейскому управлению в г. Санкт-Петербург большей самостоятельности и для упрощения нынешнего порядка производства дел этого управления» [2, С.498].

Реорганизация административного управления в столице и расширение полномочий полиции по уголовному производству были связаны с терактом 4 апреля 1866 г. в отношении Александра II [9, С.24].

С этим же фактом связано и образование сыскного отделения полиции в Санкт-Петербурге в 1866 году. Сыскная полиция представляла собой «сосредоточие всех сведений о совершенных преступлениях, о подозрительных лицах, дает чинам полиции необходимые указания для принятия мер к предупреждению преступлений, производить розыски по преступлениям, отыскивать краденные вещи и т.п.» [7, С.195]. Обосновывая необходимость создания отдельного направления деятельности полиции по производству розыска преступников и дознания, Петербургский градоначальник Трепов Ф.Ф. отмечал, что для этого нужны «природные способности и опыт», а также время, которого у наружной охраны не было [11, С.223].

При сыском отделении находились три полицеймейстера в качестве инспекторов полиции и два чиновника особых поручений. Управление обер-полицеймейстера имело следующие структурные звенья: канцелярия с многочисленным штатом чиновников, сыскная часть полиции, наружная часть, полицейская стража, полицейский резерв и служительская команда [13, С.12]. Ту же структуру имел московский сыск.

К 1880-м годам в большей части крупных городов Империи при полицейских управлениях также создаются сыские отделения. Н.П. Ерошкин охарактеризовал их как «зачатки уголовного розыска в растущих городах» [3, С.156-157].

В Симбирске официально сыскное отделение открылось только в XX веке, однако «уже в середине 1850-х годов в Симбирске пристав 1-й части Иванов, как говорится, на собственный страх и риск создал из нескольких полицейских,

«способных к этому делу», своеобразный отряд для ведения оперативной работы и расследования уголовных преступлений»[14].

Несмотря на создание в некоторых городах сыскных частей и фактическим осуществлением функций по розыску преступников сотрудниками общей полиции в тех городах, где не было подобных особых отделений - единой системы уголовного розыска не было. Формы и методы работы сыскных отделений не регламентировались[5, С.11].

Значительные изменения в деле розыска преступников произошли с изданием государственной думой закона «Об организации сыскных частей» от 6 июля 1908 года, согласно которому в составе городских и уездных полицейских управлений были образованы сыскные отделения для производства розыска по делам общеуголовного характера. В том же законе определено, что в г. Симбирске необходимо создать сыскную часть третьего разряда [1, С.448-449].

В ходе обсуждения проекта принятого закона был заслушан прокурор Одесского окружного суда, член Комиссии по судебным реформам Л.Г. Люц, который обосновал необходимость создания отдельных частей для производства розыска преступников, а также сделал вывод о том, что необходимо организовать сыскные части только в крупных городах «с тем, однако, чтобы они обслуживали и уезды [12, С.5]».

Не могло обойти повсеместное создание сыскных частей и Симбирск, где в ноябре 1908 было открыто сыскное отделение при полицейском управлении, руководителем которого стал П.И. Мицкевич, в подчинении которого находилось 7 сотрудников. За первый месяц работы раскрыто 6 краж со взломом, 2 разбойных нападения [15].

Как отмечает Курицын В.М., серьезным недостатком в организации сыскных отделений являлось то, что они строились по децентрализованной системе, т.е. каждое отделение входило в полицейское управление города или уезда и замыкалось в рамках подведомственной территории. При необходимости розыска преступника за пределами этой территории начальники сыскных отделений должны были сноситься с департаментом полиции через начальников уездных полицейских управлений, полицмейстеров и губернаторов. Штаты сыскных отделений были невелики (от 8 до 20 человек). Все это сказывалось на эффективности их работы. Царизм направлял все силы и средства на усиление политической полиции.

Тем не менее, организация сыскных частей положила начало профессионализации труда сыщика и детектива, поскольку в сыскной полиции были сосредоточены все сведения о совершенных преступлениях, о подозрительных лицах, она давала чинам полиции необходимые указания для принятия мер к предупреждению преступлений, производила розыски по преступлениям, отыскивала убийц, разбойников, краденые вещи[4, С.52].

1. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон «Об организации сыскной части» от 06 июля 1908 года//Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. Том XXVIII. Отделение 1. 1908 г., Спб, Государственная типография, 1911. 1041 с. №30672, С.448-449
2. Именной, данный Сенату, опубликованный 6-го того же мая, Указ об упразднении должности Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора и состоящего при нем особого управления от 4 мая 1866 года/ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том XLI. Отделение 1. 1866 г., СПб, Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1868. №43262.С. 498
3. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М.: Высшая школа, 1968. С. 156-157
4. Пиотровский В. Полиция Российской Империи/Владислав Пиотровский, Дмитрий Кудрявцев, Робер Очкур.- МАСТ; Спб, Астрель-СПб, 2005, С.52

5. История полиции дореволюционной России (сборник документов и материалов по истории государства и права). Учебное пособие / Отв. ред.: Курицын В.М. - М.: МВШМ МВД СССР, 1981. с 11
6. МВД России : Энциклопедия. Гл. ред. В.Ф.Некрасов — М.: Объед. ред. МВД России; ОЛМА-ПРЕСС, 2002 — 623 с. С. 488
7. С.-Петербургская Столичная Полиция и градоначальство. 1703-1903, СПб, Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903. 590 с. С. 195
8. Никитин А.А. Борьба правоохранительных органов с уголовной преступностью в Симбирской губернии во второй половине XIX - начале XX в./Александр Александрович Никитин// Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.02 – Отечественная история – Ульяновск: Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова, 2015. 243 с.С. 15
9. Рассказов В.Л. УГОЛОВНЫЙ СЫСК НА КУБАНИ: ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIXв.–1917 г.(ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)/ Вячеслав Леонидович Рассказов, диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, Специальность: 12.00.01// Кубанский государственный аграрный университет, Краснодар, 2015. 206 с. С. -24
10. Рыжов Д.С. Борьба полиции России с профессиональной преступностью, 1866-1917 гг./ Дмитрий Сергеевич Рыжов// Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, 12.00.01, М. 2000, 212 с. С.7
11. Невский С.А. Создание сыскных отделений в Российской империи/ С.А. Невский// Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 1 (11). С. 223
12. Рассказов В.Л. Закон «Об организации сыскной части» от 6 июля 1908 года: недостатки и достоинства в регламентации деятельности сыскных отделений в системе общероссийского уголовного розыска// Вячеслав Леонидович Рассказов//Научный журнал КубГАУ, №107(03), 2015. С.1-13 С.5
13. Шелкопляс В.А. Карательный аппарат России во второй половине XIX века. Учебное пособие. — Минск: Академия милиции МВД РБ, 1994. — 129 с. С.12
14. Сивопляс И. Пионеры симбирского сыска.[Электронный ресурс] Режим доступа: <http://ulpressa.ru/2012/10/04/pioneryi-simbirskogo-syska> свободный.
15. Служба в уголовном розыске далека от киношной романтики/ Интервью с начальником Уголовного розыска УВД по Ульяновской области полковником милиции Евгением Резуненко от 17 октября 2008 года [Электронный ресурс] Режим доступа <https://ulpressa.ru/2008/10/17/article65613/> свободный.

Малкин И.Н.

Организация и полномочия органов регионального управления в Российской Империи в XIX - начале XX вв.

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет»

doi: 10.18411/lj-10-2018-13

idsp: 000001:lj-10-2018-13

Аннотация

Статья подготовлена с целью проведения историко-правового анализа организации и полномочий органов регионального управления в Российской империи в XIX - начале XX вв., особенностей взаимодействия губернатора с органами земского, городского самоуправления Российской империи. Проведенное исследование позволило выявить, что губернаторы не только сохранили в этот период всю полноты власти в регионе, но и приобрели отдельные полномочия органов полиции.

Ключевые слова: Российская империя, губернатор, губернские учреждения, земские учреждения, городское самоуправление, региональное управление, законодательство.

Annotation

The article is prepared for the purpose of historical and legal analysis of the organization and powers of regional authorities in the Russian Empire in the XIX-early XX centuries, the features of the Governor's interaction with the bodies of Zemstvo, urban self-government of the Russian Empire. The study revealed that the governors not only retained full power in the region during this period, but also acquired separate powers of the police.

Key words: Russian Empire, Governor, provincial institutions, Zemstvo institutions, city self-government, regional management, legislation.

Проблемы организации и деятельности органов регионального управления Российской империи в XIX - начале XX вв. имеют в современный период существенное значение как с теоретико-правовых, так и практических позиций.

Для Российской империи проведение реформ региональной власти в XIX в. было значительным событием. Их результатом выступили создание реформирование губернской власти, новой системы органов самоуправления и изменение взаимоотношений органов государственной и местной власти

Современная модель регионального и местного самоуправления, закреплённая нормами Конституции Российской Федерации [1], во многом построена с учетом системы органов земского самоуправления Российской империи второй половины XIX в. Функционирующая в России система органов регионального и местного самоуправления вобрала в себя элементы системы регионального управления Российской империи периода XIX – начала XXI вв., поскольку, несмотря на ее слабую нормативно-правовую обеспеченность, она позволила реально улучшить систему управления в земствах, городах и губерниях.

По Общему учреждению губернскому [2] Российская империя делилась на губернии и области (ст. 1). Каждая губерния состояла из уездов и городов (ст. 5). К 1913 г. в Российской империи насчитывалось 49 губерний.

Управление в каждой губернии и области Российской империи различалось по предмету ведения (на правительственную, судебную, полицейскую), пространству его действия (на губернскую, уездную (окружную), городскую, волостную, сельскую), степени властных полномочий в той или сфере (губернская власть над уездным, городским управлением (ст. 11, 12, 20, 26 Общего учреждения губернскому)). Тем самым, губернские, земские и городские учреждения образовали систему регионального управления.

Губернаторская власть в Российской империи в XIX - начале XX вв. представляла собой систему учреждений управления, состоящую из губернатора и органов губернаторской власти, куда входили, кроме органов государственной власти, учреждения земского и городского управления. Функции губернаторской власти охватывали политические, экономические и культурные стороны жизни губернии.

По Положению 1864 г. о губернских и уездных земских учреждениях, высочайше утвержденном именным Указом Александра II, данном Правительствующему Сенату, 1 января 1864 г. [3] (далее – Положение 1864 г.), губернские земские учреждения состояли из губернского земского собрания и губернской земской управы (ст. 50), а по Положению о губернских и уездных земских учреждениях от 12 июня 1890 г., высочайше утвержденном именным Указом Александра III, данном Правительствующему Сенату [4] (далее – Положение 1890 г.), из губернского земского собрания и губернской земской управы.

Особенностями осуществления губернаторской власти в Российской империи в XIX – начале XX вв. было то, что у нее были и административно-организационные, и хозяйственные, и судебно-контрольные полномочия.

В отношении городского самоуправления она могла приостановить любое решение Городской Думы, передать на рассмотрение Губернского по земским и городским делам присутствия. После городской реформы 1892 года губернатор получил право оценивать целесообразность тех или иных решений Городской Думы, в том числе утверждать бюджет. Губернатор не делал предложений по перераспределению сумм, он указывал на статьи, требующие корректировки, но он мог в рекомендательном порядке указать источники покрытия дефицита. Так же через губернское по земским и городским делам присутствие губернатор следил за

рациональным использованием городских средств и пополняемостью целевых капиталов. Усиление централизации власти в 80-е годы XIX в. не привело к конфликту губернской администрации и городского общественного управления, и при этом, если не повысило эффективность хозяйственной деятельности городских учреждений, то пресекло явные злоупотребления.

Важным направлением совместной деятельности губернской администрации и городского самоуправления была охрана порядка. Губернатор четко прописывал приоритеты в управлении городом и требовал, чтобы Дума им следовала.

Дела по политическим преступлениям находились под личным контролем губернатора, проходили через его канцелярию. В XIX в. полицейская власть уже четко была отделена от губернаторской. Существовала система надзора, охватывавшая как губернские, так и уездные города, четко функционировала связь с центральными органами.

Выполнение некоторых возложенных на городские думы и городские управы функций было связано с деятельностью губернатора напрямую. Губернаторы имели контролирующие и надзорные функции по отношению к органам городского управления. В отношении городского самоуправления они могли приостановить любое решение городской думы, передать его на рассмотрение губернского по земским и городским делам присутствия. Губернатор и губернское по городским делам присутствие следили за рациональным использованием городских средств и пополняемостью целевых капиталов. Важным направлением совместной деятельности губернской администрации и городского управления была охрана порядка. Губернатор четко прописывал приоритеты в управлении городом и требовал, чтобы городская дума им следовала.

Система органов земского самоуправления, которая была создана и функционировала в Российской империи во второй половине XIX в. на основе Положений 1864 г., 1890 г., а также именных указов, например, Именных Высочайших указов, данного Сенату от 5 октября 1906 г. «Об изменении организации крестьянского представительства в земских учреждениях» [5], законов, актов министерств, постановлений губернских земских собраний, уставов, правил, актов по делопроизводству земств, также находилась под губернаторским контролем.

По нормам ст. 13-14 главы II Положения 1864 г. земские учреждения делились на два уровня - уездные земские учреждения и губернские земские учреждения. По Положению 1890 г. (глава III «О составе, круге ведомства, пределах власти и порядке действий земских учреждений») земские учреждения подразделялись на уездные учреждения - уездные земские собрания и уездные земские управы. Волостной уровень местного самоуправления оставался сословно-крестьянским и не подпадал под действие Положения 1864 г., определяющего формирование губернских и уездных земских учреждений и их всесословный характер формирования. Система уездных земских учреждений включала уездное земское собрание - представительное-распорядительный и надзорный орган; уездную земскую управу - исполнительный орган местной власти по «заведыванию земскими делами» (ст. 64 Положения 1864 г.).

Уездные земские управы выполняли преимущественно хозяйственные функции. Губернское земское собрание наделялось правотворческими и правораспорядительными функциями. По Положению 1864 г. земские учреждения, в кругу вверенных им дел, должны были действовать самостоятельно. Случаи и порядок, в которых действия и распоряжения земских учреждений подлежали утверждению и наблюдению губернских и правительственных властей были конкретизированы в ряде статей Положения 1864 г. (ст. 3, 4, 7, 9, 10).

Так, согласно Положению 1864 г. земские учреждения не должны вмешиваться в дела, принадлежащие кругу действий правительственных, губернских, сословных и

общественных властей и учреждений. При превышении ими своих полномочий земские учреждения и их должностные лица должны были нести ответственность (ст. 7).

Губернатор в отношении земств были уполномочены выполнять контрольно-надзорные функции. По Положению 1864 г. на утверждение губернатора должны были отправляться постановления: о приведении в действие земских смет и раскладок; о перераспределении земских путей сообщения на губернские и уездные; о причислении уездных земских дорог в разряд проселочных; об изменении направлений земских дорог; об учреждении земских выставок; о временном устранении от должностей членов губернских и уездных земских управ.

По Положению 1890 г. система взаимодействия органов земского самоуправления с иными нижестоящими органами регионального управления изменилась. Помимо надзора за законностью деятельности земств, для осуществления которого были созданы, согласно ст. 8 Положения 1890 г., губернские по земским делам присутствия (с 1892 губернские по земским и городским делам присутствия), были усилены контрольные полномочия губернатора. Помимо надзорных функций за правильностью и законностью действий земских учреждений, которые ранее были предусмотрены Положением 1864 г., губернатор наделялся по Положению 1890 г. функциями по контролю за делопроизводством земств.

В условиях кризисных явлений в Российской империи в начале XX в. (1905-1907 гг. - первая русская революция, 1914 г. - начало первой мировой войны) организация и деятельность органов губернской власти нуждались в реформировании. Губернаторы в данный период приобрели отдельные полномочия полиции. На практике выявлялось смешение функций центральных, региональных и местных органов, что не позволяло в полной мере оперативно реализовывать подведомственным МВД губернским учреждениям - губернским правлениям, канцеляриям губернаторов поставленные задачи в условиях нарастания революционных настроений.

Отсюда можно резюмировать, что в XIX в. - начале XX в. сложилась особая система взаимоотношений губернаторской власти и учреждений городского, земского самоуправления. Городские и земские учреждения были ограничены губернской властью. Законодательными актами было предусмотрено четкое разграничение компетенции земских, городских органов власти и органов губернаторской власти. Тем самым можно сказать, что к концу XIX в. - нач. XX в. сложилась целостная система регионального управления, в результате которой одновременно на местах действовало земское самоуправление, городское самоуправление и губернское управление.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.; с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 декабря; Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru>, 01.08.2014.
2. Общее учреждение губернское. Свод Губернских Учреждений // Свод законов Российской империи. Кн. первая. - Т. II. - Ч. I. - СПб., 1912.
3. Положение о губернских и уездных земских учреждениях (Высочайше утв. им. Указом Александра II, данном Правительствующему Сенату, 1 января 1864 г.) // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (1825-1881). - Т. 39. - Ч. 1. - Закон № 40457.
4. Положение о губернских и уездных земских учреждениях (Высочайше утв. им. Указом Александра III, данном Правительствующему Сенату, 12 июня 1890 г.) // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. - Т. 10. - Отд. 1-е. - Закон № 6922.
5. Указ от 5 октября 1906 г. «Об изменении организации крестьянского представительства в земских учреждениях» // Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание 3-е. - Т. 31. - Отд. I-е. - № 34903.

Малкин И.Н.

**Эволюция системы нормативно-правового регулирования механизма
регионального управления в Российской Империи в 1905-1907 гг. и 1914-1917 гг.**

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет»

doi: 10.18411/lj-10-2018-14

idsp: 000001:lj-10-2018-14

Аннотация

Целью подготовки данной статьи выступил анализ системы нормативно-правового регулирования механизма управления губерниями в центрально-европейской части России в ее кризисные периоды 1905-1907 и 1914-1917 годы. В результате проведенного исследования в ней автором делается вывод о том, что в условиях общенационального кризиса и первой мировой войны изменение ранее принятых указов, законов, положений Российской империи, издание большого количества «временных правил», изменения в целом государственном аппарате привело к повышению правового статуса губернатора, губернского правления и роли органов местного самоуправления.

Ключевые слова: Российская империя, император, Государственный Совет, министерства, Министерство внутренних дел Российской империи, полиция, губернатор, губернные учреждения, региональное управление, органы местного самоуправления, законодательство, система нормативно-правового регулирования.

Annotation

The purpose of this article is to analyze the system of legal regulation of the mechanism of governorates' management in the Central European part of Russia in its crisis periods of 1905-1907 and 1914-1917. As a result of the study, the author concludes that in the conditions of the national crisis and the first world war, the change of previously adopted decrees, laws, regulations of the Russian Empire, the publication of a large number of "provisional rules", changes in the state apparatus as a whole led to an increase in the legal status of the Governor, the provincial government and the role of local authorities.

Keywords: Russian Empire, Emperor, state Council, ministries, Ministry of internal Affairs of the Russian Empire, police, Governor, provincial institutions, regional administration, local governments, legislation, regulatory system.

В современный период в Российской Федерации происходят глубокие изменения государственного устройства. Преобразования идут во всех сферах жизни государства и общества. Значимы и изменения в организации и функционировании органов региональной власти, органов местного самоуправления России. По своим масштабам, содержанию и последствиям они могут быть сопоставимы с результатами преобразований в системе управления губерниями в Российской империи, произошедшими в пореволюционные периоды, в преддверии, в ходе и после революций 1905-1907 и 1917 годов, хотя они и носили реформаторский характер.

В тоже время, как пишут ученые, организация и функционирование органов власти в губерниях Российской империи особенно в последнее десятилетие ее существования, - «крупная научная проблема» [1, с. 3]. Длительное время наблюдался неоднозначный подход к оценке системы губернаторской власти в Российской империи после 1900 г. Между тем, выявление и уяснение особенностей в построении вертикали власти в Российской империи в начале XX в. дают ключ к пониманию многих современных проблем в региональном управлении, уяснению особенностей построения системы федеративного устройства российского государства новейшего периода.

В первую русскую революцию 1905-1907 гг. и вследствие вызванных ею социально-экономических, политических кризисных явлений произошли изменения нормативно-правового регулирования организации подразделений органов центрального управления. Была изменена структура органов центрального управления, а также органов высшей законодательной (представительной власти) власти (была сформирована и функционировала в нескольких составах Государственная Дума).

Органами центрального управления Российской империи в 1905-1907 гг. являлись министерства, возглавляемые министрами и подконтрольные императору и Государственному Совету. Изменения в нормативно-правовом регулировании их организации как раз касались того, что в назначении на должности министров и освобождении их от должности принимал участие Государственный Совет. Именно выявление им в деятельности министерства нарушений могло влечь отставку министра.

Особое место среди всех органов центральной власти имело Министерство внутренних дел Российской империи. Это было связано с революцией 1905-1907 гг. По Манифесту от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» [2] и Указу Императора от 19 октября 1905 г. «О мерах к укреплению единства в деятельности Министерств и Главных управлений» [3], другим актам МВД обладало широким спектром полномочий, а также выполняло множество различных функций, в числе которых одно из важнейших мест занимала правоохранительная, которую осуществляла входящая в структуру министерства полиция (общуголовная и политическая).

Кризисные явления 1905-1907 и 1914-1917 гг., введение военного положения в связи с революционными событиями, а также изменение ранее принятых указов, законов, положений Российской империи, издание большого количества «временных правил», изменения в государственном аппарате во время первой мировой войны неизбежно повлекли изменения в правовом положении органов региональной и местной власти Российской империи. Губернская власть Российской империи в начале XX в. стала одним из главных проводников реализации государственной политики, осуществляемой императором, иными высшими и центральными органами власти. Нередко гражданские губернаторы наделялись полномочиями генерал-губернаторов, как, например, в Нижегородской губернии [4, с. 79].

В рассматриваемый период деятельность губернских органов не ограничивалась только продвижением в порядке делегирования политики высших и центральных органов на местах. Губернаторы и губернские учреждения под их руководством значительно повышали эффективность управления в губерниях, определяли продвижение социальных и экономических преобразований, как это было, в частности, в Симбирской губернии.

Органы центральной власти Российской империи, их чиновничье-бюрократический аппарат в период 1905-1907 гг. находились под контролем и императора, и Государственного Совета, полиции. Все органы губернаторской власти являлись одновременно органами власти других учреждений управления, чаще всего Министерства внутренних дел Российской империи. Однако подчинение губернатора императору и Сенату сохранилось в этот период. Губернаторы после окончательного оформления новой партийно-парламентской системы (3 июня 1907 г.) получили полномочия в сфере осуществления общего надзора за правильным проведением выборов, а также по приостановлению любого решения региональной власти в губернии.

Обострение внутри и внешнеполитической ситуации в стране накануне Первой мировой войны повлекло «министерскую чехарду» и потребовало создания в регионах органов, расширения прав генерал-губернаторов, военных властей и полиции. Ряд губерний перешло под военное командование, но при этом гражданское управление тоже сохранялось.

С нарастанием революционных волнений и настроений роль Министерства внутренних дел Российской империи в управлении губерниями возросла. В 1914-1917 у полиции появились новые полномочия по массовой эвакуации населения губернии и имущества государственных учреждений, организации жизни населения губернии на освобожденных и занятых Российской императорской армией территориях, борьбе со спекуляцией и вражеской разведкой.

В период 1914-1917 гг. административная компетенция генерал-губернаторов была расширена за счет наделения их административными, полицейскими, судебными полномочиями. В тоже время многие ключевые управленческие функции в губерниях перешли к главнокомандующему. Обеспечение общественного порядка и государственной безопасности в губернии генерал-губернаторы могли производить сами путем издания обязательных для всех постановлений, привлечения к уголовной ответственности в виде тюремного заключения или через губернаторов, градоначальников, обер-полицмейстеров, давая им соответствующие поручения.

1. Любичанковский С.В. Губернское правление в системе губернаторской власти в последнее десятилетие существования Российской империи: На материалах Урала: Автореферат дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / С.В. Любичанковский. - Оренбург, 2003. - 27 с.
2. Манифест императора Николая II от 17 октября 1905 г. «Высочайший манифест об усовершенствовании государственного порядка» // Законодательные акты переходного времени. 1904-1908 гг.: Сборник законов, манифестов, указов Правительствующему Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя.- Изд. 3-е, пересм. и доп. по I сентября 1908 года / Под ред. пр.-доц. Н.И.Лазаревского.- СПб.: Юрид. кн. склад «Право», 1909.- С. 150-151.
3. Указ от 11 декабря 1905 г. «Об изменении положения о выборах в Государственную Думу» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 25. - СПб., 1908. - № 27029. - С. 877-882.
4. Санжарлинская Г.М. К постановке проблемы взаимодействия губернаторской власти с местными органами управления в конце XIX – начале XX века на примере Нижегородской губернии (по материалам фондов ГУ ЦАНО) / Г.М. Санжарлинская // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. - 2014. - № 6. - С. 79-86.

Насибуллина Р.Р.

Состояние наследственного права в Российской Империи в начале XX века

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет»

doi: 10.18411/lj-10-2018-15

idsp: 000001:lj-10-2018-15

Аннотация

Целью подготовки данной статьи выступило проведение историко-правового анализа состояния наследственного права в Российской империи в начале XX века. Учитывая, что и в конце XIX века, и в начале XX века отмечались смешанный светски-религиозный характер правового регулирования наследственных правоотношений, сильное влияние на эти процессы норм обычного, конфессионального права, язычеств, допущение на законодательном уровне принижения правового статуса женщин как наследников, автор статьи приходит к выводу о том, что с принятием Свода законов гражданских нормативно-правовое обеспечение наследственного права получило упорядочивание и была создана основа для дальнейшего прогрессивного развития наследственного права.

Ключевые слова: наследование, наследование по закону, наследование по завещанию, Российская империя, Свод законов Российской империи, Свод законов гражданских, завещание, духовное завещание.

Annotation

The purpose of this article is to conduct a historical and legal analysis of the state of inheritance law in the Russian Empire in the early XX century. Given that at the end of the XIX century and at the beginning of the XX century there was a mixed secular-religious nature of the legal regulation of hereditary relations, a strong influence on these processes of customary, confessional law, paganism, the assumption at the legislative level of the legal status of women as heirs, the author comes to the conclusion that with the adoption of a Set of laws of civil legal provision of inheritance law received ordering and the basis for the further progressive development of inheritance law.

Keywords: inheritance, inheritance by law, inheritance by will, the Russian Empire, the Code of laws of the Russian Empire, the Code of civil laws, the will, the spiritual will.

Проблема состояния и развития наследственного права в Российской империи в начале XX в., несмотря на достаточно высокую степень ее разработанности, требует продолжения исследования, поскольку общественные отношения в сфере наследования в России, постоянно изменяются, а, значит, возрастает необходимость проведения исторических параллелей, сравнения механизмов наследования в современной России и в начале XIX в., выявления соответствующих закономерностей с тем, чтобы оценить эффективность правового регулирования института наследования в исторической ретроспективе и современный период.

С точки зрения развития истории наследственного права России, можно выделить три основных этапа его развития:

- дореволюционный этап формирования норм наследственного права (до 1917 г.),
- советский этап преобразований в институте наследственного права (с 1917 по 1994 гг.),
- современный этап создания правовой основы наследственного права (с 1994 г. по настоящее время).

Тем самым, полагаем, об особенностях развития наследственного права в Российской империи в начале XX в. необходимо рассуждать в хронологических рамках - 1900-1917 гг.

Отечественное наследственное право развивалось на данном этапе достаточно непросто и противоречиво. Причин этому несколько: неустойчивое с правовой точки зрения правовое регулирование наследственных правоотношений до 1832 г., смешанный светски-религиозный характер их нормативного обеспечения, сильное влияние на эти процессы норм обычного права, особенно для низших сословий, женского населения, принижаемого по сравнению с мужским населением при наследственном правопреемстве.

В Российской империи регулирование наследственного права до Свода законов Российской империи, как верно пишет П.В. Крашенинников, «было фрагментарным». Акцент в нем делался на упорядочивании отношений имущественно-состоятельных слоев населения и в большей части относительно недвижимого имущества. С принятием Свода законов гражданских ситуация резко изменилась. Данный акт применялся к регулированию наследственных правоотношений с момента его принятия с 1832 г. и вплоть до 1917 г. и стал основным, но неединственным, источником наследственного права второй половины XIX - начала XX вв.

Свод законов гражданских был помещен в часть 1 тома X Свода законов Российской империи и введен в действие в 1835 г. В нем шали свою систематизацию накопившиеся в течение продолжительного исторического периода нормативные правила о наследовании.

Содержание ряда норм о наследовании Свода законов гражданских было определено исходя из норм Устава духовных дел иностранных исповеданий (например,

ст. 1144 изд. 1857 г. и ст. 1346 изд. 1896 г.). Данный Устав применялся для регулирования всех духовных дел лиц различных конфессиональных, языческих направлений: христиан римско-католического исповедания, христиан протестантского исповедания, христиан армяно-грегорианского исповедания, евреев, магометан, ламаитов (ламаистов), а также язычников.

Наследование мусульман осуществлялось по шариату - совокупности норм, базирующихся на Коране и Сунне. Еще в 1773 г., после издания Указа Синода о терпимости всех вероисповеданий, правительство взяло курс на смягчение своей политики в отношении исполнения мусульманских обрядов. 4 декабря 1802 г. решением императора Александра I было постановлено, что после умерших мусульман оставшимся после них женам (при наличии детей) выделяется из движимого и недвижимого имущества 1/8 часть, из которой происходил раздел каждой поровну. В случае, если после смерти мужа детей не оставалось, то все жены из его имущества получали 1/4 часть, а остальное имущество отдавалось иным наследникам в род умершего. Данное положение было подтверждено Сенатом 23 февраля 1805 г. Все эти устоявшиеся обычные нормы, перешедшие в правовое поле, продолжали действовать до прихода к власти большевиков.

Непосредственно правовые нормы, формирующие институт наследственного права, фактически были закреплены во втором разделе третьей книги Свода законов гражданских. Ст. 1110-1103 Свода законом гражданских посвящались наследованию по завещанию, а ст. 1104-1221 – наследованию по закону. Их анализ показывает, что и наследованию по завещанию, и наследованию по закону рассматривались как основания (способы) приобретения права собственности. Наследство трактовалось как комплекс имущества, прав, обязательств, принадлежащих умершему и не определившего на основе завещания их правопреемника после своей смерти.

В главе V (ст. 1010-1103) раздела 1 Свода законов гражданских Российской империи были также закреплены нормы о духовных завещаниях. В правовой литературе присутствует мнение о том, что понятие «духовное завещание» архаично и в самом законе нет юридических оснований его отделений от так называемого светского завещания. Сохранение в Своде законов данного понятия, а также понятия «домашнее завещание» (ст. 1045-1059 Свода законов гражданских) является стремлением законодателя сохранить духовную память и во многом связано со светски-религиозным характером правового регулирования наследственного права.

Согласно ст. 1010 Свода законов гражданских (изд. 1900 г.) духовное завещание представляет собой законное объявление воли владельца имущества на случай его смерти. Важно то, что закон позволял завещать имущество только лицу, имеющему законные основания на него, в собственность или во владение, пользование (ст. 1011, 1018 Свода законов гражданских). Духовные завещания могли быть удостоверены нотариально или в домашних условиях (ст. 1012 Свода законов гражданских). Удостоверение завещаний нотариусом регулировалось Положением о нотариальной части. Хотя завещания могли быть удостоверены и иными уполномоченными лицами при наличии обстоятельств, требующих вненотариального и внедомашнего их составления. Так, по ст. 1071 Свода законов гражданских завещания могли быть удостоверены военачальниками или другими служащими армии.

Духовные завещания должны были составляться в здравом уме и твердой памяти (ст. 1016 Свода законов гражданских). Недействительными признавались духовные завещания лиц, имеющих психические заболевания, не позволяющих им во время составления завещания осознавать значимость своих действий (завещание было, по сути, сделкой), и лиц, совершивших суицид (ст. 1017 Свода закона гражданских).

Наследование по закону возможно было между родственниками в порядке очередности или по линиям (ст. 1121 Свода законов гражданских). Женщины и

мужчины наследовали по закону на равных основаниях. К нисходящей линии относились родители, дети мужского и женского родов, затем внуки и правнуки (ст. 1127 Свода законов гражданских).

Законом от 3 июня 1912 г. «Закон о расширении прав наследования по закону лиц женского пола и права завещания родовых имений» наследственные права женщин получили дополнительные гарантии их реализации, позволяющие сохранить родовые имения как единый имущественный комплекс.

Таким образом, в начале XX в. правовое регулирование наследственных правоотношений имело светски-религиозный характер, основывалось на нормах Свода законов гражданских и нормах шариата. Наследование по завещанию представлялось со стороны законодателя приоритетным перед наследованием по закону институтом. Завещание могло быть составлено духовным лицом, в домашних условиях и нотариально. Однако, нельзя не признать, что с принятием Свода законов гражданских институт наследственного права получил нормативное упорядочивание, основу для дальнейшего эффективного развития и применения.

1. Алборова А.Г. Обычное гражданское право российских крестьян во второй половине XIX века: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.01 / А.Г. Алборова. - Нижний Новгород, 2007. - 30 с.
2. Закон от 3 июня 1912 г. «Закон о расширении прав наследования по закону лиц женского пола и права завещания родовых имений» // Собрание узаконений. - 1914. - № 107. - Ст. 914.
3. Крашенинников П.В. Наследственное право / П.В. Крашенинников. - М.: Статут, 2016. - 207 с.
4. Положение о нотариальной части от 14 апреля 1866 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. - Т. 41. - № 43186.
5. Свод Законов Гражданских: часть I том X Свода законов Российской империи // Гражданские законы (Свод законов, том X, часть I): с разъяснением их по решениям Правительствующего Сената (по изд. 1900 г.) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Классика российского права [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://civil.consultant.ru/elib/books/19/page_4.html.
6. Свод законов Российской империи (Репринтное издание) (Изд. 1900 г.) // Классика российского права: Справочная правовая система «КонсультантПлюс» // <http://civil.consultant.ru/code>.
7. Соленцова И.В. Завещание по своду законов Российской империи: понятие и гражданско-правовая природа // Северо-Кавказский юридический вестник. - 2012. - № 2. - С. 60-63.
8. Устав духовных дел иностранных исповеданий // Свод законов Российской империи (Изд. 1857 г.). Т. 11. Ч. 1. - СПб.: Тип. II Отд. Собств. Его Имп. Величества Канцелярии, 1857.
9. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 1. - М.: Статут, 2005. - 461 с.

Насибуллина Р.Р.

Основные тенденции развития отечественного наследственного права в советский и постсоветский периоды

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет»

doi: 10.18411/lj-10-2018-16

idsp: 000001:lj-10-2018-16

Аннотация

Целью подготовки данной статьи выступило проведение историко-правового анализа основных тенденций развития в России наследственного права, начиная с 1917 г. по настоящее время. Автор статьи в ходе исследования пришел к выводу, что развитие наследственного права в советский период было обусловлено политическими целями и задачами, стоящими перед советским государством. Также в статье обосновывается, что и в современный период развитие отечественного наследственного права продолжается, происходит поиск наиболее эффективных механизмов регулирования наследственных правоотношений. В виду это и в советский период, и в современный период выявляется тенденция к частому изменению и уточнению под

меняющиеся общественные отношения правовой основы формирования наследственного права.

Ключевые слова: наследственное право, РСФСР, СССР, Российская Федерация, декрет об отмене наследования, Гражданский кодекс РСФСР 1922 г., Гражданский кодекс РСФСР 1964 г., Гражданский кодекс Российской Федерации, наследование по закону, наследование по завещанию.

Annotation

The purpose of this article was to conduct historical and legal analysis of the main trends in the development of inheritance law in Russia, from 1917 to the present. The author of the article came to the conclusion that the development of inheritance law in the Soviet period was due to the political goals and objectives of the Soviet state. The article also substantiates that in the modern period the development of domestic inheritance law continues, the search for the most effective mechanisms of regulation of inheritance relations. In view of this, both in the Soviet period and in the modern period there is a tendency to frequent changes and clarification of the legal basis for the formation of inheritance law under the changing social relations.

Keywords: inheritance law, RSFSR, USSR, Russian Federation, decree on the abolition of inheritance, the Civil code of the RSFSR of 1922, the Civil code of the RSFSR of 1964, the Civil code of the Russian Federation, inheritance by law, inheritance by will.

В настоящее время в России идет реформа гражданского законодательства. Многие положения Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, в том числе, касающиеся исковой давности по требованиям, связанным с наследственными правоотношениями (п. 7.1.), уточнения гражданско-правового статуса владельца наследственного имущества как законного его владельца (п. 1 4.). Эти и другие нововведения, безусловно, повлекут изменения в нормы части третьей раздела V Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ), которая была введена в действие 1 марта 2002 г. Нормы данного раздела ГК РФ подробно регулируют всю совокупность наследственных отношений.

С правоприменительной позиции изменения в гражданском законодательстве (в частности, в ст. 1158 ГК РФ), регулирующем наследственные правоотношения относительно расширения правомочий наследодателей по распоряжению их имуществом на случай смерти, наследников по отказу от наследственного имущества в пользу иных лиц, которые приобрели законную силу с 1 сентября 2018 г., свидетельствует, что наследственное право как подотрасль гражданского права активно развивается и в современный период. Такая же тенденция была и в условиях переходного периода в России, в дореволюционный период. В этот период отмечалась попытка законодателя под влиянием изменений общественных отношений в российском государстве обеспечить наиболее оптимальное содержание норм о наследовании по закону и по завещанию.

До настоящего времени проблема наследования остается в центре внимания ученых. В правовой науке ведутся споры о самостоятельности наследственного права как отрасли права или ее подотраслевом характере по отношению к отрасли гражданского права, о необходимости принятия отдельного кодифицированного акта - Наследственного кодекса, которым бы регулировался весь комплекс наследственных правоотношений. Происходят и дискуссии о необходимости (или отсутствии таковой) дальнейшего развития законодательства о наследовании и в целом о развитии наследственного права.

Проблемы и особенности правового регулирования наследственных отношений в начале XIX в. развития российского государства в правовой науке достаточно

разработаны. Их изучали как дореволюционные (М.Ф. Владимирский-Буданов, А.И. Заговорский, Н.И. Костомаров, К.А. Неволин, К.П. Победоносцев, Л.И. Петражицкий, И.А. Покровский, и др.), советские (А.М. Нечаева, Я.Н. Щапов) ученые-правоведы, так и продолжают изучать современные представители науки истории государства и права России, различных отраслей прав, и др.

После 1917 г. подходы законодателя к правовому регулированию наследственных правоотношений, несмотря на то, что еще сохранялось некоторый период действие норм религиозного, обычного, имперского права, сохранение наследственного права как института гражданского права, существенно изменились. Во-первых, произошел отказ от сословной и светски-религиозной концепции к нормативному упорядочиванию наследственных правоотношений. Во-вторых, в первые годы советской власти правовой основой наследственного права стали декрет (Декрет ВЦИК от 27 апреля 1918 г. «Об отмене наследования»), а затем уже единые кодифицированные акты - гражданские кодексы, основы гражданского законодательства и отдельные подзаконные акты - указ Президиума Верховного Совета СССР.

Декрет ВЦИК от 27 апреля 1918 г. «Об отмене наследования» (далее - Декрет 1918 г.) безоговорочно отменил старое наследственное право, придав этой отмене обратную силу в отношении всех наследств, не поступивших во владение наследников до его издания, и одновременно установил новые правила перехода имущества умершего, правда, не назвав их наследованием. Декрет 1918 г. уравнивал в наследственных правах мужчин и женщин, родителей и детей, заложил главные принципы наследственного права (наследование по очередности, по кровнородственным связям и по признаку иждивения). Эти принципы в дальнейшем были восприняты Гражданским кодексом РСФСР 1922 г. (далее - ГК РСФСР 1922 г.).

Новые существенные изменения в правовое регулирование наследственных правоотношений привнес Указ 1945 г., изданный Президиумом Верховного Совета СССР «О наследниках по закону и завещанию». Этим нормативным правовым актом были расширен круг наследников по закону, впервые введены три очереди наследования, реорганизовано право наследования внуков и правнуков и снято ограничение по стоимости наследственной массы.

До 60-х годов XX в. в ГК РСФСР 1922 г. неоднократно вносились изменения, касающиеся права завещательного отказа, выморочного имущества при отсутствии наследников по закону. В 1961 году были приняты Основы гражданского законодательства, а в 1964 г. новый Гражданский кодекс РСФСР (далее - ГК РСФСР 1964 г.), которые закрепили четыре очереди наследников по закону и последовательную смену равнодолевых очередей наследования. При этом источниками законодательного материала для новой кодификации наряду с воспроизведенными в ГК РСФСР 1964 г. положениями Основ гражданского законодательства оставались и стали действовавшие правила ГК РСФСР 1922 г., других нормативных актов о наследовании, судебная практика применения этих правил.

Также необходимо отметить, характеризуя тенденции развития наследственного права в XX веке, что:

- советское государство стремилось создать с ранних этапов своего развития гарантии защиты прав наименее незащищенных субъектов наследования (супруг и ближайшие родственники умершего (нисходящие, восходящие, братья и сестры), если они являлись нетрудоспособными и не имели прожиточного минимума, получали от государства содержание из имущества, оставшегося после смерти (ст. 2 Декрета);
- в советский период продолжилось формирование субинститута выморочного имущества. Если все имущество умершего поступало к

государству, то государство принимало на себя обязанность из полученного имущества содержать нуждающихся нетрудоспособных супруга и ближайших родственников.

- в советский период предпринимались попытки привести в наследственное право политические аспекты. Так, Декрет от 27 апреля 1918 г. установил новый порядок наследования трудовой собственности. Декрет фактически упразднил лишь наследование частной собственности, в отношении же трудовой собственности наследование сохранялось. Однако Гражданский кодекс 1922 г. отказался от дальнейшего подразделения имущества умершего на трудовую и нетрудовую собственность, подразумевая наследование обеих;
- очередность наследования в первые годы советской власти была ограничена родственниками по прямой восходящей линии и полнородными и неполнородными братьями и сестрами (4 очереди по Декрету 1918 г., 3 очереди по ГК 1922 г.). Указанные лица получали имущество независимо от их трудоспособности и нуждаемости;
- длительный период времени, вплоть до 2000-х годов, государство устанавливало и взимало налог на наследство. По Декрету ВЦИК от 11 ноября 1922 г. «О наследственных пошлинах» наследники обязаны были платить пошлину в размере 4% стоимости наследственной доли. Если же стоимость превышала указанную стоимость (в случаях, предусмотренных примечанием к статье 416 ГК РСФСР и статье 17 Положения о государственных сберегательных кассах), с каждой следующих 10 тыс. золотых рублей пошлина повышалась на 4%, однако общая сумма наследственной пошлины не могла превышать 50% стоимости наследства;
- уже с 20-х годов XX в. (с ГК 1922 г.) сформировалась устойчивая тенденция к признанию наследования по закону и завещанию. При этом наследованию по завещанию имело доминирующее значение;
- в связи с изменением товарно-денежных отношений, рыночной экономики, создания правового государства возникла необходимость в детальном пересмотре и внесении изменений в гражданское законодательство уже в переходный период.

На основании изложенного становится очевидным, что в истории советского периода институт наследования подвергался изменениям, причем предпринимались даже попытки его ликвидации, как в 1918 г. и его восстановления в 1922 г. В условиях такой «чехарды» нормы наследственного права носили ограниченный, ущербный характер. В современный период институт наследственного права в рамках отрасли гражданского права и на основе ГК РФ активно развивается с учетом формирующихся новых общественных отношений.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (в ред. Федерального закона от 3 марта 2018 г. № 292-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 49. - Ст. 4552; 2018. - № 32 (ч. 1). - Ст. 5085.
2. Гражданский кодекс РСФСР (прин. 4-й сессией ВЦИК IX созыва 31 октября 1922 г., введ. в действие с 1 января 1923 г.) // Свод узаконений РСФСР. - 1922. - № 71. - Ст. 904.
3. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г., утр. силу в связи с 1 июля 2003 г. в связи с принятием Федерального закона от 14 июля 2002 г. № 137-ФЗ) // Ведомости ВС РСФСР. - 1964. - № 24. - Ст. 407; Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 46. - Ст. 4531.
4. Декрет ВЦИК от 27/14 апреля 1918 г. «Об отмене наследования» // Собрание узаконений. - 1918. - № 34. - Ст. 456.

5. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобр. Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник ВАС РФ. - 2009. - № 11.
6. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. «О наследовании по закону и завещанию» // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1945. - № 15.
7. Федеральный закон от 15 февраля 2016 г. № 22-ФЗ «О внесении изменения в статью 1158 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2016. - № 7. - Ст. 910.

Попова О.А.

Удержания из заработной платы: проблемы и перспективы

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение «Якутская государственная сельскохозяйственная академия»
(Россия, Якутск)*

doi: 10.18411/lj-10-2018-17

idsp: 000001:lj-10-2018-17

Аннотация

В данной статье рассматривается проблема удержания из заработной платы. В настоящее время на практике работники зачастую не исполняют свои обязательства по возмещению причиненного вреда имуществу работодателя и третьих лиц по объективным причинам. Невысокая оплата труда, низкая квалификация, наличие детей, тяжелое материальное положение способствуют тому, что работник не в силах найти средства по исполнению своих обязательств. Выявлена и обоснована необходимость внесения дополнений в действующие нормативно-правовые акты.

Ключевые слова: труд, работник, заработная плата, ответственность, удержание.

Право каждого на труд, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда закреплен ст. 37 Конституции Российской Федерации [1]. Труд без вознаграждения приравнен к принудительному труду и запрещен на законодательном уровне.

Вопрос оплаты труда, тем более достойной оплаты волновал все поколения независимо от их социального происхождения и статуса. Ведь уровень жизни в рыночных отношениях напрямую зависит от дохода, который мы имеем. И каждый человек, проживая жизнь стремиться обеспечить себя и своих близких, иметь «лишний» кусок и быть уверенным в завтрашнем дне. Какой должна быть достойная оплата труда? Скорее всего, ответа на этот вопрос не найдем. Даже, несмотря на то, что есть средний региональный уровень, который не соответствует действительности, объединяя все слои населения, делит на части. Не всем дано быть бизнесменами с многомиллионными прибылями, топ - менеджерами крупных компаний или успешными руководителями, таковыми становятся лишь единицы. Большинство населения это люди со средним или как им кажется небольшим достатком, и они искренне не понимают, откуда берутся такие высокие показатели среднего уровня заработной платы по региону. При исчислении средней заработной платы по региону, для прозрачности и реальности показателей, следовало бы руководящий состав отделить от вспомогательного, рабочий класс от элиты. Государство стремится уравнивать заработную плату, принимая различные меры, в том числе ставя вопрос о размерах заработной платы и созависимости их между руководителем и подчиненным, однако эффективных и действенных мер до сих пор не найдено. Найти истинный показатель удовлетворенности оплатой труда всех категорий работников представляется маловероятным. Объективно степень напряженности, сложности, загруженности, опасности и прочего не свести в один показатель, и как бы то не хотелось достойная оплата труда всегда останется вопросом сложным. Из заработной платы любого работника производятся удержания. Удержание – это часть суммы заработной платы гражданина, которую он недополучает на законных основаниях.

Удержания бывают: обязательные удержания, удержания по инициативе работника или работодателя.

Обязательные удержания никак не находятся в зависимости ни от работника, ни от работодателя. К ним причисляются налог на физических лиц и удержания по исполнительным документам. Также не стоит забывать и про НДФЛ. Правила НДФЛ регулируется главой 23 Налогового кодекса РФ [2]. Удержание НДФЛ из заработной платы в 2018 году исполняются в базе налоговой основы, налоговых вычетов и ставок по налогу. Подчеркнем тот факт, что это применяется только для резидентов России. Объем налоговой ставки в зависимости от отдельных доходов может составлять: для резидентов РФ — 9%, 13% и 35%; для нерезидентов РФ — 30%.

В случае если гражданин зарабатывает минимальный заработок, что ниже прожиточного минимума в его районе, то это никак не спасет его от уплаты налогов, он будет их оплачивать согласно единым нормам. Но, если он имеет высокий доход, то возникает желание их сохранить и не оплачивать предусмотренные законом обязательства, так появляется заработная плата «в конверте». Работодатель зачастую сам вынуждает работника соглашаться с заработной платой «в конверте», так как ему вдвойне выгодно не нести бремя содержания работника, освобождаясь от всех обязательств перед работником и государством. Многие работники вынужденно соглашаются с такими условиями труда, так как боятся потерять работу, а отдельные работники не задумываются о последствиях такого труда, обманываясь чуть большим доходом. Отсюда вытекает проблема теневой оплаты труда. Скрытие явной зарплаты, преуменьшено занижает выплату страховых взносов работодателю, перечисляемых в ПФР, приводит к нарушению прав гражданина на трудовую пенсию в полном объеме. А также, ограничение на социальные блага, которое предоставляет государство, т. е. хорошо оплачиваемый больничный лист, отпускные, достойную пенсию, медицинские услуги и т. д.

Помимо обязательных удержаний есть удержания по инициативе работодателя. Как правило происходит вследствие виновного нарушения работником собственных трудовых обязательств по сохранности собственности либо других ценностей организации. Пределы материальной ответственности (ограниченная или полная) в трудовом праве дифференцированы в зависимости от характера допущенного работником правонарушения, вида имущества, которому нанесен ущерб, трудовой функции, выполняемой работником, а в ряде случаев – орган по рассмотрению трудовых споров может с учетом степени и формы вины, материального положения работника и других обстоятельств снизить размер ущерба, подлежащий взысканию с работника [3].

Ст.57 Устава о промышленном труде определяла: «при расчетах за взятые рабочим денег вперед, а равно в случае предъявления исполнительного листа на денежное взыскание с рабочего с заработка рабочего при каждой отдельной расплате не могло быть удерживаемого более 1/3, если рабочий холост, и 1/4 если рабочий женат или вдов, но имеет детей» [4, С.109]. Так, в отличие от современного Трудового кодекса фабричное законодательство ставило максимальный размер удержаний из заработной платы в прямую зависимость от семейного положения работника, что целесообразно было бы предусмотреть в ч.1 ст. 250 ТК РФ.

Это несомненно является актуальным, т. к. на практике могут происходить различные ситуации. А обычный статистический гражданин России не способен сразу компенсировать огромный ущерб. Например, удержания из заработной платы для возмещения ущерба, причиненного работником работодателю. Порча материалов, оборудования, недостача финансовых и имущественных ценностей и т. п. Как известно нынешние оборудования (мебель, техника и тому подобное) стоят не малых денег, даже тот самый простой компьютер стоит в среднем около 25 000 рублей. А обычный работник, у которого предположим, заработная плата в среднем в месяц составляет порядка 30 000 рублей, в случае порчи имущества работодателя не сможет возместить всю сумму сразу. Однако стоит еще взять во внимание семейное положение данного работника. Ведь у него могут быть на иждивении его родители, супруг(а), дети, братья или же сестра. Возможно, что гражданин имеет статус: отец(мать) одиночка, вдовец(ва), многодетная семья или иное положение. Если у работника заработная плата

так же составит 30000 рублей (не беря в счет удержания из заработной платы), то он явно не сможет просто-напросто прокормить семью, не говоря уже об оплате жилищных и коммунальных услуг. Вследствие этого возникает конфликт между работником и работодателем. Для разрешения таких споров есть специальный орган, который разрешает такие обстоятельства. Орган по рассмотрению трудовых споров.

Между тем нуждается в уточнении положение ч.1 ст.250 ТК РФ о том, какой орган по рассмотрению трудовых споров может снизить размер ущерба, подлежащий взысканию с работника, поскольку по действующему законодательству это относится только к компетенции суда. В целях защиты интересов работника можно было бы предусмотреть в действующем трудовом законодательстве возможность снижения размера ущерба, подлежащего взысканию с работника не только судом, но и федеральной инспекцией труда.

От бережливого отношения работника к имуществу работодателя в значительной мере зависит успешное формирование экономики в перспективе, материальная ответственность - есть один из важных средств, обеспечивающих стандартное развитие экономического оборота, устойчивость трудовых отношений.

1. Российская Федерация. Конституция (1993) Конституция Российской Федерации : офиц. текст. – М. : Маркетинг, 2001. – 39 с. ISBN 978-5-392-27180-1
2. Российская Федерация. Законы. Налоговый кодекс : федер. закон : [принят Гос. Думой 16 июля 1998 г. : одобр. Советом Федерации 17 июля 1998 г.]. элек. доступ <http://www.consultant.ru>.
3. Российская Федерация. Законы. Трудовой кодекс : федер. закон : [принят Гос. Думой 21 декабря 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 декабря 2001 г.]. элек. доступ <http://www.consultant.ru>.
4. Киселев И. Я. Трудовое право России. Историко-правовое исследование : учеб. пособие / И. Я. Киселев. — М. : НОРМА, 2001. — 384 с. ISBN 5-89123-503-X
5. Потапова А. А. Трудовое право. Самое важное : учеб. пособие / А. А. Потапова. - Москва: Проспект, 2016. - 149 с. ISBN: 978-5-9988-0249-2
6. С. Ю. Головина, Трудовое право : учебник для бакалавров / С. Ю. Головина, Ю. А. Кучина ; под общ. ред. С. Ю. Головиной. — 2-е изд., пер. и доп. — М. : Юрайт, 2014. — 398 с. ISBN: 978-5-9916-3230-0
7. Жуков А. Л. Регулирование заработной платы : современные тенденции и пути реформирования / А. Л. Жуков. — М.-Берлин : Директ-Медиа, 2018. — 410 с. ISBN: 978-5-4475-4725-7
8. Щербакова А. А. Оплата труда в Российской Федерации. Современное состояние и проблемы / А. А. Щербакова. — М. : Лаборатория книги, 2010. — 40 с. ISBN: 978-5-905855-82-5
9. Рофе А.И. Словарь – справочник по экономике труда / А. И. Рофе. — М.-Берлин : Директ-Медиа, 2017. — 376 с. ISBN: 978-5-4475-92-67-7
10. Н. В. Наумова, Л. А. Жарикова Учет труда и заработной платы : учеб. пособие / Н. В. Наумова, Л. А. Жарикова. Тамбов: Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 72 с. ISBN 5-8265-0603-2 (978-5-8265-0603-5)

Салина Е.С.

Баланс публичных и частных интересов в правовом регулировании национальной платежной системы: поиск ориентиров

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/lj-10-2018-18

idsp: 000001:lj-10-2018-18

Аннотация

В статье анализируются понятия публичного и частного интереса в общеправовом смысле, а также в аспекте правоотношений в национальной платежной системе. Автором высказана позиция о необходимости инкорпорации публичных интересов в качестве приоритета деятельности частных субъектов посредством создания необходимого правового регулирования, обеспечивающего защиту частных интересов.

Ключевые слова: национальная платежная система, баланс частных и публичных интересов, платежные услуги.

Интерес как социальное явление представляет собой «общественное отношение, содержанием которого является потребность, имеющая социальный характер (значение) и проявляющаяся в осознании и реализации целей» [1, с. 8]. При этом такие отношения могут быть предметом правового регулирования, в частности предметом финансового права [2, с. 54-55], поскольку основным предназначением права является обеспечение справедливой, рациональной и эффективной реализации общественных интересов в форме соответствующих правоотношений.

В то же время интересы тех или иных субъектов общественных отношений могут влиять на сущность, цели и приоритеты правового регулирования таких отношений. Они могут отражать позицию и потребности коллективных (например, население или его отдельная социальная группа) или индивидуальных (например, государственный орган или конкретный индивид) субъектов права. Большинство социально значимых интересов объективно находятся в сфере правового регулирования, что является причиной появления такой категории как законный интерес, а также обуславливает наличие интересов личных (или коллективных – физических и юридических лиц, а также их групп и объединений в некоторых случаях) и общественных (как интересы всего общества и государства в целом) [3, с. 5-7].

Таким образом, с учетом объективных процессов создания правовых норм государством в целях регулирования и легализации соответствующих общественных отношений в целом все интересы, влияющие на право и проявляющиеся в нем, могут быть представлены как публичные и частные интересы **по критерию носителя интереса и его направленности**.

Общезначимые, публичные интересы предназначены для обеспечения деятельности всех институтов гражданского общества, поскольку они представляют собой «признанные государством и обеспеченные правом интересы социальной общности, удовлетворение которых служит условием и гарантией ее существования и развития» [2, с. 54-55]. При этом многие авторы отмечают, что **государство как основной носитель публичного интереса** призвано обеспечить сочетание в нем интересов всего общества, нации с конкретными индивидуальными интересами (например, своими интересами как самостоятельного субъекта рыночных отношений) или интересами, имеющими временный характер или значимость.

С учетом сказанного выше под **публичным интересом**, на наш взгляд, следует понимать признанный государством и обеспечиваемый им соответствующими правовыми нормами общественно значимый интерес, реализация или учет которого необходим для целей управления общественными отношениями и их развития. Из этого следует важная особенность государственной деятельности, которая состоит в возможности преломления общественных интересов в процессе ее осуществления [5, с. 75]. Обязательное наличие в публичном интересе социальной составляющей позволяет говорить об особом предназначении финансового права и о его неявном принципе – **принципе социальной направленности финансово-правового регулирования** [6, с. 39].

В свою очередь частный интерес состоит в конкретных интересах физических и юридических лиц, социальных групп (коллективных интересах). Их выражение и реализация может происходить посредством различных методов, причем могут использоваться как механизмы, не соответствующие законодательству, так и действия в обход закона. Использование подобных методов достижения частным субъектом своих интересов, по нашему мнению, как правило связано с **противоречивостью индивидуальных и общественных**, в том числе государственных, интересов.

Основным приоритетом деятельности частных субъектов права, в особенности, организаций является сохранение и увеличение собственного капитала, благосостояния

и сокращение издержек экономической деятельности. Как правило, именно в этой сфере и сталкиваются интересы государства и бизнеса.

Это связано с тем, что бизнес сообщество имеет непосредственный доступ к гражданам, к потребителям в целом, а результатом деятельности организаций является удовлетворение интересов и потребностей потребителей, в том числе в сфере финансовых услуг.

Банк, осуществляя свою экономическую деятельность в рамках имеющейся у него лицензии на осуществление банковских операций, не только извлекает экономическую выгоду для себя, но и обеспечивает доступ потребителей (как граждан, так и иных организаций) к необходимым им финансовым услугам, например, к платежным услугам. Наличие такой прямой связи и взаимной заинтересованности между бизнесом и потребителем, по нашему мнению, предоставляет государству возможность реализовывать свои и общественно значимые интересы посредством регулирующего влияния на такие отношения или на их субъектов.

Таким образом, взаимодействие частных и публичных интересов, влияние публичных интересов на правоотношения, возникающие между частными субъектами, и наоборот проявляется в том, что экономическая деятельность в настоящее время уже не предопределяется только экономическим ростом и стремлением обогатиться. Одной из целей экономической деятельности или важным влияющим на нее фактором становятся общегосударственные интересы и необходимость их реализации и защиты.

Таким образом, цель права заключается в «нахождении компромисса между публичными и частными интересами через законодательство, являющееся средством выражения публичного интереса» [3, с. 10].

Проявление и реализация публичных и частных интересов отмечается в одной из ключевых сфер финансовой деятельности государства – в правовом регулировании денежного обращения как института, обеспечивающего экономическую (денежную) связь секторов экономики государства. Отношения, возникающие в рамках института денежного обращения, обеспечивают и опосредуют как сделки, так и операции государственно-важного значения.

В случае когда финансовые правоотношения (например, возникающие при осуществлении перевода денежных средств в целях исполнения денежного обязательства по гражданско-правовой сделке или исполнение обязанности по уплате налога посредством уплаты налога в банке) опосредуют частный интерес, интересы физических лиц, организаций во взаимоотношениях между собой и с государством, то «они складываются с целью достижения гражданско-правового результата, а именно приращения или умаления чьего-то имущества, совершения гражданско-правовой по своим последствиям сделки» [8, с. 60-63].

С учетом изложенного, отмечаем, что часть правоотношений, связанных с оказанием платежных услуг, которые по своей правовой природе являются гражданско-правовыми и опосредуют в первую очередь экономическую деятельность частных субъектов рынка, регулируются государством посредством императивных методов или, во всяком случае, ощущают на себе влияние публичного интереса.

Процесс формирования законодательства о национальной платежной системе, в первую очередь Федерального закона «О национальной платежной системе», доказывают это, поскольку необходимость его разработки возникла по причине недостаточности законодательного регулирования оказания платежных услуг гражданским законодательством, в частности, главами 42 («Заем и кредит»), 44 («Банковский вклад»), 45 («Банковский счет») и 46 («Расчеты») Гражданского кодекса Российской Федерации. Гражданское законодательство о платежных услугах, в частности о договоре банковского счета и формах расчетов, регулирует отношения между профессиональными участниками рынка платежных услуг (кредитные

организации, банковские агенты и банковские платежные агенты) и потребителями, пользователями финансовых услуг, устанавливая при этом минимальные гарантии для защиты интересов сторон указанных правоотношений. Такие «рамочные» нормы и возможность использования принципа свободы договора обеспечивают реализацию частных интересов, но в незначительной степени гарантируют надлежащее и своевременное оказание платежной услуги при соблюдении прав и законных интересов потребителя такой услуги.

Гражданское законодательство по объективным причинам в силу своего предмета правового регулирования не предназначено напрямую для установления организационных основ рынка платежных услуг [с. 7-8], то есть институциональный блок рынка платежных услуг, представленный субъектами национальной платежной системы, руководствуется нормами гражданского права при оказании платежных услуг потребителю, но не при организации их оказания.

В связи с этим **предназначением законодательства о национальной платежной системе** (не только соответствующих федеральных законов, но и нормативных актов Банка России, иных нормативных правовых актов) является организация отношений по оказанию платежных услуг, установление требований к их качеству и порядку оказания, обеспечивающих бесперебойность и доступность рынка платежных услуг, а также (что для нашей страны в последнее время стало наиболее актуально) его независимость.

При регулировании и организации функционирования определенной сферы финансовой деятельности, в особенности в такой, где частные и публичные интересы не только взаимосвязаны, но и могут зависеть друг от друга (в частности национальной платежной системы), **необходимо исходить из достижения баланса** указанных выше интересов в целях недопущения, с одной стороны, нарушения прав потребителей платежных услуг, а с другой – создания риска для платежного и **финансового суверенитета** государства.

Как представляется, баланса публичных и частных интересов можно достичь посредством установления таких регулирующих и охранительных норм, которые позволили бы **инкорпорировать общественные интересы в приоритеты деятельности бизнеса, не ущемляя при этом его самостоятельность и коммерческую направленность** предпринимательской деятельности субъектов национальной платежной системы.

1. Крохина Ю.А. Принцип сочетания частных и публичных интересов в финансовом праве // Финансовое право. - М.: Юрист, 2012, № 5.
2. Тихомиров Ю.А. Публичное право. М., 1995.
3. Публичные и частные интересы в финансовом праве / рук-ль авт. кол.-ва Е.И. Спектор. Москва, Юстицинформ, 2011.
4. Финансовое право России: Учебник / Ю.А. Крохина. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма : ИНФРА-М, 2015.
5. Курбатов А.Я. Сочетание частных и публичных интересов в правовом регулировании предпринимательской деятельности. М., 2001.
6. Финансовое право: Учебник / отв. ред. Н.И. Химичева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2002.
7. Рябова Е.В. Принцип баланса интересов предпринимателей и публичных интересов государства // Юрист, № 6, 2016.
8. Запольский С.В. Дискуссионные вопросы теории финансового права. Монография - М. : РАП, Эксмо, 2008.
9. Арзуманова Л.Л., Рождественская Т.Э., Костюк И.В., Малунова З.А., Пушкин А.В., Рябова Е.В., Хоменко Е.Г., Байтенова А.А. Комментарий к Федеральному закону от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (постатейный) // Подготовлен для системы «Консультант Плюс».

Сулайманова А.Э.¹, Джоробеков Т.М.², Абдикерим кызы Г.³

К вопросу о профилактике вандализма

¹Национальная академия наук Кыргызской Республики
(Кыргызстан, Бишкек)

²Ошский государственный университет

³Ошский государственный юридический институт
(Кыргызстан, Ош)

doi: 10.18411/lj-10-2018-19

ids: 000001:lj-10-2018-19

Аннотация

В настоящей статье авторами рассматриваются вопросы, связанные с криминологическими особенностями профилактики вандализма. В статье авторы делают вывод о том, что основой профилактики вандализма на индивидуальном и специальном уровнях, проводимых государственными органами, осуществляющими борьбу с преступностью является комплекс мер организационно-профилактического характера, направленный на предупреждение совершения противоправных действий со стороны отдельных лиц.

Ключевые слова: вандализм, уголовная ответственность, уголовное законодательство, преступления против общественного порядка, общественная нравственность, профилактика преступлений, профилактика вандализма.

В современный период вандализм как общественно опасное явление продолжает иметь место в нашем обществе и причиняет вред не смотря на то, что по уголовному законодательству предусмотрена ответственность за такие деяния. Последствия вандализма ощущаются не только в наступлении материального ущерба, убытков, но и в социальной напряженности. Учитывая распространенность данного преступного деяния среди несовершеннолетних и молодежи, а также возникновение новых форм и способов распространения данного деяния, необходимо предпринимать упреждающие меры. В силу этого важным направлением деятельности государственных органов, общественных и неправительственных организаций, а также граждан является профилактика вандализма.

Следует подчеркнуть, что проблемы разработки комплекса мер, направленных на предупреждение преступных явлений среди лиц, не достигших совершеннолетия поднимались среди ученых теоретиков, практических работников правоохранительных органов и всей общественностью.

В соответствии с Законом Кыргызской Республики «О профилактике правонарушений в Кыргызской Республике» под профилактикой правонарушений понимается деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, общественных организаций, трудовых коллективов, должностных лиц и граждан Кыргызской Республики, направленная на выявление, изучение, устранение и нейтрализацию причин и условий, способствующих совершению противоправных деяний, обеспечение благоприятных условий жизни и индивидуального воспитания определенных категорий лиц, в действиях которых имеется антиобщественная направленность, активизацию факторов, стимулирующих законопослушное поведение граждан, разработку и осуществление системы правовых, социально-экономических, организационных, воспитательных, специальных и иных мер по предупреждению противоправных деяний.

Профилактические мероприятия направлены против лиц, совершающих правонарушения, которые могут быть определены как объекты профилактического воздействия. Согласно Закону Кыргызской Республики «О профилактике правонарушений» субъектами такого вида деятельности являются государственные

органы, органы местного самоуправления, общественные организации и объединения, предприятия, учреждения и другие хозяйствующие субъекты независимо от форм собственности, должностные лица, а также отдельные граждане Кыргызской Республики, граждане иностранных государств и лица без гражданства, проживающие на территории Кыргызской Республики.

Взаимосвязь, взаимозависимость и общая направленность действий всех субъектов профилактики преступлений, характеризуются, как «внутренне единая система субъектов специфического вида социальной деятельности».

По содержанию все меры предупреждения подразделяют на два основных вида – социальная профилактика и криминологическая профилактика. Общее предупреждение преступности В.Н. Кудрявцев, Г.М. Миньковский видят как систему пресечения «формирования функционирования криминогенных процессов в обществе, связи между этими процессами и формированием личности; связей между личностями и ситуацией совершения преступлений».

По способу осуществления профилактика правонарушений подразделяется на общую и индивидуальную. Согласно ст. 18 Закона КР «О профилактике правонарушений» общая профилактика правонарушений направлена на устранение (нейтрализацию) причин и условий правонарушений в республике и осуществляется путем: выявления и изучения правонарушений как негативного социального явления, конкретных видов правонарушений; выявления и устранения причин отдельных правонарушений и условий, способствующих их совершению, ликвидации обстоятельств, делающих объективно возможным совершение правонарушений или облегчающих их совершение; разработки и реализации комплексных планов профилактики правонарушений; устранения и нейтрализации причин и условий, способствующих совершению отдельных правонарушений и преступлений, выявленных в ходе их расследования правоохранительными органами и судебного разбирательства органами правосудия; пропаганды правовых знаний, обучения и воспитания населения, изучения общественного мнения, материалов средств массовой информации, сообщений должностных лиц, представителей общественности, писем и заявлений граждан по вопросам, касающимся профилактики правонарушений; проведения выездных заседаний суда с участием широкого круга общественности по рассмотрению отдельных уголовных дел по месту их совершения; проведения периодических отчетов органов внутренних дел перед населением о проделанной работе по борьбе с преступностью и правонарушениями; проведения комплексных оперативно-профилактических мероприятий; оказания помощи семьям и детям, находящимся в трудной жизненной ситуации, по выходу из трудной жизненной ситуации.

Осуществление индивидуальной профилактики является исключительной компетенцией правоохранительных органов. Индивидуальная профилактика направлена на предупреждение правонарушений со стороны лиц, ранее совершавших правонарушения и преступления, а также лиц, от которых, судя по их антиобщественному поведению, можно ожидать совершения противоправных деяний.

Индивидуальная профилактика осуществляется путем: регистрации лиц, нуждающихся в применении профилактических мер; вызова либо официального привода в орган, обладающий правом применения профилактических мер, для проведения профилактической беседы; официального вынесения для предостережения о недопустимости противоправного поведения и возможных последствий; проверки образа жизни и поведения лица по месту жительства, работы и учебы.

К несовершеннолетним могут быть применены: профилактический патронаж, который осуществляется общественными воспитателями, назначенными комиссиями по делам несовершеннолетних при областных, районных, государственных

администрациях и других органах самоуправления; направление в лечебно-воспитательные учреждения, специальные школы и специальные профессионально-технические училища, центры адаптации и реабилитации для несовершеннолетних и др.

Системой профилактики вандализма должны охватываться все сферы общества, в которых формируются негативные черты. Следует обращать внимание на причинно-следственную зависимость. Так, необходимо выявлять те социальные институты, в которых происходит деформация социальных ценностей, происходит искажение потребностей, которые ведут к различного рода нарушениям установленных норм.

Проводимая в Кыргызстане судебно-правовая реформа заложила основы государственной политики по профилактике преступлений. Усилия государства по укреплению правовой системы, морально-нравственному воспитанию, созданию условий для саморазвития и личностного роста, исключая социальные-негативные факторы, влекущие совершение общественно опасных деяний, связанных с вандализмом должны дать свои положительные результаты.

Представляется важным при проведении профилактических мероприятий учитывать специфику объекта профилактики. Так как преступные деяния взрослых имеют свои отличительные особенности от правонарушающего поведения несовершеннолетнего, необходимо при проведении индивидуально-профилактических работ с лицами, не достигшими совершеннолетия основываться на данных социальных педагогов и психологов. Как правило, отсутствие воспитания в семье, должного контроля со стороны родителей или лиц, их заменяющих за посещаемостью и успеваемостью в школе, времяпрепровождением подростка приводит к асоциальному поведению, в том числе и вандализму.

В целях воспитания у подростков и молодежи позитивного отношения к природе, человеческому труду, предметам творческой деятельности необходимо в рамках внеклассной школьной программы использовать тематические занятия с выездом и изучением памятников истории, культуры, архитектуры, а также привлекать несовершеннолетних, склонных к вандальному поведению, в социально-полезную работу вне учебных занятий, к примеру, по охране культурного наследия и т.д.

В процессе проведения профилактических бесед с обучаемыми по вопросам сохранности имущества школы, разъяснения к чему приводит порча школьного инвентаря, к какому материальному ущербу, апеллирование данными статистики стоимости инвентаря и сложности, связанные с устранением данного ущерба за счет средств школы, дает хороший результат в понимании последствий вандализма.

Раннее выявление у подростков со стороны взрослых (родителей, педагогов и др.) деструктивных установок, побуждений и агрессии, а также проявление неослабленного внимания к ним позволит в дальнейшем перенаправить асоциальное их поведение в социально-полезную деятельность.

Большая роль в профилактике вандализма отводится инспекторам по делам несовершеннолетних, которые в пределах своей компетенции проводят воспитательную работу с несовершеннолетними, находящимися на профилактическом учете, оказывают помощь в трудоустройстве, а также осуществляют иные мероприятия.

Следует шире вовлекать общественные и неправительственные организации, а также молодежные движения (например, Манас, Сейтек, Семетейи др.) по вопросу охраны общественного порядка, как по городу, так и в общественном транспорте, и предупреждения фактов вандализма.

Как нам представляется, что рекомендуемые мероприятия, рассмотренные выше, служат своего рода профилактической базой общесоциальным мерам предупреждения преступности, поскольку их общая направленность на решение задачи обеспечения стабильного социального развития создает основы для ограничения преступных действий.

Необходимо подчеркнуть и о проводимых сотрудниками органов внутренних дел профилактических мер специально-криминологического характера, которые носят принудительную направленность и четкую регламентированность законодательными актами.

В соответствии с Законом Кыргызской Республики «Об органах внутренних дел КР» профилактическая деятельность сотрудников органов внутренних дел нацелена на устранение причин и условий, которые способствуют совершению преступлений. В ходе выполнения своих функциональных обязанностей по борьбе с преступностью и правонарушениями сотрудники ОВД должны использовать оперативные меры для выявления и раскрытия такого преступления как вандализм, который имеет большую латентность.

Таким образом, основой профилактики вандализма на индивидуальном специальном уровнях, проводимые государственными органами, осуществляющими борьбу с преступностью является комплекс мер организационно-профилактического характера, направленная на предупреждение совершения противоправных действий со стороны отдельных лиц.

1. Закон Кыргызской Республики № 82 «О профилактике правонарушений в Кыргызской Республике» от 25 июня 2005 года.
2. Закон Кыргызской Республики № 1360-ХІІ «Об органах внутренних дел Кыргызской Республики» от 11 января 1994 года.
3. Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. – М., 2001.
4. Джоробекова А.М. К вопросу о совершенствовании организационной работы субъектов профилактики преступлений несовершеннолетних. // Известия вузов. №7, 2009.
5. Игошев К.Е., Шмаров И.В. Социальные аспекты предупреждения правонарушений. – М.: Юридическая литература, 1980. – С. 25.
6. Литвинов А.Н. Предупреждение преступлений и правонарушений. Профилактическая работа с населением: научно-практическое пособие. – М., 2004. – С. 14.
7. Профилактика правонарушений среди несовершеннолетних. – Бишкек, 2016.
8. Теоретические основы предупреждения преступности. – М.: Юридическая литература, 1997. – С. 31.

Сулайманова А.Э.¹, Джоробеков Т.М.², Абдикерим кызы Г.³

Вандализм и его отличие от иных смежных составов преступлений по уголовному законодательству Кыргызской Республики

¹Национальная академия наук Кыргызской Республики
(Кыргызстан, Бишкек)

²Ошский государственный университет

³Ошский государственный юридический институт
(Кыргызстан, Ош)

doi: 10.18411/lj-10-2018-20

idsp: 000001:lj-10-2018-20

Аннотация

В данной статье рассматривается характеристика вандализма, раскрываются его признаки, показаны особенности отграничения состава вандализма от иных смежных составов преступлений по уголовному законодательству Кыргызской Республики.

Ключевые слова: вандализм, уголовная ответственность, уголовное законодательство, преступления против общественного порядка, общественная нравственность.

В соответствии с уголовным законодательством Кыргызской Республики ответственность за вандализм предусмотрена ст. 235 УК. Данный состав расположен в главе 24 «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Согласно ст. 235 УК вандализм - это осквернение зданий или иных сооружений надписями, грубо оскорбляющих общественную нравственность, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах.

Говоря о признаках вандализма, необходимо указать, что объектом данного преступления является общественный порядок, а объективной стороной вандализма является осквернение зданий или иных сооружений надписями, грубо оскорбляющих общественную нравственность, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах. При этом, под осквернением понимается нанесение на сооружения, здания или транспорт надписей или рисунков непристойного содержания. Надписи нецензурного содержания могут быть нанесены на дома, административные здания, заборы, памятники и т.д. Необходимо указать, что порчей имущества следует понимать повреждение (как частичное, так и полное) или его уничтожение, то есть приведение данного имущества в непригодное для использования состояние. Порча имущества возможна только в общественных местах, то есть местах общего пользования. К примеру, порча кресел в кинотеатре, порча мебели в школе или в аудитории какого-нибудь учебного заведения.

В главе 24 УК КР расположены и другие составы преступлений, объектом которых выступают общественные отношения в сфере общественного порядка. В связи с этим требуется провести отграничение вандализма от других составов преступлений. В частности, показать, чем отличается состав вандализма от состава хулиганства. Несмотря на то, что имеются определенные сходства по объекту преступления, эти составы имеют отличие по объективной стороне преступления.

Под хулиганством в ст. 234 УК понимаются умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок или нормы общепринятого поведения, сопряженные с насилием либо угрозой его применения, а равно с уничтожением или повреждением имущества. Итак, по объективной стороне хулиганство выражается только в общественно опасных действиях, которые свидетельствуют о проявлении явного неуважения к обществу. Грубое нарушение норм общепринятого поведения выражается в открытом демонстративном пренебрежении виновным лицом общепринятыми нормами и правилами поведения в обществе. Так, к признаку явности неуважения к обществу следует отнести нарушение установленных правил поведения, которое совершается умышленно и демонстративно. Например, проявление бесчинства, упорного неподчинения к требованиям о прекращении противоправных действий, унижительного и грубого обращения с другими лицами и так далее. Уничтожение имущества при хулиганстве заключается в полном приведении в негодность чужого имущества, а повреждение имущества означает нарушение целостности чужого предмета, поломку механизмов и т.п., что требует ремонта (восстановления).

Из вышесказанного следует, что вандализм отличается от хулиганства, который сопровождается уничтожением или повреждением чужого имущества и тем, что общественно опасные действия при вандализме носят менее общественно опасный характер, а также и меньшей интенсивностью. В то время как при хулиганстве действия имеют публичный (общественный) характер, что не примечательно для вандализма.

Необходимо провести отличие вандализма от состава преступления, предусмотренного ст. 174 УК - умышленного уничтожения или повреждения имущества. Объектом данного состава преступления, в отличие от вандализма, является собственность. По конструкции состав умышленного уничтожения или повреждения имущества является материальным, то есть в качестве обязательного признака здесь выступает наступление общественно опасных последствий в виде причинения значительного ущерба, в то время как состав вандализма является формальным, согласно которому преступление считается оконченным в момент совершения общественно опасного деяния.

Объективной стороной умышленного уничтожения или повреждения имущества является противоправное уничтожение или повреждение чужого имущества, причинившее значительный ущерб. Под повреждением понимается причинение такого вреда вещи (имуществу), когда хозяйственная или иная ее ценность понижается, или она становится непригодной без восстановления или исправления ее для дальнейшего использования. Под уничтожением понимается такое физическое воздействие на имущество, при котором оно полностью теряет свои ценностные качества и не может быть восстановлено.

В п.п. 1 и 2 ч. 2 ст. 174 УК предусмотрены способы совершения умышленного уничтожения или повреждения имущества: - путем поджога; - иным общеопасным способом.

Сопоставление вандализма и умышленного уничтожения или разрушения памятников истории и культуры (ст. 175 УК) показало, что их отличие по объекту и предмету преступления. Объектом умышленного уничтожения или разрушения памятников истории и культуры является собственность. Предмет данного состава преступления указан в диспозиции ст. 175 УК. К предмету относятся памятники истории и культуры, объекты природы, взятые под охрану государства. Закон Кыргызской Республики «Об охране и использовании историко-культурного наследия» устанавливает правовые нормы в области охраны и использования объектов историко-культурного наследия на территории Кыргызской Республики.

К историко-культурному наследию относятся памятники истории и культуры, связанные с историческими событиями в жизни народа, развитием общества и государства, произведениями материального и духовного творчества, представляющие историческую, научную, художественную или иную культурную ценность. Все они находятся в собственности Кыргызской Республики и охраняются государством.

Объективная сторона данного преступления включает различные способы химического, механического и другого воздействия, которые влекут за собой уничтожение, разрушение или повреждение памятников истории и культуры, природных объектов. Уничтожение заключается в приведении объекта в полную непригодность с потерей возможности его восстановления, вследствие чего объект утрачивает свою ценность. Под потерей ценности необходимо понимать случаи, когда памятники истории и культуры либо природные объекты физически перестают существовать либо становятся непригодным для демонстрации. Разрушение заключается в причинении объекту серьезных повреждений, в результате чего он утрачивает свою ценность, но может быть восстановлен. Повреждение – это причинение повреждений, снижающих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность памятников, уменьшают природоохранную, научную, эстетическую ценность природных объектов.

Необходимо отметить, что по ст. 175 УК квалифицируется уничтожение или разрушение памятников истории и культуры, объекты природы любым способом, например, разбитие на куски обелиска, разрезание картины и другое.

Следует проводить отграничение вандализма от состава надругательства над телами умерших и местом их захоронения, предусмотренного ст. 263 УК. Так, объектом надругательства над телами умерших и местом их захоронения является общественная нравственность. Объективная сторона рассматриваемого состава преступления выражается в надругательстве над телами умерших либо уничтожение, повреждение или осквернение мест захоронения, надмогильных сооружений, а равно похищение находящихся в могиле или на могиле предметов. Надругательство может выражаться в повреждении или расчленении трупа, похищении находящихся при нем предметов, несанкционированном извлечении трупа из могилы, перезахоронении.

Различие имеется и по предмету и месту совершения преступления. Предмет преступления по ст. 263 УК - места захоронения, надмогильные сооружения и кладбищенские здания, места погребения и т.д., где совершаются церемонии в связи с погребением умерших или их поминовением. Уничтожение мест захоронения,

надмогильных сооружений или кладбищенских зданий означает полное разрушение этих объектов, которые не подлежат восстановлению в первоначальном виде. К надмогильным сооружениям относятся ограда, памятник, надгробная плита. Кладбищенские здания относятся церкви, часовни, костелы, а также поминальные здания и сооружения некультового характера.

Как было сказано выше, при вандализме же предметом преступления являются жилые дома, объекты социально-культурного и производственного назначения, сидения автобусов, троллейбусов, сооружения на остановках общественного транспорта и т.д.

С объективной стороны вандализм выражается в учинении различных надписей, нередко нецензурного характера, на фасадах зданий, на заборах или иных сооружениях, в загрязнении стен домов и других сооружений в населенных пунктах, порче оборудования транспортных средств (сидений, окон и т.д.), лифтов в жилых домах и учреждениях, повреждении и выведении из строя телефонных автоматов, повреждении садового оборудования и аттракционов в парках и совершении других подобных действий.

Под осквернением зданий или иных сооружений следует понимать придание им или их частям вида, оскорбительного для общественной нравственности. К подобным действиям следует относить, прежде всего, размещение на зданиях или иных сооружениях надписей и рисунков явно непристойного или злобно-циничного, оскорбительного для окружающих содержания, нарушающее общий внешний или внутренний вид этих зданий или сооружений либо причиняющее заметный ущерб их эстетическим качествам.

В каждом конкретном случае при квалификации таких действий органы следствия и суд должны проводить анализ размеров и содержания надписей и рисунков, а также учитывать способы их устранения. К примеру, не всегда должны рассматриваться как уголовно наказуемые деяния надписи на зданиях, предназначенных к ремонту или под снос.

Из сказанного можно сделать вывод, что объективная сторона надругательства над телами умерших и местами их захоронения по сравнению с вандализмом представлена гораздо шире и более конкретно.

Необходимо указать, что с субъективной стороны вандализм, хулиганство, умышленное уничтожение или повреждение имущества, умышленного уничтожения или разрушения памятников истории и культуры и надругательство над телами умерших и местами их захоронения совершаются с прямым умыслом.

Субъект преступлений, предусмотренных ст.ст. 175, 234, 263 УК является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

В ч. 2 ст. 18 УК предусматривается ответственность с 14 лет за совершение умышленного уничтожения или повреждения имущества путем поджога или иным общеопасным способом (ч. 2 ст. 174 УК) и вандализма (ст. 235 УК).

Таким образом, признаки вандализма, закрепленные в законе носят неоднозначный характер, приводящий к определенным затруднениям при квалификации преступных действий. Представляется, что вопросы разграничения вандализма от иных смежных составов преступлений имеют не только теоретическое, но и практическое значение.

1. Уголовный кодекс Кыргызской Республики. – Бишкек, 2016.
2. Джоробекова А.М., Джоробеков З.М., Шевченко А.В. и др. Уголовное право Кыргызской Республики. Особенная часть. Учебник. – Бишкек, 2017. - С. 194-195.
3. Закон Кыргызской Республики №91 «Об охране и использовании историко-культурного наследия» от 26 июля 1999 года.
4. Джоробекова А.М., Кигишьян В.А. Уголовное право Кыргызской Республики. Учебное пособие. – Бишкек, 2005. - С. 373.
5. Комментарий к УК Кыргызской Республики под ред. Курманова К.Ш. – Бишкек, 2003. - С. 504.
6. Комментарий к УК КР под ред. Асаналиева Т.А. – Бишкек, 2004. - С. 219.

Суховецкий М.И.**Правовые возможности усиления роли Европейского союза в формировании доходов наднационального бюджета***Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(Россия, Москва)**doi: 10.18411/lj-10-2018-21**idsp: 000001:lj-10-2018-21***Аннотация**

В статье рассматривается актуальный в свете тенденций масштабного углубления интеграционных процессов в рамках Европейского союза, вопрос о возможности усиления роли последнего в сфере доходных полномочий наднационального бюджета. Автор анализирует перспективы укрепления доходных полномочий, в рамках существующих основ права Европейского союза, а также предлагает общую концепцию усиления доходных полномочий ЕС, в случае изменения основных документов союза.

Ключевые слова: Европейский союз, бюджет ЕС, интеграция, доходные полномочия ЕС.

Abstract

The article discusses the need to strengthen the revenue authority of the European Union. The author analyzes the prospects within the framework of the existing foundations of the European Union law, and also proposes a general concept of strengthening the EU revenue authority.

Keywords: European Union, EU budget, integration, EU revenue authority.

Европейский союз (ЕС, Союз), создан с целью получения выгоды от единого интегрированного внутреннего европейского рынка, охватывающего все государства-члены Союза и обеспечивающего увеличение мобильности обращения товаров, работ и услуг, что влечет за собой и повышение уровня конкуренции. Подобный экономический эффект достигается посредством существенного сокращения экономических барьеров между государствами-членами ЕС. Несмотря на то, что в последние несколько десятилетий были успешно реализованы важнейшие мероприятия, в сфере гармонизации и общего регулирования деятельности государств – членов ЕС, относительно недавно появились предложения о необходимости укрепления управленческих и координационных полномочий Европейского союза в отношении государств – членов [4]. Исходя из этой позиции, ЕС должен играть более значимую роль в вопросах формирования доходов и расходов бюджета Европейского союза, в первую очередь, за счет налогообложения.

Европейский союз как политический институт имеет определенные черты сходства с федеративным государством как системой политических (государственно-подобных) образований обладающих значительной степенью автономии. Интегрированность внутреннего рынка ЕС обеспечивает свободное обращение товаров, работ и услуг, а также средств производства по территории Союза при этом, каждое государство – член ЕС достаточно автономно при использовании фискальных инструментов.

Вместе с тем, правовой режим Европейского союза как квазигосударственного образования имеет и существенные отличия от правового режима федеративного государства.

Так, ЕС не имеет ни правовых полномочий, ни политических инструментов для осуществления самостоятельной налоговой политики [1, 16]. В этой связи, его деятельность сводится в основном к осуществлению контроля в отношении налоговой политики государств-членов ЕС [9]. В конечном счете, роль ЕС ограничивается разработкой мер по гармонизации права с помощью актов вторичного права Европейской комиссии, Европейского совета, а также прецедентного права Европейского суда [3] в том числе в сфере налогового законодательства.

Более того, практически каждое федеративное государство имеет систему межбюджетных трансфертов, направленных, к примеру, на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов федерации [2, 244] с целью поддержания сопоставимого уровня развития (например, в сфере оказания государственных услуг).

Действующая система формирования доходов бюджета ЕС сформулирована в статье 311 Договора о функционировании Европейского союза (ДФЕС) [8]. Согласно статье 311 ДФЕС, бюджет ЕС финансируется целиком за счет «собственных ресурсов». Этим подчеркивается то, что наднациональная интеграция не зависит от взносов государств – членов, в связи с наличием собственных ресурсов, которых в настоящее время насчитывается четыре.

Во-первых, это «традиционные собственные ресурсы». К традиционным собственным ресурсам относятся, в частности, доходы от сельскохозяйственных сборов и таможенных пошлин, собранных государствами-членами ЕС в качестве агентов для Европейской комиссии.

Во-вторых, это доходы, основанные на налоге на добавленную стоимость (НДС). ЕС получает в качестве дохода отчисления от взимаемого в странах-участниках НДС.

В-третьих, собственные ресурсы, основанные на валовом национальном доходе (ВНД). Каждое государство-член ЕС осуществляет отчисление определенной (одинаковой для всех стран-участниц ЕС) доли своего ВНД в ЕС. Этот «ресурс» является крупнейшим источником доходов бюджета ЕС.

В-четвертых, другие доходы. Другие доходы (менее 1%) включают налоговые и иные отчисления от зарплат сотрудников институтов ЕС, взносы от стран, не входящих в ЕС, возврат неиспользованных средств, проценты по просроченным платежам и штрафам [9].

При всем этом, степень доходной автономии ЕС остается довольно низкой, а действующая система формирования доходов бюджета зачастую подвергается критике ввиду её сложности, а также недостаточной прозрачности [5].

Важно отметить, что доходные полномочия ЕС закреплены в актах, относимых к актам первичного права Европейского союза, то есть основополагающих учредительных договорах ЕС, обладающих высшей юридической силой по отношению к иным нормам Союза, содержащимся в актах вторичного права.

В этой связи, усиление роли ЕС в сфере доходных полномочий Союза, посредством существенного изменения актов первичного права, фактически ставит вопрос о пересмотре правовых основ Европейского союза. Поэтому, наиболее правильным представляется рассмотрение возможности увеличения доходной автономии Союза без изменения актов первичного права.

Основная проблема сводится к вопросу о возможности истолковать акты первичного права таким образом, чтобы они позволяли ЕС, как особой наднациональной структуре, вводить собственные налоги. Иначе говоря, может ли ЕС с целью укрепления автономии доходов вводить собственные налоги и сборы в рамках неизменной статьи 311 ДФЕС?

Согласно позиции ряда европейских исследователей данной проблематики, введение такого налога с полноценными законодательными и доходными полномочиями представляется вполне возможным. Вместе с тем, согласно позиции Федерального Конституционного суда ФРГ, статья 311 не предоставляет ЕС право определять собственную компетенцию. [6; 7]. Следовательно, статья 311 ДФЕС сама по себе не является основанием для введения налога посредством актов вторичного права [9].

Учитывая, что государства-члены ЕС признают Германию фактическим «локомотивом» европейской экономики, мнение ее Конституционного суда по рассматриваемому вопросу представляется весьма существенным.

В то же время, необходимо иметь в виду, что пункт 3 статьи 311 налагает на Союз значительные ограничения, закрепляя правило, согласно которому решение о введении «собственных ресурсов» вступает в силу только его после одобрения государствами-членами ЕС, что, в конечном счете, принципиально ничего не меняет. Ведь, если любая инициатива о введении налога в виде «собственного ресурса» должна быть одобрена государствами-участниками ЕС, то фактически, Союз, не получает достаточной финансовой автономии [7].

Получается, что полноценная автономия доходных полномочий Европейского Союза на уровне актов первичного права невозможна ввиду её ограничения со стороны государств-членов ЕС, определяющая роль которых в решении вопросов относительно доходных полномочий ЕС закреплена в статье 311 ДФЕС.

С позиции необходимости изменения актов первичного права ЕС, наиболее сбалансированным и перспективным, представляется решение о предоставлении Европейскому союзу узких и строго определенных количественно ограниченных полномочий по введению налога ЕС, обеспечивающих ограничительную, но в то же время более широкую, в сравнении с действующим порядком, автономию при формировании дохода бюджета ЕС. Однако, важно отметить, что даже незначительный шаг, связанный с расширением доходных полномочий ЕС, посредством изменения актов первичного права, может привести к глобальной трансформации Союза как на правом, так и на социальном уровне.

Таким образом, Европейский союз, обладая определенной степенью автономии доходных полномочий, тем не менее, подвергается значительным ограничениям со стороны государств-членов, в соответствии с правилами источников первичного права ЕС, в связи с чем, реализация полноценных доходных полномочий представляется невозможной без изменения актов первичного права Союза.

1. Захаров А.С. Становление системы налогового права ЕС: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 26 с.;
2. Крохина Ю. А. Финансовое право России: Учебник для вузов/ Ю.А. Крохина. 2-е изд., перераб. И доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011 – 720с.;
3. Пономарева К.А. Система источников налогового права Европейского союза: правовое регулирование прямого налогообложения // Налоги. 2016 № 3 с. 45-48.
4. Massimo Bordignon & Simona Scabrosetti, 2016. “The Political Economy of Financing the EU budget”, Working 42, Società Italiana di Economia Pubblica.;
5. Cipriani, Gabriele, 2014 Financing the EU Budget: Moving forward or backwards?, Economic Policy;
6. Frenz, Handbuch Europarecht, vol. 6, 2011;
7. Bieber, in: von der Groeben/Schwarze/Hatje (eds.), Europäisches Unionsrecht, vol. 4, 7th edition 2015
8. Treaty on Functioning of the European Union (TFEU);
9. https://europa.eu/european-union/topics/taxation_en.

Шибанов А.А.
Полномочия органов прокуратуры российской империи
во второй половине XIX века

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет»

doi: 10.18411/lj-10-2018-22

idsp: 000001:lj-10-2018-22

Аннотация

Данная статья подготовлена с целью проведения историко-правового анализа формирования по законодательству Российской империи, принятому в рамках проводимой в 60-е годы девятнадцатого столетия судебной реформы, правового статуса органов прокуратуры. В результате проведенного исследования было выявлено, что органы прокуратуры Российской империи во второй половине XIX в. приобрели надзорные полномочия, которые позволили им эффективно осуществлять проверку законности деятельности иных участников уголовно-процессуальной деятельности (следствия, полиции, суда).

Ключевые слова: прокуратура, Российская империя, полиция, следствие, суд, судебная реформа 1864 года, Судебные уставы, Устав уголовного судопроизводства, прокурорский надзор.

Abstract

This article is prepared for the purpose of historical and legal analysis of the formation of the legislation of the Russian Empire, adopted in the framework of the 60-ies of the nineteenth century judicial reform, the legal status of the Prosecutor's office. As a result of the conducted research it was revealed that bodies of Prosecutor's office of the Russian Empire in the second half of XIX century acquired Supervisory powers which allowed them to carry out effectively check of legality of activity of other participants of criminal procedural activity (investigation, police, court).

Keywords: Prosecutor's office, Russian Empire, police, investigation, court, judicial reform of 1864, judicial statutes, Charter of criminal proceedings, Prosecutor's supervision.

Деятельность органов прокуратуры Российской империи по осуществлению прокурорского надзора и поддержанию государственного обвинения в 1864-1917 гг. осуществлялась на основании:

- Судебных уставов 20 ноября 1864 г., в частности, Устава уголовного судопроизводства, Устава гражданского судопроизводства;
- Положения от 14 августа 1881 г. «О мерах по охранению государственного порядка и общественного спокойствия»;
- Временных правил от 15 марта 1866 г.;
- Высочайше утвержденных правил от 13 мая 1871 г.;
- Циркулярного ордера Министерства юстиции от 15 марта 1870 г., и других актов.

Направления реорганизации органов прокуратуры Российской империи во второй половине XIX в. были определены еще ранее, утвержденными 29 сентября 1862 г. Александром II, Основными положениями преобразования судебной части в России. Основной принцип реформирования судебной системы, заложенный в них, разделение судебных полномочий и надзорных полномочий между двумя органами - судом и прокуратурой, затем нашел воплощение в Уставе уголовного судопроизводства.

По Уставу уголовного судопроизводства (далее - УУС) полномочия прокурора, а также их товарищей, по надзору за предварительным следствием состояли в:

- проверке правильности задержания лица, который подозревается в совершении преступления, и помещения его стражу, освобождении из-под стражи, в случае его «неправильного лишения свободы» (ст. 10 УУС);
- проверке соблюдения надлежащих условий, места заключения лиц под стражей и принятии мер к исправлению их нарушений (ст. 11 УУС);
- осуществлении по представлению мирового судьи надзора за полицией (ст. 53 УУС);
- проверке правильности передачи мировым судьей уголовного дела судебному следователю по подведомственности (ст. 117, 142 УУС);
- общем надзоре за предварительным следствием по уголовным делам, осуществляемым судебным следователем, в том числе возбужденным не по сообщению полиции или жалобе частного обвинителя, передаче дел из следствия в суд (ст. 212, 263, 278 УУС);
- осуществлении наблюдения при производстве предварительного следствия (ст. 249 УУС);
- общем надзоре за предварительным следствием по уголовным делам с участием полиции, получении сведений от полиции о совершении правонарушения, ходе проведения полицией дознания (ст. 249, 250, 252, 255 УУС);
- выдвижении требования о проведении дополнительного предварительного следствия по уголовному делу (ст. 286 УУС).

Важно, что УУС четко разделил функции по производству предварительного следствия, дознания, судопроизводству по уголовным делам между, соответственно, судебным следствием, полицией, судами и функции надзора за ними, сосредоточив их на органах прокуратуры Российской империи (ст. 278 УУС). Согласно УУС следствие могло быть прекращено только судом с разрешения прокурора, а приостановлено производство по нему - судебным следователем (ст. 277 УУС). Полиция при производстве дознания по делам, возбужденным в связи с совершением преступлений, находилась под надзором прокуроров и их товарищей (ст. 279 УУС).

В тоже время власть прокуроров не становилась по УУС безграничной. Прокуроры и их товарищи, осуществляя надзор за следствием, не могли останавливать его хода (ст. 280 УУС). Судебный следователь, получив от прокурора или его товарища какие-либо законные требования, обязан был их исполнить и сделать об этом отметку в протоколе, с указанием принятых им мер (ст. 280 УУС). При возникновении трудностей в исполнении законных требований прокурорских работников, он обязан был уведомить их об этом, получить разрешения от них на дальнейшие действия (ст. 282 УУС).

Понятие «прокурорский надзор», употребленное законодателем в ст. 283 УУС, указывает на то, что основная задача участия прокурора в предварительном следствии состоит в защите прав обвиняемых и подозреваемых, предварительной досудебной оценке общественной опасности совершенных ими деяний. Прокурорам и их товарищам разрешалось осуществлять надзор не только за законностью заключения обвиняемого под стражу, но обоснованности выбора данной меры пресечения для данного лица (ст. 284 УУС). Однако окончательное решение о законности задержания обвиняемого компетентен был исключительно суд (ст. 285 УУС).

Полномочия прокурора и их товарищей в сфере судебного надзора состояли в:

- проверке в форме отзыва товарища прокурора законности приговоров мировых судей и законности принесения на них «неудовольствия» полицией (ст. 146 УУС);
- надзоре за мировыми съездами и проверке дел, рассматриваемых ими (ст. 155, 162 УУС);
- принесении протестов на приговоры мировых судей, рассматриваемых в кассационном порядке (ст. 173 УУС);
- возбуждении по предложениям прокуроров дел по спорам о подсудности уголовных дел и даче по ним заключения (ст. 234, 235 УУС);
- надзоре за передачей дел из суда по подведомственности (ст. 241 УУС);
- представлении донесения прокурора о перенесения рассмотрения уголовного дела при нарушении правил подсудности в другой суд (ст. 246 УУС).

Полномочия же прокурора и их товарищей по поддержанию государственного обвинения по уголовным делам заключались в:

- обличении обвиняемых перед судом по уголовным делам, рассматриваемым общими судебными установлениями и возбужденными как дела публичного обвинения, обличать обвиняемых перед судом (ст. 4 УУС);
- судебном преследовании по делам, которые могут быть прекращены примирением и определены в ст. 171 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (ст. 5 УУС);
- даче заключений о применении норм законов к данному уголовному делу, значении доказательств по делу (ст. 166 УУС);

Как видно, УУС предусматривалось, что прокурор участвует в поддержании государственного обвинения, только если уголовное дело не возбуждено по жалобе потерпевшего от правонарушения (преступления или проступка). По уголовным делам частного характера обвинение в суде поддерживал частный обвинитель (ст. 5 УУС).

Надзор за законностью действий судебных учреждений осуществлялся обер-прокурором Сената, прокурорами судебных палат и окружных судов. Они подчинялись непосредственно министру юстиции как генерал-прокурору. Прокуроры имели штат своих помощников – «товарищей прокурора».

Подведем основные итоги.

По модернизируемому законодательству вследствие проведения Великих реформ в 60-70-е годы XIX в., в частности, судебной реформе 1864 г., органы прокуратуры Российской империи получили реальные эффективные механизмы по надзору за следствием, полицией, судами и осуществлению уголовного преследования по делам публичного обвинения, поддержанию государственного обвинения по уголовным делам.

Судебные уставы 1864 г., безусловно, обеспечили нормативную реорганизацию прокуратуры, создав состязательный механизм осуществления гражданского и уголовного судопроизводства. Прокуратура в полной мере стала выполнять функции общего и судебного надзоров.

1. Высочайше утвержденные правила от 13 мая 1871 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. - Т. 46. - Ч. 1.
2. Основные положения преобразования судебной части в России // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. - Т. 37. - № 38761.

3. Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. - Т. 1. - № 350 // История полиции дореволюционной России (сборник документов и материалов по истории государства и права): учебное пособие / Отв. ред. В.М. Курицын. - М.: МВШМ МВД СССР, 1981. - С. 59.
4. Высоч. утвержден. 15 марта 1866 г. временные правила, относящиеся до внутреннего распорядка в судебных установлениях, учрежденных по судебным уставам 20 Ноября 1864 г. // Сборник узаконений и решений Сената 1865-1880 гг. по введению судебной реформы в Западном крае. - Житомир: Волынск. губ. тип., 1880. - С. 238-247.
5. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть первая. - СПб.: Тип. II отд. Собств. Е.И.В. Канцел., 1867.
6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (утв. 15 августа 1845 г., введ. в действие 1 мая 1846 г., в ред. 1885 г.) // Российское законодательство X-XX веков. В 9-ти томах / Отв. ред. О.И. Чистяков. Т. 6. - М.: Юрид. лит., 1988. - С. 174-309.
7. Циркулярный ордер Министерства юстиции 15 марта 1870 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. - Т. 46. - Ч. 1. - № 4739.

Шибанов А.А.

**Организация органов прокуратуры Российской Империи
во второй половине XIX века**

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет»

doi: 10.18411/lj-10-2018-23

idsp: 000001:lj-10-2018-23

Аннотация

Данная статья подготовлена с целью выявления особенностей организации органов прокуратуры Российской империи во второй половине XIX века и установления их взаимосвязи со спецификой осуществления возложенных на них полномочий, а также функций судебных органов. В результате проведенного исследования было выявлено, что организация органов прокуратуры Российской империи во второй половине XIX в., в виду наделения их исключительными надзорными полномочиями, в том числе при производстве предварительного расследования, поддержании государственного обвинения в судах, была построена на основе принципов централизации, субординации, компетентности и профессионализма.

Ключевые слова: органы прокуратуры, Российская империя, организация органов прокуратуры, кадровый состав органов прокуратуры, суд, судебная реформа 1864 года, Судебные уставы, Устав уголовного судопроизводства, прокурорский надзор.

Abstract

This article is prepared to identify the features of the organization of the prosecution of the Russian Empire in the second half of the XIX century and to establish their relationship with the specifics of the exercise of their powers, as well as the functions of the judiciary. As a result of the study it was found that the organization of the prosecution of the Russian Empire in the second half of the XIX century, in view of giving them exclusive Supervisory powers, including in the production of preliminary investigation, maintenance of public prosecution in the courts, was built on the principles of centralization, subordination, competence and professionalism.

Key words: Prosecutor's office bodies, Russian Empire, organization of Prosecutor's office bodies, staff of Prosecutor's office bodies, court, judicial reform of 1864, judicial statutes, Charter of criminal proceedings, Prosecutor's supervision.

Органы прокуратуры Российской империи в 1864-1917 гг. подверглись существенной реорганизации. Правовой основой этой реорганизации выступили, прежде всего, Судебные уставы 1864 г.

В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. были определены:

- полномочия органов прокуратуры;
- система органов прокуратуры;
- принципы организации и деятельности кадрового состава органов прокуратуры.

В Уставе судебных установлений (далее - УСУ) были изложены, помимо правовых основ организации судебной системы, главные начала и ключевые принципы организации органов прокуратуры Российской империи.

Анализ норм Устава уголовного судопроизводства (далее - УУС) показывает, что органы прокуратуры Российской империи в результате реформирования всей системы законодательства о судебной системе приобрели полномочия по:

- возбуждению уголовных дел и уголовному преследованию;
- надзору за органами предварительного расследования (судебным следствием и полицией);
- надзору по арестантским делам;
- поддержанию государственного обвинения.

Прокурор имел право возбудить уголовное дело (п. 4 ст. 297, 311 УУС). Прокуроры и их товарищи осуществляли с соблюдением правил окружной подведомственности надзор за производством предварительного следствия. Они могли получить отвод, за исключением случаев связи с потерпевшим или обвиняемым (ст. 287, 296 УУС).

Прокуроры палат рассматривали жалобы на предвзятость прокуроров и их товарищей при производстве надзора за предварительным следствием (ст. 287 УУС). При этом прокуроры не могли отказать в производстве следствия, если оно было начато другим уполномоченным субъектом (например, судебным следствием, полицией) (ст. 303 УУС), что указывает на четкое законодательное разделение предварительного расследования и прокурорского надзора. Любой участник уголовного процесса мог подать прокурору или его товарищу жалобу (ст. 306 УУС). Во всех случаях о результатах рассмотрения жалоб, поданных судебному следователю или полицейскому, ставился в известность прокурор или его товарищ. Копии протоколов, на основании которых оставалась без движения явка с повинной, направлялись прокурору или его товарищу (ст. 310 УУС).

Наделение органов прокуратуры Российской империи во второй половине XIX в. новыми полномочиями требовало и существенных преобразований в их организации.

Новая организация органов прокуратуры Российской империи строилась на принципах взаимодействия и четкого разделения полномочий между прокуратурой, судебным следствием и полицией.

Уточним, что реформа судебного следствия началась ранее реформы суда и прокуратуры 1864 г., в 1860 г., когда был принят Указ императора Александра II Правительствующему Сенату «Об учреждении судебных следователей» и от полиции было отделено следствие по преступлениям и проступкам, подлежащим рассмотрению в судах (судебных местах). Судебные следователи (особые члены уездных судов, находились в ведении Министерства юстиции Российской империи) имели отличный от прокуроров правовой статус. В результате объем полномочий прокуратуры стал позволять им осуществлять надзор за производством предварительного следствия.

Судебные следователи назначались и освобождались от должности губернаторами по представлению губернских прокуроров (ст. 2 Учреждения судебных следователей).

Прокурор и его товарищи могли требовать от судебного следователя проведения следственных мероприятий только при наличии достаточных к тому оснований. При отсутствии таковых, необходимо было проводить посредством негласного полицейского разведывания, их проверку (ст. 311, 312 УУС). Судебный следователь уполномочен был самостоятельно начать следствие по уголовному делу или уголовным делам, даже не имеющим существенной связи между собой, но поставив, в последнем случае в известность, в том числе о времени и месте производства дознания, прокурора или его товарища (ст. 313, 314, 455 УУС). По уголовным делам, возбужденным в отношении лиц, страдающих психическим расстройством, установленным на основании освидетельствования, распоряжения о дальнейшем по нему производстве, о передаче такого дела окружному суду, компетентен был принимать не судебный следователь, а прокурор (ст. 353, 354 УУС).

Очевидно, что по УУС (раздел 3), по УСУ организация органов прокуратуры Российской империи напрямую была связана с организацией судебной системы.

Согласно Судебным уставам 1864 г. выделились две самостоятельные судебные ветви - общий и мировой суды. Общие суды имели три инстанции:

- первая - Правительствующий Сенат (высший судебный орган, в составе - Гражданского кассационного и Уголовного кассационного департаментов, кассационная инстанция по пересмотру приговоров и решений всех общих судов);
- вторая - судебные палаты (суды судебных округов, состояли из уголовного, гражданского департаментов, общего судебного места, в их полномочиях - рассмотрение жалоб на решения окружных судов по делам, рассмотренным без присяжных заседателей, по первой инстанцией – рассмотрение дел о государственных и должностных преступлениях, преступлений против порядка управления);
- третья - окружные суды (действовали в пределах судебного округа губернии, являлись апелляционными судебными инстанциями по делам, рассмотренным мировыми судами, судами первой инстанции по делам о преступлениях, за которые в законе были установлены наказания, соединенные с лишением или ограничением прав состояния, и по гражданским делам по искам на сумму более 500 руб.).

Институт мировых судей включал участковых мировых судей и мировые съезды. Мировой суд учреждался в составе одного судьи для разрешения «меньшей важности» гражданских и уголовных дел. Съезд мировых судей являлся апелляционной инстанцией для участковых мировых судов.

Во всех судебных органах прокуроры и их товарищи могли быть участниками уголовного и гражданского судопроизводства.

В соответствии с разделом 3 УСУ прокурорский надзор осуществлялся обер-прокурорами, прокурорами и их товарищами во второй, третьей судебных инстанциях, в мировых судах под общим началом Министра юстиции, который также признавался прокурором. Тем самым, можно еще раз подтвердить, что формирование системы органов прокуратуры была осуществлена в соответствии с принципами реформирования и деятельности судебных органов.

Должности обер-прокуроров и товарищей обер-прокуроров учреждались в столичных городах в Правительствующем Сенате при его двух кассационных департаментах и подчинялись непосредственно Министру юстиции. Ему же

подчинялись и прокуроры судебных палат, а им, в свою очередь, - прокуроры окружных судов.

На прокурорские должности прокуроров Правительствующего Сената, судебных палат и окружных судов назначал лично император, а товарищи прокуроров судебных палат, окружных судов, прокуроры и товарищи нижестоящих судебных инстанций утверждались в должности генерал-прокурором (министром юстиции по должности).

Помощники прокуроров по действующему в тот период процессуальному законодательству именовались товарищами. Товарищи прокуроров, состоявших при окружных судах, осуществляли надзор по производству предварительного расследования в уездных городах и принимали участие в съездах мировых судей.

Сама система органов прокуратуры в рассматриваемый исторический период развития российской государственности характеризовалась централизацией. Прокурорские должности могли занимать при соблюдении в совокупности всех обязательных условий поступления на государственную службу:

- лица, имеющие высшее образование по юридической специальности;
- подданные в возрасте старше двадцати пяти лет;
- лица, подтвердившие наличие у себя знаний по судебной части;
- лица со стажем судебной деятельности (для товарищей прокуроров - от 4-х лет, для прокуроров окружных судов и их товарищей, товарищей прокуроров судебных палат - от 6-ти лет, для прокуроров судебных палат - от 8-ми лет, для обер-прокуроров - от 12-ти лет) (ст. 210 УСУ).

Организация деятельности прокурора при рассмотрении дел в окружных судах регулировалась нормами раздела 3 главы I УУС (ст. 510-528), а в судебных палатах - нормами раздела 3 главы II УУС (ст. 529-542).

Прокурор по окончании предварительного следствия и отсутствии при его производстве нарушений в течение семи дней обязан был составить заключение по уголовному делу публичного обвинения - обвинительный акт для передачи его в окружной суд (ст. 510, 517, 519, 520, 521 УУС), либо при выявлении в нем существенных нарушений - направить дело на доследование (ст. 512 УУС). Прокурор окружного суда не полномочен был изменить подсудность дела, приостановить следствие, но вправе был составить и предъявить окружному суду, судебной палате свое заключение по этим процессуальным и материальным основаниям рассмотрения уголовных дел (ст. 515, 516, 518, 523 УУС).

Судебная палата могла рассматривать обвинительные акты, представления о прекращении, приостановлении уголовного преследования по уголовным делам публичного обвинения только по предложениям, состоящим при них прокурорах (ст. 529 УУС). Данное предложение прокурор судебной палаты должен был формировать по заключению местного прокурора (ст. 532 УУС). Дела частного обвинения в судебных палатах рассматривались без участия прокуроров (ст. 540 УУС).

Из норм УУС о полномочиях прокуроров и их товарищей в уголовном судопроизводстве можно сделать выводы о том, что организация органов прокуратуры и формирование их кадрового состава в Российской империи после проведения судебной реформы 1864 г. стали осуществляться по нормам Судебных уставов. Прокуроры и их товарищи состояли при судах (в частности, при окружных судах, судебных палатах) и осуществляли функции прокурорского надзора по предварительному следствию и дознанию, уголовному преследованию, поддержанию во всех судебных инстанциях (общих и мировых судах) государственного обвинения.

Наделение их полномочиями по уголовному преследованию, надзору за предварительным расследованием и поддержанию государственного обвинения в судах

не лишило их правового статуса органа «государева ока», а наоборот превратило в эффективную централизованную систему органов власти, которые стали обособленными от судебных органов и реализовали функции по защите прав подданных.

1. Бразоль Б.Л. Следственная часть / Б.Л. Бразоль // Судебные уставы 1864 г. за пятьдесят лет. Т. II. - Петроград: Сен. Тип., 1914. - 831 с.
2. Серафимович А.Е. Прокуратура в Западной Сибири в XIX - нач. XX в. (историко-правовое исследование): Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.Е. Серафимович. - М., 2016. - 210 с.
3. Указ Сенату от 8 июня 1860 г. «Об учреждении судебных следователей» (вместе с Законами «Учреждению Судебных Следователей», «Наказ Судебным Следователям», «Наказ Полиции о производстве дознаний по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок») // ПСЗ РИ. Собрание второе. Т. XXXV. Отд. I. 1860. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1862. - С. 711-727.
4. Устав уголовного судопроизводства // Российское законодательство X-XX веков: в 9-ти томах. Т. 8 «Судебная реформа» / Отв. ред. Б.В. Виленский, под общ. ред. О.И. Чистякова. - М.: Юрид. лит., 1991. - С. 118-387.
5. Учреждение судебных установлений // Российское законодательство X-XX веков: в 9-ти томах. Т. 8 «Судебная реформа» / Отв. ред. Б.В. Виленский, под общ. ред. О.И. Чистякова. - М.: Юрид. лит., 1991. - С. 30-117.

Щербатенко Е.А.

Актуальные вопросы правового регулирования лесопарковых зеленых поясов

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
РФ (Челябинский Филиал)
(Россия, Челябинск)*

doi: 10.18411/lj-10-2018-24

idsp: 000001:lj-10-2018-24

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования создания и функционирования лесопарковых зеленых поясов, обосновывается актуальность темы исследования, дается анализ действующим нормам регулирующим отношения в данной сфере. Автор делает выводы о необходимости дальнейшего совершенствования данного правового института.

Ключевые слова: лесопарковые зеленые пояса, городские леса, экологическое законодательство.

С 1 января 2017 вступил в силу Федеральный закон от 3 июля 2016 года № 353-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части создания лесопарковых зеленых поясов» (далее – Закон № 353-ФЗ). Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 года № 7-ФЗ (далее – Закон № 7-ФЗ) дополнен главой IX.1 «Лесопарковые зеленые пояса», включающей в себя статьи 62.1 – 62.5, в которых законодательно раскрывается понятие «лесопарковые зеленые пояса», устанавливается порядок их создания, упразднения, принятия решения об отказе в их создании, определен режим особой охраны природных объектов, расположенных в лесопарковых зеленых поясах.

С принятием указанных норм в научной литературе возрос интерес к вопросам создания лесопарковых зеленых поясов. М.В. Коростелева делает вывод о недопустимости форсирования процесса создания лесопарковых зеленых поясов без

совершенствования законодательства в этой сфере [5]. Е.И. Майорова отмечает необходимость совершенствования режима городских лесов и определения понятия «городской лес» [7]. В.А. Майборода проводит анализ указанных отношений в единстве с нормами градостроительного, земельного и экологического законодательства [6].

Современные условия проживания характеризуются нарастающим антропогенным воздействием, значительным сокращением территорий лесов. Для сохранения природных систем вокруг городов необходима комплексная работа, включающая не только совершенствование законодательства, но и другие направления деятельности. Следует согласиться с мнением авторов, что решение вопросов сохранения природной среды, обеспечения экологической безопасности невозможно без формирования эколого-правовой культуры населения [2; 3], создания эффективных инструментов управления в области охраны окружающей среды [4] и др. Создание лесопарковых зеленых поясов должно повысить качество окружающей среды в населенных пунктах.

Анализ норм Закона № 353-ФЗ показывает, что механизм охраны лесопарковых зеленых поясов требует совершенствования. Законом № 353-ФЗ не устанавливается, в ведении какого органа исполнительной власти будут находиться вновь созданные лесопарковые зеленые пояса, а также лесопарковые зеленые пояса расположенные на территории двух и более городских населенных пунктов. Указанный законодательный пробел необходимо устранить и определить конкретный орган государственной власти, в ведении которого будут находиться лесопарковые зеленые пояса.

Статья 62.4 Закона 7-ФЗ устанавливает режим особой охраны природных объектов, расположенных в лесопарковых зеленых поясах и закрепляет исчерпывающий (закрытый) перечень видов деятельности, запрещенных на территориях природных объектов, расположенных в лесопарковых зеленых поясах.

Анализируя установленные запреты, на территории лесопарковых зеленых поясов, можно сделать вывод, что законом допускается строительство капитальных объектов рекреационной, туристической физкультурно-оздоровительной и спортивной деятельности, законодательно допускается ведение капитального строительства. Указанные исключения могут позволить под видом строительства гостиницы, санатория, спортивных объектов возводить элитные поселки или торговые центры в составе санатория или спортивной турбазы. Следует отметить, что лесным законодательством установлены более жесткие требования к режиму охраны лесопарковых зон, в соответствии со статьей 105 Лесного кодекса размещение объектов капитального строительства в лесах и лесопарковых зонах запрещено, исключение составляет лишь размещение гидротехнических сооружений, линий связи, линий электропередачи, подземных трубопроводов.

Установленный в законе Закон 7-ФЗ запрет на размещение отходов касается только отходов 1-3 классов опасности. В соответствии с действующим законодательством к отходам 4 и 5 классов опасности относятся отходы, с которыми мы постоянно сталкиваемся в повседневной жизни, самые распространенные из них это пищевые отходы, твердые коммунальные отходы жизнедеятельности человека, строительные отходы, отходы от уборки кладбищ и колумбариев. Представляется, что необходимо установить запрет на размещение любых видов отходов на территории лесопарковых зеленых поясов.

Отдельного внимания заслуживает установленный в законодательстве запрет на размещение объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, отнесенных в соответствии с настоящим Федеральным законом к объектам I категории.

Помимо объектов I категории, безусловно являющихся самыми опасными, есть еще четыре категории объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду. Например, ко II категории объектов, оказывающих умеренное негативное воздействие на окружающую среду в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 28.09.2015 № 1029 «Об утверждении критериев отнесения объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, к объектам I, II, III и IV категорий» относятся объекты: по добыче и подготовке руд и песков драгоценных металлов, оловянных руд, титановых руд, хромовых руд на рассыпных месторождениях и т. д. Полагаем, что законодательством должен быть установлен запрет на размещение указанных объектов на территории лесопарковых зеленых поясов.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что содержание статьи 62.4 Закона № 7-ФЗ «Режим особой охраны природных объектов, расположенных в лесопарковых зеленых поясах» требует существенной доработки.

1. Федеральный закон от 10 января 2002 г. N 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»/ Интернет-ресурс «Гарант»;
2. Аббасов П.Р. Актуализация формирования эколого-правовой культуры студентов гуманитарных вузов // Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI в Материалы международного научно-творческого форума. 2017. С. 242-244.
3. Аббасов П.Р., Васильев В.А. Формирование эколого-правовой культуры работников и работодателей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2018. Т. 18. № 1. С. 49-53.
4. Ибраева Р.Р. Индикаторы устойчивого развития как инструменты регулирования эколого-экономических отношений // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2012. № 9. С. 158-165.
5. Коростелева М.В., Коростелева Н.В. Правовое регулирование порядка создания лесопарковых зеленых поясов в Российской Федерации // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2018. № 2. С. 34-37.
6. Майборода В.А. Правовой институт лесопарковой зеленой полосы // Градостроительное право. 2017. № 2. С. 31-34.
7. Майорова Е.И. Городские леса в свете принятия "закона о зеленом щите" // Аграрное и земельное право. 2016. № 7 (139). С. 98-103.

Яцученко В.К.

Особенности исполнения пожизненного лишения свободы в зарубежных странах

*Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского
Томского государственного университета
(Россия, Новосибирск)*

doi: 10.18411/lj-10-2018-25

idsp: 000001:lj-10-2018-25

Аннотация

В статье рассматриваются различные подходы в исполнении наказания в виде пожизненного лишения свободы за рубежом. На основании проведенного анализа условий отбывания данного наказания в странах ближнего и дальнего зарубежья, статистических данных, регламентации условно-досрочного освобождения автор делает вывод, что в государствах отсутствует единство в подходах применения и исполнения данного вида наказания.

Ключевые слова: уголовное наказание, пожизненное лишение свободы, условно-досрочное освобождение.

В России рост числа осужденных к пожизненному лишению свободы продолжается, что формирует новые требования к уголовной и уголовно-исполнительной политике. Актуальность представляют вопросы о досрочном освобождении лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы, их реабилитация в случае освобожденных от отбывания пожизненного заключения, условия содержания и обеспечение безопасности жизни и здоровья заключенного в период пребывания в исправительных учреждениях. Анализ зарубежных практик исполнения наказания и порядок условно-досрочного освобождения позволит сформировать единый подход к решению вышеуказанных проблем. Данные статистики показали, что в начале 2017 года к пожизненному лишению свободы или к сроку длиннее, чем биологической жизни за совершение преступлений в мире были приговорены около 200 000 человек.

28 февраля 1996 года Российская Федерация вступила в Совет Европы, что повлекло за собой признание нашим государством международных принципов демократии и гуманизма, соблюдение европейских правовых норм. Вступление в Совет Европы повлек за собой подписание Протокола № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, что предполагает отмену смертной казни, это событие определило вектор развития института пожизненного лишения свободы в России.

Проблема приведения условий содержания заключенных в соответствие с международными рекомендациями является одной из наиболее острых. Условия содержания заключенных являются показателем цивилизованности пенитенциарной системы страны, при этом находятся под пристальным вниманием гражданского общества и международных организаций.

Основным документом Совета Европы, закрепляющим принципы исполнения уголовных наказаний, связанных с пожизненным лишением свободы, является Рекомендация № Rec (2003) 23 Комитета министров Совета Европы странам-членам «По управлению заключенными с пожизненным сроком и большими сроками заключения со стороны администрации тюрем». В соответствии с Рекомендацией основным принципом управления осужденными является принцип отсутствия сегрегации, который не реализован в Российском законодательстве.

Изоляция и социальная депривация осужденных к пожизненному лишению свободы формирует сложности в работе с осужденными. Рекомендацией N Rec (2003) 23 предусмотрены принципы организации и порядка исполнения наказаний к пожизненному лишению свободы:

- принцип социального взаимодействия, который заключается в балансе между внимательным отношением к условиям содержания осужденных и строгостью контроля;
- принцип мобильности и ротации, что означает возможные манипуляции со стороны осужденных по отношению к персоналу исправительного учреждения;
- принцип обучения, который содержит в себе необходимость в представлении персоналом динамической безопасности при исполнении служебных обязанностей.

В международно-правовых актах содержатся положения о необходимости предоставления пожизненно заключенным набора прав наряду с осужденными к лишению свободы. Так, в соответствии со статьей 10 Международного пакта о гражданских и политических правах все лица, лишённые свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности. Резолюцией 2 Комитета Министров Совета Европы содержатся рекомендации о

пересмотре приговора к пожизненному лишению свободы после отбытия срока от 8 до 14 лет, при этом пересмотр должен осуществляться с определенной периодичностью.

Важно отметить, что пенитенциарная система зарубежных стран также свидетельствует о наличии прогрессивного порядка отбывания наказания, предусматривающего возможность освобождения пожизненно осужденных после отбытия ими установленного судом или законом обязательного срока, а также при условии соблюдения специальных условий [1]. Условия, необходимые для условно-досрочного освобождения в зарубежных странах различны. Например, в Германии данный срок составляет 15 лет, в Великобритании -14, в то время как в США такой срок значительно выше и составляет 25 лет в штатах Аризона, Кентуки, Нью-Йорк, Теннесси и Флорида, 30 лет в Дакоте, Миннесоте, Южной Каролине, 35 лет в Техасе и 45 лет в Индиане.

В ряде стран пожизненное лишение свободы, как вид наказания не предусмотрено (Бразилия, Испания, Колумбия, Норвегия, Португалия и Хорватия). При этом в Норвегии предельный срок заключения в соответствии с законодательством, составляет 21 год с возможностью удержания заключенных сверх срока путем «превентивного заключения».

Схожий вид заключения предусмотрен в Германии при наличии оснований полагать, что заключенный может представлять особую опасность для общества после освобождения. В Турции, США, Великобритании допустимо лишение свободы без права на условно-досрочное освобождение для определенной категории осужденных. В Швеции не предусмотрен вид наказания в виде пожизненного лишения свободы, максимальным наказанием является тюремное заключение сроком на 10 лет (18 лет в случае совершения убийства человека). Вместе с тем следует отметить, что случаи назначения наказания в виде пожизненного лишения свободы в Швеции назначались за геноцид в Руанде в 2013 году гражданина Швеции Мбанеднанде, а затем в 2016 году гражданина Клавера Беринкинди, имевшего статус беженца. В 2015 году два гражданина Швеции были приговорены к пожизненному лишению свободы за участие в казни граждан Сирии. Данные случаи скорее являются исключением из правил. Гражданин Швеции, отбывающий наказание в виде пожизненного лишения свободы имеет право на свидание, продолжительность которого обусловлено возможностью по его обеспечению [2].

В Дании наказание в виде пожизненного лишения свободы предусмотрено ч. 1 параграфа 33 Уголовного кодекса [3]. Данное наказание предусмотрено за совершение преступления против независимости и безопасности государства, против Конституции и высших властей Государства. В этой стране активно практикуются свидания с супругами для заключенных, которые проходят в специально предназначенных апартаментах, при этом таким правом могут пользоваться осужденные, приговоренные к наказанию на срок, не превышающий 8 лет. Длительность свидания – 47 часов.

В соответствии с положениями параграфов 51-53 Уголовно-исполнительного кодекса Дании от 2001 г. [4] и официальному справочнику управления тюрем и пробации Дании (Kriminalforsorgen) «О правилах отбывания наказания в местах лишения свободы» [5] осужденные имеют право на посещение (2 часа в неделю), при этом срок посещения и частота могут быть увеличены администрацией исправительного учреждения.

Уголовным кодексом Финляндии наказание в виде пожизненного лишения свободы предусмотрено разделом 3 главы 2 [6]. Вопросы, связанные с организацией свиданий для осужденных к пожизненному лишению свободы или лишению свободы

на длительный срок предусмотрены главой 13 «Свидания и контакты с внешним миром» (параграф 1-4).

Условия для условно-досрочного освобождения в США более жесткие и для их наступления лицо, отбывающее наказание, подвергается заключению на срок не менее 25 лет. При этом в Европейских странах условия значительно мягче и срок заключения перед возможным условно-досрочным освобождением начинается с 15 лет. В ряде стран пожизненное лишение свободы, как вид наказания, отсутствует.

В отличие от большинства европейских стран, США не определяет возраст, с которого возможно назначение пожизненного лишения свободы, поэтому этот вид наказания может применяться даже к несовершеннолетним. Также пожизненное лишение свободы в США может назначаться женщинам, независимо от их возраста. В связи с этим нельзя не отметить, что российское законодательство в этой части представляется более гуманным [1].

В Германии предусмотрены два типа учреждений для отбывания пожизненного лишения свободы: открытые и закрытые, осужденный отбывает наказание в тюрьме, которая находится на наиболее близком расстоянии от его дома с целью создания условий для посещения заключенного родственниками. В течение шести месяцев личность преступника изучается в специальном учреждении, что позволяет определить дальнейшее место заключения. В учреждениях открытого типа содержатся заключенные, которые не склонны к нарушению режима отбывания наказания и не имеют намерений совершать преступления. После освобождения заключенный находится под контролем специального уполномоченного лица для реабилитации сроком на 5 лет.

В Ирландии практика условно-досрочного освобождения склоняется к тому, что за период с 2001 по 2012 год в отношении 13 лиц условно-досрочное освобождение было отменено в связи с нарушением определенных условий. Данными лицами были совершены преступления в виде кражи, хранения и продажи наркотиков, неспособность вести трезвый образ жизни. Необходимо отметить, что среди перечисленных преступлений нет насильственных преступлений, преступлений против жизни и здоровья человека.

Практика стран ближнего зарубежья использует расширение применения наказания в виде пожизненного лишения свободы, связанного с отменой смертной казни и заменой смертной в качестве помилования. Ряд ученых считают, что пожизненное лишение свободы есть «не исправление осужденного, а его полная изоляция от общества» [7]. Данное утверждение вызывает сомнение в связи с наличием в данных странах института условно-досрочного освобождения. Уголовное законодательство всех стран ближнего зарубежья устанавливает пожизненное лишение свободы, как вид наказания, за исключением Уголовного законодательства Туркменистана (в порядке исключения применено в 2002 году).

В Азербайджане, Армении, Казахстане, Украине, Молдове и Белорусии пожизненное лишение свободы не применяется к несовершеннолетним. Во многих странах данный вид наказания не применяется к женщинам и пожилым людям. Заключенные отбывают наказание в исправительных колониях особого режима или тюрьме. При этом, осужденные к пожизненному лишению свободы вправе: ежемесячно приобретать продукты питания за счет средств, которые хранятся на их лицевых счетах; иметь два краткосрочных свидания в год; получать одну посылку или передачу и две бандероли в год; осуществлять ежедневную прогулку продолжительностью 30 минут; при отбытии 10 лет осужденные могут быть переведены на улучшенные условия содержания.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что между обществом, законодателями и представителями правосудия за рубежом до настоящего времени нет единообразного подхода в применение пожизненного лишения свободы и его особенной роли в системе мер уголовно-правового воздействия.

1. Минстер М.В. Пожизненное лишение свободы в России и практика его применения за рубежом//Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран. Материалы V Международной научно-практической конференции. отв. ред. С. И. Сулова, А. П. Ушакова. Иркутск, 2016. С. 107-111.
2. Act on Imprisonment//Swedish Code of Statutes 2010: 610.
3. The Criminal Code Order: Dated of September 27, 2005. No/ 909 (as amended Act Nos. 1389 and 1400 of December 21, 2005.
4. Danish Sentence Enforcment Act 2001, параграф 51-53. P. 11-12.
5. The Department of Prisons and Probation, Information on serving on serving a prison sentence. P. 8.
6. The Criminal Code of Finland Dates 1889#39 (amendment up to 766/2015 included), Chapter 2, Sec. 3.
7. Жабский В.А. Наказания по уголовному законодательству зарубежных стран: теоретико-прикладное исследование: автореферат диссертации докт. юрид. наук. Рязань, 2011. – 38 с.

Научный журнал

**Тенденции науки и образования в современном мире
№43, 10.2018**

Октябрь 2018 г.
Часть 1

SPLN 001-000001-0346-LJ

Подписано в печать 07.11.2018. Тираж 400 экз.
Формат. 60x84 1/16. Объем уч.-изд. л. 4,83
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Отпечатано в типографии НИЦ «Л-Журнал»
Главный редактор: Иванов Владислав Вячеславович